

ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Международная
научная конференция,
посвященная 180-летию
создания кафедры тюркской филологии
Санкт-Петербургского
государственного университета

Сборник тезисов выступлений

С.-Петербург
26–28 октября 2015 г.

International scientific conference
“Languages and literatures of the Turkic peoples”
dedicated to the 180th anniversary of the Department
of Turkic Philology at the St. Petersburg State University.
St. Petersburg, 26–28 October 2015

Abstracts

“Türk Halklarının Dilleri ve Edebiyatları”
Uluslararası Bilimsel Konferansı
St. Petersburg Devlet Üniversitesi Türk Filolojisi
Bölümü’nün 180. kuruluş yıldönümü anısına.
St. Petersburg, 26–28 Ekim 2015.

Özetler

Uzbek Variety as Spoken in China

Uzbek is considered as one of under-populated ethnic groups in China. According to the most recent census published by National Bureau of Statistics of China in 2010, the population of Uzbek was 10569. Uzbek in China live in Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR). In the north part of XUAR, they mainly live in Ghulja city, Ili Kazak Autonomous Prefecture, Tacheng Prefecture and Changji Hui Autonomous Prefecture, while in the south Uzbeks mainly live in Kashgar Prefecture, such as Yarkend, Qarghalik counties. In terms of population distribution, Uzbeks inhabit in the cities, only a small number of them live in county-side or pasturing areas. In the cities, Uzbeks generally live with Uyghur and Chinese people, in the pasturing area with Kazaks. Danangou Uzbek village in Mori Kazak Autonomous Prefecture, Changji Hui Autonomous Prefecture, was founded in 1987, is the only one officially recognized Uzbek ethnic village in China.

In this paper, Uzbek language spoken in China is presented, two texts collected from the fieldwork are analyzed. The first text is spoken by an old Uzbek speaker about Uzbek and Uzbek language situation in Xinjiang, China. The second text is a personal experience of a speaker. Though Uzbek language is not used in their daily life, the elements of Uzbek language still remained. Uyghur language influences are found in the texts, Chinese is used only for the name of the places. Linguistic analysis and discussions on the texts show that the Uzbek language spoken in China is very much close to Uyghur in terms of vocabulary and morphology. Speakers tend to pick up the common features shared by both Uzbek and Uyghur languages, and use it when it is needed, such as communicating with relatives or business partners who are from Uzbekistan. One may easily think that they are in Uyghur, unless paying close observation to the elements of Uzbek. However, it is still hard to state that the language spoken in the texts is Uzbek or Uyghur. The texts discussed in this paper lead to the conclusion that when two

languages are typologically very close, intense contact between them may relatively quickly lead to considerable convergence. One thing is certain that Uzbek spoken in China is very much influenced by Uyghur. Shermatov pointed out that as a result of the mixing and mutual penetration of various languages, bilingual dialects were formed historically in the territory of the mixed dialect zone, such as Uzbek-Kazak, Uzbek-Kirgiz, Uzbek-Turkmen, and Uzbek-Tajik. Though two texts are not safe to draw a final conclusion, but it's possible to say that there is a mixed Uzbek dialect zone in XUAR, China, which shares the features of Uyghur and Uzbek.

Р.С. Аликаев, М.Р. Тогузиева

**Вильгельм Прёле и истоки карачаево-балкарской
научной филологии**

R.S. Alikayev, M.P. Toguzieva

**Vilmos Pröhle and the origins of Karachai-Balkarian scientific
philology**

Впервые в отечественной и зарубежной филологии системно структурированные материалы по карачаево-балкарской филологии представлены в серии публикаций венгерского тюрколога Вильгельма Прёле под названием «Karatschajische Studien» (далее KS) и «Balkarische Studien» (далее BS), которые были напечатаны в X, XV и XVI томах журнала «Keleti szemle» («Восточное обозрение») за 1909, 1914–1916 годы. Эти работы, бесспорно, за прошедшие 100 лет, стали памятниками истории языка, культуры и фольклора карачаево-балкарского народа.

Как «KS», так и «BS» подготовлены в виде двуязычного карачаево-балкарского-немецкого текста, имеют единую структуру и включают теоретический раздел с кратким описанием основ фонетики и морфологии малкарского (черекского) диалекта и карачаевского варианта карачаево-балкарского языка, разножанровый текстовой материал, отражающий не только образцы формирующегося лите-

ратурного языка, но и обиходно-разговорного языка. Он состоит из 22 пословиц, 9 загадок, 69 куплетов лирических народных песен, 9 эпических народных песен, 16 частей топографических и этнографических набросков, в которых описываются географические реалии, традиции, особенности культуры и быта карачаево-балкарского этноса, и 18 сказок. К текстовому материалу в виде приложения имеются весьма информативные комментарии.

Важное место в штудиях В. Прёле занимают словари. Словник «BS» В. Прёле до настоящего времени остается уникальной в отечественной и зарубежной филологии, т.к. в нем представлена лексика малкарского диалекта Балкарии, он включает 1620 лексем с переводами на немецкий язык, а словник «KS» — 1837 лексем также с переводами на немецкий язык.

Заслуга В. Прёле состоит в том, что он заложил основы научного описания фонетической и морфологической системы и практической лексикографии карачаево-балкарского языка, ориентированных на западноевропейские филологические традиции.

Работы В. Прёле вносят огромный вклад в понимание специфики процессов языкового строительства в Карачае и Балкарии и дают возможность адекватно реконструировать фрагменты быта, культуры и истории языка и фольклора карачаево-балкарского этноса начала XX века.

Ф. Алиева

Турецкий поэт в Египте Бардали Ибрагим Гюльшани

F. Aliyeva

Turkish poet in Egypt İbrahim Bardai Gulshani

В исследованиях классической восточной литературы основное место уделяется взаимным турецко-фарсидским литературным связям, где преобладает мысль о том, что непосредственная взаимная связь между арабской литературой и турецкой литературой слаба. Хотя, при внимательном рассмотрении, возможно увидеть,

что эта связь не такая уж слабая, как думается. На Востоке, который является властелином не границ, а слова культуры, каждый знающий три языка литератор обычно отдаёт предпочтение написанию на арабском языке произведений, философских трактатов, посвященных более сложным темам; стихотворные произведения они чаще всего писали на фарсидском или турецком языках. Но, хоть и изредка, возможно встретить представителей турецкой литературы, писавших диваны на арабском языке. Одним из этих поэтов был Ибрагим Гюльшани Бардали (826/830–940). Литератор родился в Диярбакире, или же в городе Барде Азербайджана, часть своей жизни провел в Тебризе в период правления Аггоюнлулар, а оставшиеся 30 лет жизни провел в Каире в Египте. В источниках о том, что Бардали Ибрагим Гюльшани родился в Диярбакире, или же в городе Барде Азербайджана, присутствуют два мнения. Некоторые отмечают его псевдоним как аль-Амиди, а некоторые к аль-Бардаи. Если учитывать, что деятели науки брали себе псевдонимом названия многих городов, в которых они были или жили, исходя из этого возможно предположить, что, несмотря на то, что Бардали Ибрагим Гюльшани родился в Диярбакире, в результате его встречи в Карабахе с Дада Омаром Ровшани, он стал называться псевдонимом аль-Азербайджани или аль-Бардаи. Являющийся распространителем группы Халватийя, Ибрагим Гюльшани своими последователями, которых он взрастил в Каире, ханстве Бабюз-Зувейля, заложил основы Гюльшания как псевдонима своего имени. Он сам стал последователем Сеида Яхья Бакуви, который считался второй почитаемой святыней Халватийя, привязался к нему с глубокой любовью.

У Ибрагима Гюльшани имеются диваны и другие произведения на турецком, фарсидском и арабском языках.

В настоящее время у нас на руках пока еще имеются приобретенные нами два рукописных экземпляра дивана на арабском языке, которые мы выбрали темой для своей статьи. Одним из этих экземпляров является более здоровая рукопись, хранящаяся в библиотеке факультета Языка, Истории, Географии Анкаринского университета под шифром Universite A421, которая, как отмечает Техсиу Ягычы, является единственным экземпляром этого дивана, а второй экземпляр является относительно неполным эк-

земляром, вышедшим впервые в свет вместе диваном Ровшани в рукописи под шифром В-778 в Институте Рукописей НАНА в результате усилий Азады Мусабейли. В диване на арабском языке Ибрагим Гюльшани пользуется псевдонимом Халил. Диван, представленный в источниках десятью тысячами бейтов, состоит из двух од, пятидесяти четырех газелей, более ста рубаи.

Т.А. Анিকেва

Устные и литературные источники огузского героического эпоса

Т.А. Анিকেва

Oral and written sources of the Oghuz epos

«Китаб-и дедем Коркут» («Книга моего деда Коркута») является единственным сохранившимся памятником книжного эпоса у тюркских огузских народов. Сказания, составляющие «Китаб-и дедем Коркут», хронологически неоднородны: так, к наиболее поздним по времени создания, по-видимому, относятся те, что сложились уже на территории Малой Азии после переселения огузов в Закавказье, — «Рассказ об удалом Домруле, сыне Дука-коджи» (это сказание по своему сюжету стоит несколько особняком от остальных и традиции тюркского эпоса; оно связано прежде всего с византийским эпосом о Дигенисе Акрите) и «Рассказ о Кан-Турали, сыне Канлы-коджи». Наиболее ранним в хронологическом отношении и сохранившим в себе следы архаической богатырской сказки (элементы сюжета которой широко распространены в сказочном эпосе тюркских и монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии) можно считать «Рассказ о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Бурь».

Вплоть до самого недавнего времени некоторые сказания, относящиеся к этому эпическому циклу, продолжали бытовать на территории современной Турции и Закавказья. К таковым относится и сказание о Бейреке. Таким образом, «Китаб-и дедем Коркут» тесно связана с другими жанрами турецкой литературы, получивши-

ми гораздо более позднее развитие и просуществовавшими вплоть до недавнего времени.

Данный памятник представляет собой в основном прозаический текст, содержащий множество различных стилистических клише, повторов, пословиц и поговорок, ритмизованных отрывков. С большой долей вероятности можно утверждать, что в тексте данного памятника сохранены формулы, восходящие к устной традиции. Фрагменты текста, их содержащие, могут быть отнесены к хронологически наиболее древним частям текста этого памятника, посредством которых сказания огузского эпоса тесным образом связаны с древней тюркской литературной традицией.

А.С. Аврутина

**Статистическая структура османского и турецкого
текста (сравнительный анализ на примере
фонологической и морфонологической подсистем)**

A.S. Avrutina

**Statistical structure of the Ottoman and the Turkish text
(a comparative quantitative analysis of the phonological and
morphonological subsystems)**

Настоящий доклад представляет собой часть большого проекта, который был задуман автором настоящего сообщения и ведется усилиями сотрудников нескольких факультетов СПбГУ под руководством проф. В.Б. Касевича. Результатом этого проекта уже стала серия публикаций в российских и зарубежных лингвистических журналах. Целью исследования является выявление количественно-типологических характеристик текста на агглютинативном языке в исторической перспективе в различных аспектах. Сопоставляются соответствующие индексы, вычисленные по тексту на османском языке и по тексту на турецком языке, что позволяет установить количественные характеристики изменений

в различных подсистемах агглютинативного языка в диахронии. Сравнение индексов позволяет понять, каким образом происходят структурные изменения в исторически связанных между собой агглютинативных языках, а в перспективе — сделать математически обоснованные предположения о возможных типологических изменениях в языке рассматриваемого типа в будущем. В настоящем докладе будут рассмотрены количественные характеристики фонологической и морфонологической подсистем османского и турецкого языков. Известно, что типологическое описание тех или иных языковых семей напрямую зависит от их фонологических и морфонологических характеристик, а кроме того, указанные свойства языка могут влиять на сложность либо легкость восприятия речи.

The present report is a part of a larger project, which was conceived by the author of this report and currently being implemented by the scholars of several departments under the leadership of Professor V.B. Kasevich. The result of this project has become a series of publications in Russian and foreign linguistic journals. The aim of the study is to identify the quantitative and typological characteristics of text in agglutinative language in historical perspective for different aspects of the language.

Indices from the text in the Ottoman and the text in Turkish are calculated & compared. That allows to set the quantitative characteristics of various subsystems in agglutinative language in diachrony. Comparison of indices allows us to understand how historically connected agglutinative languages changes in its structural. Perspective aim is to make a mathematically based assumption about the possible changes in future language of this type.

This report will review the quantitative characteristics of the phonological and morphonological subsystems of the Ottoman language and Turkish. It is known that the typological description of certain language families depends on their phonological and morphonological characteristics, and in addition, these properties of language may influence the ease or difficulty of speech perception.

**The studies of Tuvan folklore in Turkey:
yesterday, today and tomorrow**

Introduced for the first time by Turcologists such as W. Radloff, N. F. Katanov, and G. N. Potanin etc. to Russian and Western science world, Tuvans had remained as one of small folks of Siberia until the early 1990s for Turcology in Turkey. Adequate information on them was not able to be gotten except the information which had been conveyed by a few Turkish-origin researchers such as Abdülkadir İnan etc., together with Radloff and other some western researchers. Having started to enter gradually into the agenda of Turcology in Turkey through researches and transfers which were done by several scholars who had grown up after the dissolution of the Soviet Union, Tuvans has come to be known as well as in terms of their customs&traditions, beliefs, folklores and literatures except for old and limited encyclopedic information largely covering the places where Tuvans live, their religions and the language which is spoken by Tuvans, with starting to translate N. F. Katanov's studies into Turkey Turkish in particular. The studies which had been carried out by Russian Turcology during the periods of Czarist Russia and the Soviet Union contributed for Turcology in Turkey in knowing Tuvans' languages and cultures.

In this study, first of all, we will discuss reasons why there had been scarcely any Tuvan folklore-themed studies in Turkey before 1990, and later on we will evaluate them in terms of their themes/subjects, contents, methods, conclusions, and functions by classifying in their own right Tuvan folklore-themed studies which have been carried out from 1990 until today in Turkey. These analyses focusing on today's situation of studies which were carried out upon Tuvan folklore will be followed by comments in which fields and how the future studies should be done.

TÖMER Öğrencileri Bağlamında Dil Farkındalığı: İki Dillilik-Çok Dillilik; Ana Dili- Resmi Dil

Language awareness in the context of students in TÖMER: bilingualism-multilingualism; mother tongue-official languages

Türkçe Sözlük'te: 1) “iki ayrı dile sahip olma veya iki ayrı dili okuyup yazma gücünde ve becerisinde olma; 2) iki dilin bir arada konuşulduğu bölge veya ülke” şeklinde tanımlaması yapılan iki dillilik aslında çok karmaşık bir alandır.

Çok çeşitli tanımlamalar kaynaklı dünya nüfusunun yarıdan fazlasının iki dilli ve çok dilli olduğu iddiasının biraz da dil- lehçe — ağız kavramları noktasında dilbilimciler arasında bir uzlaşma sağlanamamış olmasından kaynaklandığını söyleyebiliriz. Ethnologue'da Türkiye'deki dillerin sayısının 36 olarak verilmesi ve bunlar arasında Kazakça, Kırgızca vb. adları altında Türk lehçelerinin dil olarak gösterilmesi veya 24.659.000 nüfusa sahip Gana'da 80 dil iddiasını dil tanımlamasının yanında dil politikalarıyla da bağlantılıdır (www.ethnologue.com).

Çok uluslu yerlerde, sömürgeciliğin yaşandığı ülkelerde veya ekonomik açıdan cazibe merkezi haline gelmiş ülkelerde karşılaşılan iki/çok dillilik genellikle baskın dilin yayılması diğer dillerin gerilemesi şeklinde bir seyir takip etmektedir. Resmi dil statüsü, eğitim –öğretimde kullanma gibi etkenlerde dillerin gelişimi noktasında önemli bir rol oynamaktadır.

Dil, iletişim için bir araç olma özelliğinin yanında aidiyet duygusu ve kimlik kazandırma için sembol işlevine de sahiptir. İletişim için yazı, beden dili vb. yanında ana dili dışında başka dillerde kullanılabilir. Ancak kimlik kazanmada ya da aidiyette ana dili oldukça önemli bir rol üstlenmekte ve yerine ikame edilecek başka bir dille aynı sonuç elde edilemez. Bu nedenle özellikle çocuk ve gençlerde dil bilincinin oluşturulması iki/çok dilli ortamlarda dilin geleceği, yaşaması anlamında çok önemlidir. Söz konusu öneme binaen bu bildiride

Asya, Afrika ve Avrupa kıtalarından gelmiş Başkent ve Hacettepe Üniversitesi Türkçe Öğretim Merkezlerinde okuyan 50 öğrencinin dil farkındalıkları iki alt başlık altında tespit edilmeye çalışılmıştır.

Turkish Dictionary wished to have two separate read and write in two languages, or be in the form of power and skills have been identified. A combination of two languages spoken in the region or country as the definition of bilingualism is actually a very complex area.

A wide variety of definitions sourced the world's population, more than half of the bilingual and multilingual where claim that a little tongue-polish - mouth concepts at the point of linguists, a consensus could not be due to the fact you can say that. Ethnology in Turkey to be given as the number of languages and include 36 of the Kazakh, Kyrgyz, etc. under the names of the languages of Turkish dialects in Ghana has a population of 24,659,000 as shown or claim 80 languages besides language identification is also connected with language policy (www.ethnologue.com).

Multinational places, countries or economic colonialism that has become the center of attraction encountered in countries bilingualism/multilingualism language is usually in the form of the spread of the decline of other languages is followed by a cruise. Official language status, factors such as education and training in the use of language plays an important role in development of the port. Language, next to being a tool for communication to gain a sense of belonging and identity symbol also has to function. Writing for communication, body language and so on, in languages other than beside the main language used. However, identity or affiliation in gaining a significant role in the native language and another language to be substituted, the same results can be obtained.

Therefore, the creation of language awareness in children and teenagers, especially two / multi-lingual environment of language in the future, within the meaning of life is very important. In this paper comes by virtue of the importance of Asia, Africa and Europe have come from the Capital and studying at Hacettepe University Turkish Education Center 50 students awareness of the language was studied under two titles to be determined.

Mitolojik Ögelerin Kullanımı Açısından Modern Türk Şiirine Genel Bir Bakış

Modern şiirin kaynaklarından biri de mitolojidir. Bir kaynak olarak mitolojinin şiirdeki yeri, ana çizgileriyle iki biçimde söz konusu edilebilir: Birincisi, imgesel düşünmedir ki bu, şiirin, kökeninin dayandığı mitosla ortak olan yanındır. Diğer bir deyişle mitolojik ögelerin, şiirde kalıtsal olarak sürdürdüğü anlamına gelir. İkincisi ise, belli bir şiirin, zaman içinde giderek edebiyat ürünlerine dönüşmüş mitolojik metinlerden temalar ve esinler taşımasıdır. Şiirin, imgesel düşünme bağlamında mitosla olan benzerliği ayrıca ele alınabilecek nitelikte bir konudur. Bu bakımdan, bu bildiride, eski çağların mitolojik birikimini taşıyan ve edebiyat ürünü haline gelmiş mitolojik ögelerin Modern Türk Şiirindeki kullanımına ilişkin genel bir bakış açısı sunulması amaçlanmıştır. Bu ögelerin kullanımı, doğal olarak, metinler arası ilişkiler çerçevesinde ele alınabilecek bir sorunsaldır. Bu bağlamda, Modern Türk Şiirinde, Türkiye'deki 'Batılılaşma' olgusu ile bağlantılı olarak daha çok Yunan mitologyasına ait ögeler öne çıkmaktadır. Diğer yandan şiirde kimi zaman yüzeyde görünen kimi zaman da derin yapı çözümlemelerini gerektiren mitolojik ögelerle ilgili inceleme, yapıtın estetik düzeyine ilişkin değerlendirmeleri de kapsar. Bazı şiirlerde, mitolojik ögeler, evrensel anlatım olanakları sunarak, yapıta derinlik ve zenginlik kazandıracak biçimde yer alırken; bazı şiirlerde ise bu ögeler, mitolojik öykünün olduğu gibi aktarılmasına dayanan 'yığılmalar' biçiminde katılır şiire. Dolayısıyla, bu ögelerin, katıldıkları yapıyla ne ölçüde kaynaşabildikleri ve nasıl işlendikleri de önem taşımaktadır. Bu bildiri, seçilen örnekler üzerinde, bu açıdan yapılmış değerlendirmeleri de içeriyor.

Ruslara Türkçe Öğretiminde Fiilimsiler Konusunda Karşılaşılan Sorunlar ve Çözüm Önerileri

Yabancılarla Türkçe öğretiminde önemli sorunlar olduğu bir gerçektir. Alanla ilgili yapılan bilimsel çalışmalar, sorunların doğru

biçimde ortaya konulmasında ve bu sorunlar için uygun çözümler belirlenmesinde; yöntem-tekniklerin ve eğitim araçlarının geliştirilmesinde büyük rol oynamaktadır.

Filimsiler Türkçenin öğrenim becerileri içinde önemli bir yer tutmaktadır. Basit bir cümle de bile filimsi kullanımına yer verilmektedir. Dolayısıyla filimsilerin öğretimi Türkçenin öğretimi içinde önemli bir yere sahiptir. Bu nedenle filimsilerin öğretimi başlı başına ele alınması, hedefkitleye göre yöntem-tekniklerin kullanılması ve üzerinde materyal geliştirilmesi gereken meselelerdendir. Türkçe sondan eklemeli bir dildir ve kelimelerin anlamları aldığı eke göre değişmektedir. Bu nedenle kelimeler, cümle içerisinde veya kelime grupları içerisinde incelenmelidir. Türkçe öğretilecek hedef kitlelere göre ayrı ayrı uygulanması gereken yöntem ve teknikler konusundaki duyarsızlıklar, sorunları derinleştirmektedir. Yabancı öğrenci ile ev hanımına veya diplomatla işçiye aynı biçimde Türkçe öğretme çabaları buna bir örnektir.

Bu çalışmada, Ruslara Türkçe öğretiminde en çok tercih edilen A. N. Kononov, Y. V. Şeka ve P. İ. Kuznetsov'un Türkçe dilbilgisi ve ders kitaplarında filimsilerin yeri ve öğretimi konusu ele alınarak bu konuda öğrencilerin karşılaştığı sorunlar ve çözüm önerileri üzerinde durulmuştur.

N. Aydın

Historical monuments at the Middle Age in Kars (Turkey)

Kars and its environs has a strategically very important position. Kars is the very shortest direction to the regions of Anatolia, Syria, Egypt and Iraq. It is the case of natural barriers especially in the terms of ability into the Mediterranean for Russia. Kars and its environs at the same time with the road conditions also is a barrier position threats against to Anatolia. By analyzing this situation well, the Ottoman Empire has made Kars a stronger castle.

Furthermore, there are a lot of convenient hills for the making forts in Kars. Also a lot of art constructions have emerged since the Middle Ages in Kars. Some of these are; Ani (historical monument),

the Great Cathedral, Seljuk Palace, Seljuk Caravanserai, Smallbath, and other social and cultural life has left its mark on the 40-years period in terms, such as railway buildings, victualing military depots, ammunition dumps, hospitals, animal hospitals and veterinary medicine, at the same time, some the eastern and western casinos, even the Pavilion which was built for II Nikolai's wife.

There were also available valuable buildings among these: the Churches which were made in other villages by Czar Nikolai II, also the Russian houses and Russian governorships buildings and others.

In this paper, as a means of communication, we should like to have with you the traces and sound of this two strong states and with this I wanted to have my research with you.

М.А. Азаркина, А.В. Образцов

**Турецкие рукописи «казанской коллекции» в фонде
Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ**

М.А. Azarkina, A.V. Obratsov

**Turkish manuscripts from the “Kazan collection” of the
St.Petersburg State University’s Scientific Library**

Преподавание восточных языков в Петербургском университете велось с 1819 г., а по уставу 1835 г. на историко-филологическом отделении философского факультета вводилась «восточная словесность» с двумя подразделениями: первое — арабского, персидского и турецкого языков; второе — монгольского и татарского. В 1854 г. был подписан Указ «О сосредоточении преподавания восточных языков при Санкт-Петербургском университете». Параграф 4 предписывал передачу «учебных пособий по восточным языкам, принадлежащих Казанскому университету и гимназии, и Ришельевскому лицей и состоящей при нем гимназии» в Петербург. К моменту учреждения факультета фонд восточного отдела библиотеки уже насчитывал от 200 до 400 единиц.

В Петербург были переведены основные фонды, часть рукописных и нумизматических коллекций. Однако большинство точных рукописей остались в Казани. Не были переданы и материалы для преподавания «татарского» языка. Собрания прибыли в Петербург в августе 1855 г. В документах ЦГИА информация о коллекциях отмечена как «58 ящиков весом в 466 пудов».

Единственными реальными свидетельствами о характере и научной ценности передаваемых фондов являются два списка: 1) «Список китайских, монгольских, тибетских, санскритских печатных книг и рукописей, предназначенных к отправке в Санкт-Петербургский университет»; 2) «Список мусульманских рукописей, предназначенных к отправке в Санкт-Петербургский университет». Рукописный список не сброшюрован, без шифра, на 18 листах. Перечислены 373 рукописи на арабском, персидском, турецком и татарском языках. Особняком стоят два «джагатайских» словаря №370 и №371. Много дублетов: № 234 и 235, 250 и 251 и др. В «Примечаниях» есть отметки об исключении из «Списка» семи наименований, а напротив четырех – уточнение, что это печатное издание. Названия сочинений даны в кириллической транскрипции. Иногда вместо названия дается русский перевод: №76 «Мусульманский катехизис» на турецком языке. Иногда указана лишь общая тема: №355 «Медицинское сочинение неизвестного автора» на турецком языке. Есть отметки об исключении из «Списка» 7 наименований, а напротив 4 — уточнение, что это печатное издание. Исключенной оказалась и турецкая рукопись №31 «О составлении и употреблении лекарств». Не всегда указан и язык рукописи: №252 «Каса-скуль анбия»; или составитель затруднился в его идентификации: №1 «Рукопись на арабском или персидском с приложением на турецком или татарском». Встречаются и сборники на разных языках: №13 «Фаридуддина Аттара об обрядах, наблюдаемых при молитве. персид. стихот. Тут же некоторые хиромантические замечания об частях тела. рукопись на турец. яз.».

Количество собственно турецких рукописей колеблется от 20 до 30 единиц, включая два персидско-турецких словаря № 75 и 80.

Под списком стоит подпись библиотекаря Казанского университета И.Ф. Готвальда, однако заметно, что список писался другой

рукой. Список не содержит присвоенных шифров, и сама коллекция не выделялась в отдельный фонд, поэтому большинство рукописей еще ждет полного научного описания.

А.Ш. Бадертдинова

Прозаические жанры малых форм в тюркских литературах: теоретический аспект

L.S. Badertdinova

Genres of prose of small forms in the Turkic literatures: theoretical aspect

На становление и развитие прозаических жанров в тюркских литературах оказали влияние несколько факторов. Во-первых, некоторые формы, названия жанров, их сюжетная структура были заимствованы из произведений фольклора. Во-вторых, важную роль в зарождении и становлении жанров прозы в тюркских литературах сыграла литература и наука о литературе Востока. В-третьих, большинство современных жанров в прозе тюркских народов претерпело становление в период зарождения национальных литератур и литературоведческой науки, опираясь на изыскания западных, русских, советских ученых. Зачастую эту дату можно связать с началом XX столетия.

В статье особый акцент сделан на прозаические жанры фольклора и литературы малых форм. Теоретический обзор выполнен путем анализа определений из трудов ведущих ученых-теоретиков литературы, тюркологов, литературоведческих, языковых, переводных словарей, национальных энциклопедий, справочных изданий. Таким образом, делается попытка проследить общетюркскую тенденцию развития прозаических жанров малых форм в тюркских литературах, сделать ряд интересных выводов.

А.А. Борисов

**Памятники якутской письменности первой
половины XIX века: происхождение, видовой состав,
особенности бытования**

A.A. Borisov

**Monuments of Yakut writing in the first half or 19th century:
origin, species composition, peculiarities of usage**

Имеющиеся документальные источники свидетельствуют о возникновении памятников якутской письменности в изучаемый период на основе кириллицы. Ещё император Павел I при своем восшествии на престол повелел, чтобы инородцы приносили присягу на якутском языке. Так появился текст присяги на якутском языке. Кроме того, местная администрация в Якутии требовала представить тексты клятвы на якутском языке.

На рубеже XVIII-XIX вв. якуты были в основном крещены и, видимо, данное обстоятельство стало причиной того, что уже в 1812 г. появились первые церковные тексты на якутском языке. Например, это «Молиовы. Символ веры и заповеди Божьи: начатки вероучения». В 1819 г. священник Г.Я. Попов впервые составил для якутов алфавит из 34 букв кириллицы и издал «Сокращенный катехизис». Поскольку среди местного населения появляются образованные люди (например, выпускники школы при Якутском Спасском монастыре) возникает частная переписка, в том числе и на якутском языке.

Наконец, якутский язык проникает в сферу делопроизводства. В частности, прошения якутов на имя высокопоставленных чиновников составлялись в переводе на якутский язык. Вспомним «Записку» баягантайского голвы Егора Готовцева 1848 г. Интересно, что сохранились копии проекта «Свода степных законов инородцев Восточной Сибири» также имеющие переводы на якутский язык. И своеобразной вершиной периода являются «Воспоминания» А.Я. Уваровского — первое художественное произведение якутской литературы, написанное по просьбе академика О.Н.Бётлингга.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют сгруппировать рассматриваемые памятники якутской письменности, по меньшей мере, на четыре группы: 1) официальные документы, 2) тексты духовного содержания, 3) эпистолярный жанр, 4) художественные сочинения.

Возникновение памятников якутской письменности в первой половине XIX в. было обусловлено политикой царского правительства (привлечение элиты инородческого населения к управлению, христианизация), политической активностью лидеров инородческого самоуправления, наконец, научной практикой.

М.Г. Букулова

Осмысление пространства и времени в турецкой языковой картине мира

M.G. Bukulova

Understanding the space and time in Turkish language picture of the world

Присущий языку принцип антропоцентричности проявляется в ориентированности категоризации внешнего мира на человека, особенно ярко реализующаясь в сфере обозначения пространственно-временных отношений.

В обозначении пространства важную роль играет понятие личного пространства, которое, по В.В. Красных, определяется как «фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека». Личная зона разделяется на переднюю, заднюю, правую и левую части. Границу личной зоны в турецком языке очерчивают руки человека. Возможны также ориентации человека в пространстве – они происходят как по горизонтальной и вертикальной оси, так и по отношению к дистантному или контактному его положению.

Столь же важной в пространственной модели является оппозиция «верх–вниз», основанная на архетипическом представлении человека в его вертикальном измерении. Такое представление ба-

зируется на метонимическом переносе: человек в своем целостном виде измеряется теми частями тела, которые служат мерой его вертикального измерения. И крайние верхние точки т.н. «шкаль» в турецком языке представлены *головой* “baş” и *волосами* “saç”, а крайние нижние — *ногами* “ayak” и *ногтями* “tırnak” (*saçından tırnağına kadar, baştan ayağa kadar, baştan tırnağına kadar*).

В обозначении пространства *голова* “baş” участвует также в метафорическом значении «начало», но передает не представление о начальной и конечной точках отсчета, просто крайних точках измеряемого по горизонтали пространства (*bir baştan bir başa*).

Пространственные отношения апплицируются на отношения временные. Важным мерилom пространства мира, прилежащего к личной зоне, является шаг в прямом или метафорическом значении — минимальное действие, которое может означать переход границы личной зоны. Шаг также является мерилom времени, затраченном на его, шаг, осуществление (*bir ayak evvel*). Обозначение минимального кванта времени соотносится также с миганием глаза (*iki göz arasında, göz yumup açıncaya kadar*). Временной код в турецком языке фиксирует, что турки по временной оси движутся лицом вперед (ср.: *arkasına bırakmamak (kötümek)*).

А.А. Бурыкин

Андрей Николаевич Кононов и алтаистика

А.А. Burykin

Andrey Nikolaevich Kononov and Altaic theory

Андрей Николаевич Кононов (1906–1986), бесспорно, один из наиболее ярких представителей отречественной и особенно петербургской тюркологии XX века. Его судьба, связывающая три поколения востоковедов, удивительна: ученик В.В. Бартольда, А.Н. Самойловича, С.Е. Малова, современник Б.Я. Владимирцова, Н.Н. Поппе «ленинградского» периода и многих известных востоковедов и специалистов по тюркским языкам, учитель для нескольких поколений тюркологов, выдающийся организатор российской тюр-

кологической науки второй половины XX века. Биографы А.Н. Кононова обычно не называют сравнительно-историческое изучение тюркских языков в числе его научных интересов. Однако многие компаративистические идеи, в том числе оригинальные, нашли отражение в его книге «Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.)» (1980), компактно преподносящее фонетику и морфологию ранних форм тюркских языков, особо ценны разделы «Фонетическая структура корня» и идеи о генезисе тюркских аффиксов (с. 76–82), о происхождении глагольного отрицания в тюркских языках (с. 171–173).

В своих статьях 1960–1980-х гг. в журнале «Вопросы языкознания» А.Н. Кононов подчеркивал необходимость разработки алтайской теории и изучения родственных связей алтайских языков во всем объеме (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский, японский языки), прямо отмечая бесперспективность сепаратного изучения генезиса и истории тюркских языков. Использование им данных морфологии монгольских и тунгусо-маньчжурских языков для изучения фактов исторической грамматики тюркских языков свидетельствует, что А.Н. Кононов был сторонником теории генетического родства алтайских языков.

C. Çakmak

The effect of the modern technology on Turkish language and culture

Modern Teknoloji Dilinin Türk Dili ve Kültüründe Yarattığı Etkiler

Undoubtedly, technology has become one of topics most talked about today. New terms like “high tech” or “nanotechnology” illustrate how fast and in how many directions modern technology is evolving. Modern technology, itself is a product of culture, has a modifying effect on other cultural factors such as language, religion, art, politics, social structure and so on. The most distinctive examples of these modifying effects are to be seen in the field of language. Rapidly ad-

vancing technology has created a language that contains features of the language and vocabulary of the culture in which has originated. Although this language provides better communication to people from different cultures, it gives rise to some language problems in the cultures that import the technology. Losing the variety of language and weakened human relationships are some examples of the negative effect that technology has on language.

In this respect, although language is one of the most important means of communication between people, the place of it in human life is not limited to communication. Language has a dimension which gives direction to people's spiritual life in their communication with themselves and the world. The changes in a language can become dangerous since they can harm the basis of people to understand the world. In this paper, the effect of the language of technology on the Turkish language, among them an increasing superficiality and loss in meaning, will be discussed with examples. The paper also tries to find ways to prevent such negative effects.

Teknoloji, hiç kuşkusuz günümüzün en çok konuşulan konularından biri haline gelmiştir. "İleri-teknoloji", "nanoteknoloji" gibi ifadeler teknolojinin ne kadar hızlı ve farklı alanlarda geliştiğini göstermektedir. Kendisi de kültürün bir ürünü olan ve hızla ilerleyen teknoloji, diğer kültürel unsurlar olan dil, din, sanat, politika, sosyal yapı vb. üzerinde değiştirici bir etkiye sahiptir. Bu değiştirici etkinin en belirgin örnekleri teknolojinin dil üzerindeki etkisinde ortaya çıkmaktadır. Hızla ilerleyen teknoloji, neşet ettiği kültürün dilinin özellikleri ve kelimelerini barındıran bir dil oluşturmuştur. Bu dil, farklı kültürlerden ve dillerden insanların birbirleriyle olan iletişimini kolaylaştırmakla beraber teknoloji ile birlikte kültürü de ihraç eden ülkelerin kültürleri ve dillerinde birtakım sorunlara yol açmaktadır. Yeni bir dil oluştururken yerel diller zenginlikler kaybedilmeye başlanmış, iletişim oldukça hızlı olmasına rağmen ilişkiler kaybolmuştur.

Bu açıdan dil, insanlar arasındaki en önemli iletişim aracı olmakla birlikte insan hayatındaki yeri bununla sınırlı değildir. Dil, insanların "kendi"leri ve dünya ile iletişimlerinde mana hayatlarına yön veren bir veçheye sahiptir. Bu nedenle dilde yaşanan değişim, insanların dünyayı anlama ve anlamlandırmadaki tutumalarına zarar vermesi

açısından tehlikeli bir boyuta dönüşebilmektedir. Bu sunumda, Türkçe üzerinde de hâkim olan teknoloji dilinin Türk düşüncesi üzerindeki sığlaştırıcı ve anlam kaybına yola açıcı etkileri örneklerle birlikte tartışılacaktır ve bu olumsuz etkinin önüne geçebilmenin yolları aranacaktır.

Л.Х. Давлетшина

Категории персонажей в современных записях мифологических рассказов татар Предкамья

L.Kh. Davletshina

Categories of characters in modern records of the mythological stories of Predkamje (Kama river) Tatars

Предкамье занимает левобережье р. Волги севернее от р. Камы и северную часть правобережья в пределах Республики Татарстан. Сюда в последний период существования Булгарского государства передвинулось большинство населения из Западного Закамья, здесь сформировалось новое экономическое и политическое ядро края — Казанское ханство и его основное население — казанские татары.

Современные записи мифологических рассказов представляют собой достаточно активный жанр несказочной прозы татар. Персонажная система мифологических рассказов условно различима на несколько категорий в зависимости от функции конкретно взятого мифологического образа. В зависимости от «героя» повествования мы поделили их на несколько категорий:

– духи-хозяева природных локусов, явлений и домашнего пространства. В сфере «низшей» мифологии значительную часть занимают представления о духах-хозяевах (ия), привязанных к определенному месту, болезни (йорт иясе, су иясе, киртэ иясе, урман иясе, елак иясе, кызамык иясе и др.);

– демонические существа — персонажи нечистой силы, приносящие вред человеку (албасты, пэри, убыр, жен и др.);

– люди со сверхъестественными способностями. К этой категории

мифологических персонажей могут быть причислены все разновидности так называемых «знающих» людей (колдуны и знахари); – мифологические персонажи, связанные со смертью. Мифологизация умерших — один из наиболее продуктивных механизмов создания демонологических образов в современной традиции татар. К мифологическим персонажам, происходящим из разных типов умерших людей «ходячий» покойник, дети, умершие не имянареченными, а также представления о смерти, душе и т.д.

А.Ш. Давлетшина

Сакрализованный образ древнетюркского правителя в фольклорной картине мира татарского народа

L.S. Davletshina

Sacral image of ancient Turkic ruler in folk picture of the world Tatar people

Вера в божественность правителя, носителя идеи порядка является всеобщей. Изучение этого вопроса в тюрко-татарском варианте усложнено отсутствием четко разработанной и письменно зафиксированной политической теории в системе традиционных представлений. Но комплекс взглядов на государство и правителя опосредованно отразился в отдельных письменных источниках как часть системы представлений тюрков о мире и их месте в нем.

Древнетюркская политическая идеология в традиционных представлениях отразилась в Орхоно-Енисейских письменных памятниках, большей частью представляющих собой эпитафии. В них отразились обычаи и традиции древних тюрков, их представления о мире, информация об их взаимосвязях с другими государствами и народами и т.д.

В идеологическом обосновании верховной власти древнетюркского правителя особое значение имеет его связь с Небом, что выражается в его небесном происхождении. Получение «полномочий» от Неба создает определенную систему отношений между

Небом и носителем верховной власти, что отражается прежде всего в покровительстве Неба по отношению к хану. Кроме покровительствующей функции, Небо в орхонских текстах обладает также карающей функцией по отношению к избраннику. Это создает необходимый план оценки деятельности человека исходя из божественного промысла.

Одним из факторов, обеспечивающих, согласно традиционным представлениям тюрков, регулирующую функцию правителя, являлась созидательная сила Неба. Другой фактор — сакральная жизненная сила, присущая каждому человеку и обладающая охранительной функцией. Передается девнетюркским «кот» (qut) в значениях: 1) душа, жизненная сила, дух; 2) счастье, благо, благодать, успех, удача; 3) достоинство, величие.

Таким образом, в древнетюркской политической традиции прослеживается попытка определить правителя как универсального регулятора ближнего и дальнего социумов.

Ю. Дмитриева -Салонтаи

Чувашские исследования венгерских тюркологов

J. Dmitrieva-Salontai

Chuvash studies of Hungarian turcologists

Интерес венгерских исследователей к чувашскому языку не случаен. Он связан с тем фактом, что после первого сбора чувашского материала в полевых условиях, обнаружили в нем многочисленные слова, схожие с венгерскими. Тогда, на первом этапе исследований, необходимо было выяснить, причину такого сходства. Можно было предположить, что и венгерский язык имеет родство с тюркскими языками, одним из которых являлся чувашский язык, либо чувашские слова в венгерском языке являются заимствованиями. Подтверждение получило второе предположение.

Й. Буденц исследовав не только чувашское, но и финно-угорское наследие А. Регули, окончательно доказал финно-угорское род-

ство венгерского языка, а обнаружившиеся в нем тюркские слова он определил как древне-чувашиские заимствования. Это положение и легло в основу дальнейших тюркологических исследований венгерских ученых.

После зарождения чувашских исследований в XIX веке, они довольно интенсивно продолжились в XX веке, а к концу первого десятилетия XXI века был дан венгерскими учеными, как нам кажется, окончательный ответ на основополагающие в данной области вопросы: когда и где были заимствованы тюркские слова венгерской лексики, и к какой ветви тюркских языков относился и относится чувашский язык, источник тех самых заимствований?

Цель нашего сообщения, рассмотреть ключевые этапы чувашских исследований в Венгрии от истоков до настоящего времени, поэтапно проследить развитие научной мысли в области венгерского чувашеведения.

М.Э. Дубровина

**О термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ)
применительно к некоторым глагольно-именным
формам тюркских языков**

M.E. Dubrovina

**Some words about the term «substantive-adjective form» (SAF)
for verb-noun forms of Turkic languages**

Терминологии в любом научном исследовании придается большое значение. Это связано с тем, что за каждым термином стоит содержание, т.е. само понятие, которое имеет вполне четкие свойства, обладает известными функциями и способно вступать в определенные отношения. Наука веками вырабатывает понятийно-терминологический аппарат, позволяющий ученым понимать друг и друга и тем самым продвигаться вперед в процессе научного познания. Посредством термина ученый пытается максимально точно отобразить свойства и границы самого понятия, проникнуть в его

суть и суметь донести найденные знания до научного сообщества. Небрежное же отношение к употреблению термина ведет к искаженному отображению характеристик самого объекта исследования.

Ученые должны стремиться к созданию единообразной и понятной всему научному сообществу терминологии и постоянно дорабатывать ее, вследствие появления новых научных данных. В тюркологии одной из спорных в терминологическом отношении тем, бесспорно, является вопрос о статусе причастий в тюркских языках. В настоящей работе автор предпринял попытку показать различия тех форм в разных тюркских языках, которые называют одним термином «причастие». Несмотря на то, что рассматриваемые формы в тюркологии называют одним и тем же термином «причастие», эти формы **не являются** функционально аналогичными, и тем самым не могут именоваться одинаково.

Benim okuduğum kitap Men öqigan kitob Книга, которую я читаю/прочел
Kitabı okuyan adam Kitobni öqigan odam Читающий книгу человек
Bu kitabi okudugumu söyledim. Bu kitobni öqiganimni aytdim. Я сказал,
что я читаю/прочел книгу.

В узбекском языке форма **-gan** способна выступать в трех разных по содержанию словосочетаниях. В турецком же языке в собственно *причастном* употреблении мы встречаем только форму **-yan**, а форма **-dik**, которую тоже называют причастием, в примерах с такой функции не употреблена, а используется в других высказываниях, которые трудно назвать причастными.

В тюркских языках внутри глагольно-именных произошло разделение функций. Одни формы стали работать как чистые, аналогичные европейским причастия (турецкая форма **-yan**), а другие формы представляют собой **двуфункциональные** морфологические средства, в задачу которых входит выступать как в роли глагольных атрибутивов, так и в роли глагольных субстантивов. При этом обе функции, по всей видимости, воспринимаются в качестве равнозначных с *функциональной* точки зрения.

Вследствие чего предлагается ввести в научный оборот термин «субстантивно-адъективная форма», с сокращением САФ, которым и именовать глагольные формы типа узбекской формы **-gan** или турецкой формы **-dik**.

Karaylar ve Karayca Üzerine Türkiye’de Yapılan Çalışmalara Genel Bir Bakış: Geçmiş-Bugün-Gelecek

An Overview of Karaim and Karaim Language studies in Turkey: The Past, the Present and the Future

Museviliğin Karaî inancına mensup bir halk olan Karaylar, Türk dili konuşan halklar içerisinde ilgi çekici bir yere sahiptir. Karayca, geçmişte ve günümüzde Kırım, Ukrayna, Polonya ve Litvanya’da yaşayan Türk kökenli Karayların konuştuğu dile verilen addır. Türk dilleri sınıflandırmasında Karayca, etnik bakımdan Kıpçak grubu, coğrafi bakımdan ise Kuzey veya Kuzeybatı grubu Türk dilleri içerisinde değerlendirilmektedir. Karayca, günümüzde yok olma tehlikesi ile karşı karşıya bulunan dillerden birisidir. Rusya ve Batı türkolojisinde Karaylar ve onların konuştukları dil olan Karayca üzerine pek çok çalışma yapılmış olmasına rağmen Türkiye’de bu konuda yeteri kadar çalışma yapıldığını söyleyemek güçtür.

Karaylar ve Karayca üzerine Türkiye’de yapılan çalışmaların başlangıcını 20. yüzyılın başlarına kadar götürebiliriz. Fakat bu konuda yapılan ilk çalışmalar genellikle Karayların inançları ve İstanbul Karayları hakkında olmuştur. Türkiye Cumhuriyeti’nin kurulmasından sonraki ilk yıllarda Karaylar hakkında bazı yayınlar yapılmış ve Türkiye kamuoyu bu konuda bilgilendirilmiştir. Kendisi de bir Karay Türkü olan Sereya Şapşal’ın Türk Yılı adlı dergide yayımladığı Kırım Karay Türkleri başlıklı makalesi bu konuda Türkiye’de yayımlanan en önemli çalışmalardan birisidir. Türkiye’de, 20. yüzyılın ortalarından itibaren kesintiye uğrayan Karaylar ve Karayca konusu aynı yüzyılın sonlarında ve günümüzde tekrar önem kazanmaya başlamıştır.

Bu bildiride, öncelikle Türkiye’de Karaylar ve Karayca üzerine geçmişte yapılan çalışmalar tanıtılacak, ardından günümüzde bu konuda yapılan çalışmalar sınıflandırılacaktır. Günümüzde yok olma tehlikesi içinde bulunan dillerden biri olan Karayca üzerine neler yapılması gerektiği de ayrıca tartışılacaktır.

Karaims, an ethnic group adhering to Karaite Judaism, are an interesting member of peoples speaking a Turkic language. The Karaim language was and is spoken in Crimea, Ukraine, Poland and Lithuanian among the Karaims of Turkic origin. According to the classification of Turkic languages, Karaim belongs to the ethnic Kipchak group, and to the Northern or North-Western group of Turkic languages according to geographical disposition. Karaim is one of the endangered languages of the world that might go extinct soon. Although Karaims and their language have been studied extensively by Russian and Western turcologists, it would be unfair not to mention the research done in Turkey.

We can find first studies done in Turkey on Karaims and their language in the beginning of the 20th century. However, most of those first studies were dedicated to the Karaite faith and the Karaims of Istanbul. In the first years of the Turkish Republic some materials on the Karaims were published, informing the Turkish public about this topic. An article named *Kırım Karay Türkleri* (The Karaim Turks of Crimea) by Sereya Şapşal, a Karaim Turk himself, published in the *Türk Yılı* journal is one of the most important studies published in Turkey. The topic of the Karaim people and their language lost its popularity in Turkey in the beginning of the 20th century, but this topic has regained traction in the end of the last century and in recent years as well.

The goal of this report is to first of all present previous studies on Karaims and their language done in Turkey, and then classify current studies. A discussion on things that must be done for the highly endangered Karaim language will be proposed as well.

F. Ebata

A new analysis on Sakha (Yakut) “dual” marking

Sakha hortative has two sets of forms. The forms in the right contain the suffix *-(i)ŋ* (Table 1). These two sets are described as the opposition between inclusive and exclusive or between dual and plural in the literature. As a matter of fact, the dual/plural distinction is the appropriate explanation, because the hortative without the suffix *-(i)*

η indicates the subject in dual (including the speaker plus the hearer) while that with the suffix $-(i)\eta$ is used only when the number of Agent is more than two. The problem to be considered is that this dual/plural distinction is found only in Sakha hortative among the Sakha verbal inflectional system.

Table 1. Two sets of forms of Sakha Hortative

	Dual	Plural
bar- 'to go'	<i>bar-uax</i> 'let us go'	bar- <i>uax-$\omega\eta$</i> 'let us go'
kepsee- 'to tell'	kepsie-x 'let us tell'	kepsie- <i>ν-$i\eta$</i> 'let us tell'

The suffix $-(i)\eta$ appears also in greetings and imperatives. First, Sakha uses different forms for greetings due to the number of the greeatee(s) (one(s) who is greeted): there are *doroobo* 'hello' and *bahuuba* 'thanks' to a single person, whereas *doroobo-lor- $\underline{u\eta}$* 'hello' and *bahuuba-lar- $\underline{u\eta}$* 'thanks', forms with the suffix $-(i)\eta$, are used to address a group of multiple people. Secondly Sakha imperative has different forms for singular and plural. Plural forms are composed of the corresponding singular form plus the suffix $-(i)\eta$ (Table 2).

Table 2. Singular and Plural forms of Sakha Imperative

	Present Positive	Present Negative	Future Positive	Future Negative
<i>bar</i> 'to go': 2sg	<i>bar</i>	<i>bar-uma</i>	<i>bar-aar</i>	<i>bar-um-aar</i>
<i>bar</i> 'to go': 2pl	<i>bar-$\underline{u\eta}$</i>	<i>bar-uma-η</i>	<i>bar-aar-$\underline{u\eta}$</i>	<i>bar-um-aar-$\underline{u\eta}$</i>
<i>kepsee</i> - 'to tell': 2sg	<i>kepsee</i>	<i>kepsee-me</i>	<i>kepsee-r</i>	<i>kepsee-m-eer</i>
<i>kepsee</i> - 'to tell': 2pl	<i>kepsee-η</i>	<i>kepsee-me-η</i>	<i>kepsee-r-$i\eta$</i>	<i>kepsee-m-eer-$i\eta$</i>

Previous analyses regard that the presence or absence of the suffix $-(i)\eta$ indicates the dual/plural distinction in hortative and the singular/plural in imperative, because they pay attention only to the number of Agent. This results in an imbalance system, i.e., dual number only in hortative. The author proposes that Sakha suffix $-(i)\eta$ is sensitive to the

number of Addressee, not to that of Agent. In hortative, imperative and greetings, forms without the suffix *-(i)ŋ* are used when the Addressee is singular while forms with the suffix *-(i)ŋ* are used when the Addressee is plural. This newly proposed analysis gives a consistent explanation for the suffix and dissolves the exceptional “dual” in Sakha verbal paradigms.

Finally this paper points out that similar addressee-sensitive systems are found in some neighboring languages including Mongolian and Tyvan. Interestingly these addressee-sensitive systems are employed in expressions interacting with the hearer, such as hortative, imperative and greetings.

Е.В. Федотова

Современное состояние традиционного фольклора чувашей Закамья

E.V. Fedotova

State-of-the-art of traditional folklore of the Chuvashes from Zakamye

Зона проживания закамских чувашей ограничивается с севера рекой Камой, с запада — рекой Волгой, с юга и запада — бассейном среднего и нижнего течения Большого Черемшана.

Автор настоящей статьи поставил перед собой задачу дать краткое описание современного состояния некоторых, наиболее характерных для данного ареала, жанров традиционного фольклора на основе обобщения сведений, собранных им в 2008–2015 гг. в западном Закамье, в Нурлатском районе Республики Татарстан. Они рассматриваются в следующей последовательности: песни, молитвословия, поверья, снотолкования, народные повествования, исторические и топонимические предания.

В песнях закамских чувашей встречается «мифологическая сюжетика» (М.Г. Кондратьев) с использованием образа темного леса, в котором расположено озеро, образов птицы, гор, моста; есть упоминания имен высших существ. Наиболее отличительной чертой в культуре современных некрещеных чувашей Закамья является

исполнение *юпа юрри* песен *юпа* при проведении ими похоронно-поминального обряда *юпа тунни / ирттерни* — обряда установления антропоморфного надмогильного памятника *юпа* [‘юба’]. Бытует глубоко сакральный жанр — молитвословие, произносимое во время *учук* — жертвоприношения в засушливые годы с обращением к *Турă* (Богу) о ниспослании дождя.

В поверьях чувашей Закамья в образной форме отражаются мировоззрение, мифология, традиционная культура. В образах, символах сновидений — генетическая память народа, самый архаический пласт культуры, отличающийся устойчивостью во временном и пространственном отношении. Народные повествования об «*Асла-ти*» (Старший отец), о «*Пирёшти*» (Пирешти), «*Хёрт-сурт*» (Хертсорт), «*Вупър*» (Вубыр), «*Усал*» (Узал), «*Аташтаракан вырăн*» (Место, где можно заплутаться, заблудиться), «*Ийе*» (Ие), «*Шуйттан*» (Черт) и др. отражают чувашские мифологические представления.

В исторических и топонимических преданиях «*Хурал ту*» (Караульная Гора), «*Салтак сьрми*» (Солдатская речка), «*Карталлă Брă*» (Огороженное Добро), «*Улăп тёмески*» (Холм Улыпа), «*Учук лапё*» (Низина Учуга), «*Ирчмес*» (Ирчмес) и др. отражены традиционная культура, особенности истории местности. Фольклор чувашей Закамья отражает древний чувашский мир, содержит уникальные архаические пласты дохристианской культуры.

Э.В. Фомин

Абсолютные агнонимы русского языка чувашского происхождения

E.V. Fomin

Absolute agnonyms of Chuvash origin in the Russian language

Чувашизмы в русском языке, которых, согласно этимологическому словарю М. Фасмера, насчитывается более ста, в основном являются агнонимичными, например: *ослам* ‘ком масла’, *чуман* ‘берестяной кузов’, *яшка* ‘чувашская похлебка’. Словарь М. Фасмера во многом перекликается со словарем В.И. Даля. Однако в последнем больше ре-

гионализмов чувашского происхождения, также по сути агнонимичных, например: *хухлякать* ‘плакать и причитать по покойнику’, *чуклеть* ‘приносить жертву по чувашскому обычаю’. Из еще этимологически не изученных слов русского языка к чувашскому этимону с той или иной долей условности можно возвести следующие единицы:

Абдраган (<татарское (?) ‘дрожать?’) ‘страх, испуг, боязнь’. Согласно М.Р. Федотову, **апт́арат (апт́ара + -т)** ‘надоедать, мешать; смутить’ = тат. **аптырау** ‘нуждаться; смутиться’. В чувашском языке форма *аптракан* [аптрагáн] — причастие настоящего, в татарском — причастие прошедшего времени.

Калып, калыбь, колыбь ‘изложница, гнездо, льяк, форма для отливки чего; форма для пуль и жеребейков’. Чувашские этимологи устанавливают следующие взаимосвязи: **калйп** (араб.) = тат. **калып** ‘колодка; форма, изложница’. Вызывает вопросы смягчение финали, возможно, по чувашскому типу, вызванному отпадением редуцированной гласной [ь] в форме посессива третьего лица.

Черяж? ‘небольшая кадочка’ — искаженная форма чувашского *чёрес* ‘чиряс; посуда из выдолбленного ствола (преимущественно липы, редко осины)’.

Интересный случай представляет слово *сиуган*, паспортизированное Оренбуржьем и возводимое В.И. Далем к некому исходному чувашскому слову в значении ‘холод, стужа, стыль, стыдь, мороз’. В чувашском языке, однако, никаких аналогий пока еще не удалось установить.

Фурат Камиль

Два произведения — два поколения:

«Маи и Сиях» — «Отцы и дети»

Furat Kamil

Two works — two generations:

“Blue and Black” — “Fathers and sons”

XIX век — это очень важный период для Османской и Российской империй, так как началось влияние европейских реформ на соци-

альную жизнь. В результате в обеих империях появились два новых поколения. Первое — это поколение, которое обучалось в западных школах, знающие иностранные языки, отрицающие прошлое и с новыми идеалистическими взглядами на будущее, т.е. «маи» и «дети». Второе — это поколение, которое получило классическое образование, отрицающее все новое и западное, с консервативными взглядами на жизнь, т.е. «сиах» и «отцы». Романы «Отцы и дети» И.С. Тургенева и «Маи и сиях» Халита Зия Ушаклыгы были написаны для описания этого периода, и оба произведения имеют много общего.

The period of the 19th century being an important time both for Russia and Ottoman Empire influenced the social life of these countries by means of realized Europeanization reforms. As a result of the reforms performed in Russia and Ottoman Empire there formed two generations. The first generation “Blue” and “Children” is an idealistic future generation whose representatives studied in European schools, learned a foreign language and denied everything what belonged to the past. The second Generation “Black” and “Fathers” is a conservative generation who studied in classic schools and denied everything new and the process of Europeanization itself. The present work reveals common features of the two novels written in the same period — “Fathers and Children” by Ivan Turgenev and “Blue and Black” by Halit Ziya.

Г.Р. Галиуллина

Имена тюркского происхождения в писцовых книгах казанского уезда XVI–XVII веков

G.R. Galiullina

Names of Turkic origin in the Kazan district's cadasters of the XVI–XVII centuries

Доклад посвящен описанию имен тюркского происхождения, зафиксированных в русских письменных источниках XVI–XVII вв.

Объектом анализа выступают антропонимы, генетически восходящие к тюркскому языку. Источником фактического материала выступают писцовые книги Казанского уезда.

Указанный период интересен двумя аспектами: во-первых, исторический экскурс по антропонимикону показывает активизацию имен арабского и персидского происхождения среди мусульманского населения, что привело к резкому сокращению функционирования домусульманских имен; во-вторых, после взятия Казани шла системная фиксация населения в русских письменных источниках. Изучение этих источников позволяет наглядно проследить постепенную трансформацию именника инородного населения (в русских письменных источниках коренное население часто именуют собирательными терминами «инородец», «татарин», а также «новокрещен»). К тому же заложенная в этих источниках традиция именования затем стала основополагающей в формировании двуименной антропонимической модели у татар и других народов Поволжья.

Довольно продолжительное время имена тюркского происхождения составляли ядро именника коренного населения. Несмотря на то, что официальное принятие ислама произошло в 922 г., распространение мусульманских имен в изучаемой территории шло медленно. Полная мусульманизация именника татар произошло во второй половине XIX века. Изучаемый материал показывает, что в XVI–XVII вв. в Казанском уезде преобладали имена тюркского происхождения или же имена смешанного (тюркского и арабо-персидского) происхождения (*Айтуган, Башбакты, Белек, Бекеш, Аксеит, Ишбулат, Кадрагул* и др.). Сильное искажение имен в процессе фиксации русскими переписчиками, привело к различным вариациям одного и того же антропонима (*Янбакты-Янбакта-Енбакта orig. Жанбакты, Енчилдей-Янчилдей orig. Жанкилде, Теревердей-Теребирдей-Теребердейко orig. Тенребирде*) довольно отличающегося от самого оригинала. Впоследствии эти варианты стали фамилиеобразующими компонентами, тем самым привели к определенной трансформации тюркского пласта именника татар.

Г.Р. Гайнутдинова

**Историко-лингвистический анализ именной части
лексики текстов Рабгузи «Кыссас ал-анбия»
(на примере «Истории о пророке Лоте»)**

G.R. Gaynutdinova

**Historical and linguistic analysis of the nominal part
of the vocabulary word Rabguzi «Kyssas al-anbiya»
(for example the «History of the prophet Lot»)**

«Сказание о пророках» Рабгузи — одно из наиболее читаемых произведений письменно-книжной литературы тюркоязычных народов. Составленное в начале XIV века, оно распространялось среди грамотной публики рукописным и печатным путем. В «Сказаниях» под жизнеописанием святых читателю преподносятся вполне житейские сюжеты и события. Памятник «Кыссас ал-анбия» Насретдина Рабгузи написан в 1310–1311 гг. в северной части Хорезма. Это эпическое произведение объемом 555 страниц, имеющее богословско-дидактический характер, является одним из первых прозаических произведений, посвященных описанию жития пророков.

В процессе изучения тюркских письменных памятников большая роль отводится исследованию лексики этих произведений. Изучив лексику, мы можем получить сведения об исторических взаимодействиях тюркских языков между собой в различные эпохи и на разных территориях. В данной статье ставим задачу рассмотреть определенный объем именной части (имя существительное, имя прилагательное) лексики текста «Сказание о пророке Лоте» «Кыссас ал-анбия», их насчитано около 300 (из них 40 — имена собственные). Была исследована та часть лексики, которая сохранена и используется в современном татарском языке. Материалом для изучения послужил текст, представленный С.Е. Маловым (1951).

Лингвокультурологический аспект составных имен в турецком языке

E. Genish

Linguocultural aspect of pathnames in the turkish language

Для общей теории лингвистики очень значимым оказывается рассмотрение с точки зрения лингвокультурологии не только лексических и фразеологических единиц языка, но также сложных имен, поскольку в них отражаются культурные особенности народа.

Научный интерес филологов к составным словам объясняется прежде всего тем, что они как важнейший элемент духовной культуры заключают в себе смысловое богатство, демонстрируют семантическую емкость языка и в краткой форме фиксируют миропонимание говорящего на этом языке народа.

Исследование природы сложного имени неизбежно связано с проблемой отношений между компонентами составного имени, в которой еще многое остается неясным, несмотря на то, что этой проблеме уделено много внимания в лингвистической литературе. Уже само разнообразие наименований отношений между компонентами сложных имен, принадлежащих разным исследователям, также свидетельствует о трудностях проблемы: смысловые отношения, семантические отношения, структурно-семантические отношения, синтаксические отношения, и т.д. Внутреннюю часть лексического фонда в турецком языке составляют сложные имена, несмотря на большое количество (более 300) словообразовательных аффиксов. В результате образования составных имен может происходить изменение смысла составляющих компонентов, а также некоторые фонетические изменения.

Возможны три случая изменения смысла компонентов, образующих новое имя: а) они теряют свое исходное значение (*hanimeli* (*hanım* – женщина + *el* – кисть) — жимолость; б) только первое слово из объединенных теряет свое значение (*adamotu* (*adam* – мужчина + *ot* – трава) — мандрагора); в) в составе нового имени свое значение теряет второе слово (*yerelması* (*yer* – земля + *elma* – яблоко) —

топинамбур). Сложные имена пишутся слитно, если как минимум одно из них изменяет свое значение или если происходят фонетические изменения. Но когда таковых не имеется, сложные имена пишутся раздельно.

Сравнивая составные имена в турецком языке с русским, можно выявить определенные сходства и различия в значении и структуре составных имен. Выявление сфер соприкосновения турецкого и русского языков позволяет выделить общие характеристики быта, культуры, истории и психологии двух народов. Сопоставительный анализ сложных имен в турецком и русском языках выявил определенные сходства и различия в значении и структуре составных имён, обусловленные различными культурно-историческими факторами.

А.Х. Гирфанова

**О проекте словаря тюркизмов в языках
Юго-Восточной Европы**

A.H. Girfanova

**About the project Turkic borrowings
in the languages of the South-East Europe**

За время многовековой экспансии османский язык оказал большое влияние на языки Балканского полуострова. В силу многосторонних контактов он претерпел здесь свои изменения: современный турецкий включает балканские диалекты (адрианопольский, македонский, адакалийский, боснийский и призренский) как особую разновидность, отличную от восточных анатолийских диалектов. Во всех своих вариантах — литературном, насыщенном арабизмами и иранизмами, и разговорных — турецкий более всего отразился в лексике албанского, македонского и болгарского языков, хотя пласты тюркизмов столь же значительны в сербо-хорватском, новогреческом, арумунском и даже в румынском (ок. 20% словаря), хотя на территории Дунайских княжеств османам селиться запрещалось.

Влияние балканских тюркских диалектов чаще имеет локальный характер: оно ощутимее в «потуреченных» районах Болгарии и

румьнской Добрудже, где отмечены также ногайские и крымско-татарские формы. Практически не выявлены печенежско-огузские и куманские элементы, которые прослеживаются на уровне ономастической лексики. Печенеги и куманы (половцы), наряду с булгарами, образуют один из существенных компонентов в формировании восточнороманских и южнославянских народностей. Однако исследования тюркоязычных анклавов в балканских языках обычно осуществляются в контексте тюркологической (а не балканистической) проблематики. Роль тюркского элемента в формировании балканской культурно-исторической общности, не менее важна, чем греческие, латинские (и романские) и славянские влияния как субстратного, так и адстратного типов. При наличии целого ряда описаний и словарей тюркизмов применительно к отдельным балканским языкам и их диалектам, сводный словарь, включающий также ономастическую лексику, существенно видоизменяет общую картину распределения и функционирования тюркизмов. Появляется возможность разграничения общебалканских и сугубо территориальных изоглосс. К настоящему времени словарь «Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы (Опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных)» (авторы: А.Х. Гирфанова, М.В. Домосилецкая, Ю.А. Лопашов, С. Петрович и Н.Л. Сухачев) содержит более 17 тыс. словарных статей, включая отсылочные. Словарь ориентирован на детальное отражение семантики тюркизмов и последовательный учет их распределения по диалектам.

В.Г. Гузев

О некоторых сомнительных представлениях в области тюркской грамматики

V.G. Guzev

On some doubtful notions in Turkic Grammar

1. Вследствие ошибочного перенесения на тюркскую языковую почву индоевропеистических положений: 1) о том, что грамматиче-

ская категория непременно представляет собой ряд, совокупность форм; 2) что отсутствие формообразовательного показателя непременно замещается функциональным полем, в теории тюркской грамматики утвердились нижеследующие, вероятно, ошибочные представления.

1.1. Признание безаффиксной формы существительного формой единственного числа.

1.2. Признание существительного, лишённого материального падежного показателя формой «основного» падежа.

1.3. Попытки истолковывать глагольные словоформы, не имеющие залоговых показателей, как форму действительного залога.

2. Признание «грамматическими» только таких категорий, которые передают информацию о связях элементов реальности стало предпосылкой ошибочного отнесения к сфере словообразования форм, служащих средством передачи информации о свойствах элементов, примером чего являются категория субъективной оценки, категория аспектуальности.

4. Ошибочность представления, согласно которому одни грамматические категории выражают «зависимость одних слов речи от других» («синтаксические» категории), другие такой зависимости не выражают («несинтаксические, или словообразовательные» категории). Более оправданно полагать, что «синтаксические» категории передают отношения не между словами, а между элементами реальности.

5. Истолкование постпозитивного показателя *bir* как сигнала повышенной меры признака, называемого определением.

M. Gümüşkılıç

18. Yüzyıl Sonrası Türkçe Konuşma Dilini Tespit Eden Bazı Kaynaklar

Some of the sources identifying the spoken Turkish after the 18th century

Konuşma dili; farklı söyleyiş özellikleri taşıyan, günlük hayatta pratik olarak kullanılan bir dildir. Türkçede standart dil, 15. yüzyılın

sonlarından itibaren oluşmaya başlamış ve 17 ve 18. yüzyıllarda ise İstanbul'da konuşulan dil artık Türkçenin standart dili hâline gelmiştir.

17. yüzyıldan itibaren İstanbul'da konuşulan Türkçeyle ilgili örnekleri özellikle Batılı ilim adamları güzel bir şekilde tespit etmişlerdir. Meselâ, 18. yüzyılın sonlarında Viguiet'in kaleme aldığı *Elemens de la Langue Turque* (İstanbul, 1790) isimli gramer kitabının diyalog bölümünde Yahudi: Bakkal içerde bize yemek yeyip ve kahve içme için oturacak yer var mı? Bakkal: Benim içerde bir odam vardır, kahve için tütün için, uyku uyuyun. Yahudi: Aferim bakkal, sin bir söz ağnara benzersin. Güzel, Mehemed Çelebi içeri girelim. Bakkal, uşağı çağır da Mahmud Paşa mehkemesinin yanındaki kahveciyi getirsin. ve 19. yüzyılın başlarında Luigi Bonelli ve Stefano Lasigian'ın yazdığı *Il Turco Parlato* (Milano, 1910) isimli konuşma kılavuzunda Stasyon nerededir? Doğru ileri git sora saga dön stasyon karşına çıkar. Bilet nerede satılıyor? Edirne'ye birinci mevkiden bir bilet ikinciden üç bilet isterim. İstanbul'dan Edirne'ye birinci mevkiden bir bilet, ikinciden üç bilet isterim. şeklinde geçen ifadeler Türkçenin zengin konuşma dili örneklerindedir.

Bildirimizde; bazı Batılı ilim adamlarının kaleme aldıkları Türkçe gramer kitapları ve konuşma kılavuzlarında Türkçe konuşma dilini yansıtan örnekler (yukarıda da belirtildiği gibi) üzerinde durulacaktır. Bu tür eserlerde geçen diyalog bölümlerine göz atıldığında; 18, 19 ve 20. yüzyılın başlarında günümüz Türkçesine yakın çok canlı bir konuşma dilinin var olduğu anlaşılacaktır. Bu durumu örneklerle bir nebze de olsa gösterebilirsek bildirimiz amacına ulaşacaktır.

Spoken language is the kind of language which carries different properties of articulation and is practically used in everyday life. The standard language in Turkish started to take shape as of the end of the 15th century and as of the 17th and 18th centuries, Turkish spoken in Istanbul became the standard Turkish language.

Especially the western scientists could identify the properties of the Turkish spoken in Istanbul as of the 17th century. For instance, the grammar book titled *Elemens de la Langue Turque* (İstanbul, 1790) and written by Viguiet towards the end of the 18th century included the following example in its section on dialogues:

Yahudi: Bakkal içerde bize yemek yeyib ve kahve içme için oturacak yer var mı? Bakkal: Benim içerde bir odam vardır, kahve için tütün için, uyku uyuyun. Yahudi: Aferim bakkal, sin bir söz ağnara benzersin. Güzel, Mehemed Çelebi içeri girelim. Bakkal, uşağı çağır da Mahmud Paşa mehkemesinin yanındaki kahveciyi getirsin (p. 315).

The book titled *Il Turco Parlato* (Milano, 1910) and written by Luigi Bonelli and Stefano Lasigian in the beginning of the 19th century included the following example in its guide on speaking:

Stasyon nerededir? Doğru ileri git sora saga dön stasyon karşına çıkar. Biylet nerede satılıyor? Edirne'ye birinci mevkiden bir bilyet ikinciden üç bilyet isterim. İstanbul'dan Edirne'ye birinci mevkiden bir bilyet, ikinciden üç bilyet isterim (p. 85–86).

These examples point to the richness of spoken Turkish at that time. In our presentation, we will focus on some of the examples (as stated above) used in the Turkish grammar books and speaking guides which were written by Western scientists and reflect the Turkish spoken language. When we look at the sections on dialogue of these works, we see that the spoken language in the 18th, 19th and 20th centuries was very lively and very similar to the Turkish language spoken today. Our presentation will attain its goal if we could illustrate this fact with some examples.

A.D. Güneri

Functions of the +IIk suffix and suffix combinations made with the +IIk in Modern Uyghur

+II /+IU is a suffix which is used in a wide range in Republican Turkish. Attaching a noun, it forms adjectives which add to the noun stem 'having, possessing, featuring, belonging' senses: Ankaralı 'from Ankara'; köylü 'peasant, villager (from a village)'; uzun boylu 'tall' etc. As for +IIk /+IUk, it forms adjectives which is used in function of allocation and means 'for something': gelinlik (kız) '(a girl) for being a bride'; elbiselik (kumaş) '(fabric) for being or being sewn as a dress' etc. It indicates something which is abundant or is used as an adjective preceding a noun: bağlık (bölge) 'vineyard (area) or an area which is vineyard' etc. It derives adjectives which signify time period or co-

unt from time and numerical nouns: gündelik (işler) ‘(works) daily’; seksenlik (ihtiyar) ‘(an old person) eighty-year-old’.

These both suffixes are just met with a +IIK suffix in modern Uyghur. Eckmann states that denominal noun suffixes +IIG and +IIK in Chaghatai Turkic has often been confused as well. The formative +IIG refers to location, belonging and relationship. Through several works of Chaghatai period, Eckmann presents these examples: edebliġ ‘chaste’; atliġ ‘famous’; cânliġ ‘alive’; başliġ ‘headed’; i’timatlıq ‘trustful’, qayġuluq ‘worried, upset’; uyatlıġ ‘shy, bashful’; Xorâsânliq ‘one from Xorasan’, qaydalıġ ‘from where’. This suffixes is attached to nouns also to provide a feature: arslan yürekliġ ‘brave heart’, bülend boyluq ‘tall’, qatıq sözlük ‘harsh in expressing, harsh-spoken’ etc.

The confusion aforementioned by Eckmann resumes in modern Uyghur. When +liq / +lik; +luq / +lük are attached to personal names and expressed like ‘Tursunluk, Exmetlik’, this does mean that it forms new words; but this suffix which makes comparison can be added to all of the words which are of nouns.

The +IIK suffix can also be combined with other suffixes in modern Uyghur. +çilik is one of them: Boyunçilik “as long as your height”.

The +IIK suffix can be used with participles as well: Uniñ salamatlikke qañçiliq ziyan keltürdiġanliġini bilisenġu. ‘Do you not know how harmful it is?’

G. Güngör

Rus Aydınlarının Çarlık Rusyası Müslümanları Üzerindeki Etkisine Bir Örnek: Hüseyinzade Ali Turan’ın Gözünden L.N. Tolstoy

The influence of Russian intellectuals on Muslims in the Tsarist Russia: Husseinzade Ali Turan’s views about L.N. Tolstoy

XIX. yüzyılın ikinci yarısından itibaren başlayan modernleşme hareketlerinde, Rusya Müslümanlarının, Osmanlı ve Rus modernleşmesini örnek aldıkları bilinmektedir. Modern çağın bilimsel bakış

açısını, yeni felsefi akımları, modern sanat ve edebiyat anlayışını, hemen yanı başlarında duran ve bir asırdır aydınlanma sürecini yaşayan kültür aracılığıyla öğrenmeye çalışan Rusya Müslümanlarının aydınları, Rus bilim, felsefe ve edebiyatından yaptıkları çevirilerle kendi aydınlanmalarına katkı sağlamayı amaçlamışlardır. Rusya İmparatorluğu'ndaki Türk-Müslüman basınının sayfalarında yayımlanan Puşkin, Derjavin, Çehov, Lermantov, Tolstoy vb. edebiyatçıların eserleri, bunu doğrular niteliktedir.

İktisadi gelişim ve bunun neticesinde oluşan kozmopolit yapı sayesinde Rusya Müslümanlarının modernleşme hareketlerinde öncü rolünü üstlenmiş Kafkasya'da çıkan süreli yayınlarda da Rus bilim adamlarını, şair ve yazarlarını takdimlere, eserlerinden tercümelere ya da bu kişilere ilişkin eleştirel mahiyetteki yazılara rastlanmaktadır. İlk sayısı itibarıyla, “düşünceyi aydınlatıp, ruhu besleyerek okuyucularını manevi bir zenginliğe ulaştırma” amacı taşıyan Füyuzat dergisi bu tür yayınlara bir örnektir. Derginin editörlüğünü yapan Hüseyinzade Ali [Turan], Tolstoy'a dair kaleme aldığı “Tolstoyluk Nedir”? adlı seri makalelerinde, yazarın düşünce dünyasını ve eserlerini eleştirel bir bakışla ele almıştır. Füyuzat'ın yanı sıra İrşad gazetesinde çıkan “Tolstoy ve Şiir” başlıklı kısa yazısı ve diğer gazete yazılarında Tolstoy'a yaptığı telmihler, Hüseyinzade'nin, Tolstoy'un felsefesinden ve yapıtlarından düşünsel boyutta etkilendiğini ortaya koymaktadır. Bu makalede; Azerbaycan ve Türkiye'deki modernleşme hareketlerinde önemli rol oynamış Türk dünyası aydınlarından Hüseyinzade Ali Turan'ın Tolstoy'a bakış açısı ele alınacaktır.

H.H. Хаджизаде

Лингвокультурологические особенности фразеологизмов в турецком языке

N.N. Hacızade

Linguo-cultural peculiarities of phraseology in Turkish

Язык, имеющий тесную связь с культурой, в тоже время является ее неотъемлемой частью. В процессе обучения взаимосвязи

языка и культуры важную роль играют такие языковые единицы как фразеологизмы. Во фразеологических единицах находят отражение как материальные, так и духовные элементы культуры.

Анатолийские турки, сохраняя старые связи с тюркским миром в целом, в тоже время являются обладателями и собственных уникальных культурных ценностей. Изменяющиеся иногда в течение времени эти культурные ценности сохраняют свои следы во фразеологических единицах. Турецкий язык с точки зрения фразеологизмов богатый язык. В его фразеологии можно проследить взгляд турецкого народа на внутренний и внешний мир, общество и социальные отношения. Фразеологические единицы отражают национальные особенности турков, а именно их мировоззрение, менталитет, историю, религиозные взгляды, верования, обычаи и традиции, мифологию.

Некоторые безэквивалентные языковые единицы, имеющие место во фразеологизмах связаны со специфическими условиями жизни турков (напр., *matrak geçmek*). Некоторые археологизмы или слова, изменившие смысл, в этом плане являются важными подсказками (напр., *iki dirhem bir çekirdek*). Некоторые географические названия и собственные имена лиц, являясь свидетелями истории, уносят нас в прошлое (например, *Bulgurlu'ya gelin gitmek*). В группе фразеологических единиц, отражающих религиозные взгляды, особый интерес представляют фразеологизмы, связанные с суфизмом (напр., *baş kesmek*). Отражения обычаев, традиций, старых верований и мифологических представлений во фразеологизмах иногда выражены прямо (напр., *karalar bağlamak*), а иногда в скрытой форме (напр., *avucunu yalamak*). Отдельное место занимают фразеологические единицы, использующиеся в качестве ответных реплик в разговорной речи (напр., *laf söyledi balkabağı*).

В данном докладе мы постараемся осветить, еще недостаточно изученные, уникальные культурные особенности турецких фразеологических единиц.

Готический роман в современной азербайджанской прозе

L.T. Hasanova

Gothic novel in modern Azerbaijan prose

В истории мировой литературы готический роман имеет долгую историю развития. Многие классики как И. Тургенев, А. Толстой, В.К. Фолкнер и мн. другие обращались к этой традиции. С конца XX века эта традиция вновь стала актуальной. «Новейшая готическая» традиция приобрела новые жанровые особенности.

В азербайджанской прозе можно найти некоторые мотивы, элементы готического жанра, но ни в классической, ни в современной прозе это явление не является распространенным. Поэтому творчество молодого писателя Вюсала Нуру представляет несомненную ценность. Его романы «999», «Дочь президента» образцы готического романа.

В романе «Дочь президента» события развиваются на основе таинственного, мистического сюжета. Молодые люди в целях проведения фото сессии отправляются в заброшенную эстакаду. В случайно выбранном месте происходит преступное действие. В результате чего, пробуждается древнее проклятие. Рыбак, с которым они случайно встретились в эстакаде, начинает мстить. Молодые люди погибают, когда пытаются проявить его фотографии. Вместе с их смертью, которое нельзя оценить однозначно, самоубийство или убийство, в произведении появляются и духи. В результате этого преступления всплывает случай происшедший на берегу в давние времена.

В романе «Дочь президента» события развиваются вокруг одной темы, изнасилования молодой девушки. Это Анюта — модель парней, и дух дочки рыбака, которая преследует Айшада. Действия разворачиваются в двух пространствах — реальном и «проклятом». Второе пространство известно только Айшаду который пытается

разгадать это проклятие, а в первом, в реальности следователь ведет следствие в совсем другом направлении.

Хотя основу конфликта в романе составляет насилие молодых людей, духовно-нравственные проблемы современности, но автор довольствуется публицистическим показом проблемы. Он больше зациклен на сюжете, чем на нравственных проблемах современного мира. Проклятие вновь пробудилось из-за безнравственности молодых людей.

Таким образом, как выяснилось на основе анализа, готический жанр имеет свои структурные особенности. Несмотря на некоторые модификации, в современной прозе, также, сохраняется традиционная структура развития действий.

F. İyiyol

Türk ve Slav Kültürünün Kavşak Noktası: Boşnak Folkloru Örnekleme

The junction point of Turkish and Slavic culture: The sample of Bosnian folklore

Günümüzde Bosna-Hersek, Sırbistan ve Karadağ'da (göçler sonucu Türkiye vd. ülkelerde) yaşayan Boşnaklar, Slavcanın bir lehçesini konuşmakta ve İslam dinine inanmaktadırlar. Güney Batı Slavlar olarak kabul edilen Sırp, Hırvat ve Boşnaklar, VI. yüzyılda Avar tehlikesine karşı Bizanslılar tarafından Balkanlara getirilmişlerdir. Bu asırdan itibaren Balkan coğrafyasındaki diğer toplumlarla etkileşimler, bölgesel şartlar ve kabul ettikleri inançlar Bosnalı Slavların kültüründe yeni formlar ortaya çıkarmıştır. Bogomil inancının etkisiyle Balkanlardaki akraba topluluklardan farklılaşma başlayan Bosnalılar, İslam inancının kabulüyle birlikte "Boşnak" olarak anılmaya başlamışlardır.

Bosna'da XV. asırdan itibaren Saraybosna, Mostar, Banja Luka gibi şehirlerde başlayan İslamlaşma süreci kültürel anlamda da yoğun bir etki ve yeni yaratımların ortaya çıkmasını sağlamıştır. Yeni dinin kabulüyle Boşnak folklorunda büyük bir değişim-gelişim ger-

çekleşmiştir. İslam inancının Türkler vasıtasıyla kabul edilmesinden dolayı Türk folklorun birçok unsuru Boşnak folkloruna taşınmıştır. Osmanlı-Türk kültürüne ait dinî-tasavvufî kültür, anlatı türlerinin kahraman, motif ve içeriği; doğum, evlilik ve ölüm etrafında gelişen birçok ritüel Boşnak kültüründe görülmeye başlanmıştır. Bununla birlikte Bosnalı Müslümanlar eski kültürlerini tamamen unutmamışlardır. Boşnak folkloru bir yandan İslam ve Türk kültürüyle zenginleşirken diğer yandan Slav karakterini korumuştur. Boşnak lehçesi gerek yazı dilinde gerek konuşma dilinde işlevini sürdürmüştür. Özellikle Boşnak halk müziğinde ve halk oyunlarında İslam öncesi yapı korunmuştur. Boşnak folklorunda, İslam ve Türk kültürü ile Güney Batı Slav topluluklarının kültürleri bir sentez ortaya çıkarılmıştır. Bunun karakteristik bir örneği Boşnak folkloruna has bir tür olan sevdalinkalardır. Anonim halk edebiyatı türü olan sevdalinkalarda melodi ve müzik unsurları eskiye bağlı kalmış ancak içerik açısından İslam ve Türk kültürünün yoğun etkisi görülmektedir.

Today Bosnians, who live in Bosnia Herzegovina, Serbia and Montenegro (and other countries like Turkey as a result of migrations), speak a dialect of Slavic and believe in Islam. Serbs, Croats and Bosnians, who are acknowledged as South West Slavs, were settled to Balkans by Byzantines in 6th century as a countermeasure against the Avar threat. From this century on, certain factors such as interaction with other communities in Balkans, territorial circumstances and the beliefs they adopted, created new forms in Bosnian Slavs' culture. Bosnians, who began to differ from other cognate communities in Balkans due to Bogomil faith, were started to be called Bosniaks after their conversion to Islam.

Islamisation process, which started in Sarajevo, Mostar, Banja Luka from XV. Century on, brought about a strong interaction on the cultural level and new creations as well. Following the adoption of the new religion, a great transformation and development took place in the Bosnian folklore. As a result of adoption of Islam through the agency of Turks, many elements of Turkish culture were transferred to Bosnian folklore. Religious and Sufi culture, incident to the Ottoman Turkish culture, the hero motifs and content of the narratives, and also a number of rituals developed around birth, death and mar-

riage, were began to be seen in Bosnian culture. Moreover, Bosnian Muslims have not forgotten their old cultural values completely. While becoming richer with Islamic and Turkish culture, Bosnian folklore retained its Slavic character also. Bosnian dialect continued its function both in written and spoken language. Especially in Bosnian folk music and dances pre-Islamic structures were retained. In Bosnian folklore, Islamic-Turkish culture and the cultures of South Western Slavic communities created a synthesis. A characteristic example of this is Sevdalinka (songs). As an example of anonymous folk literature, in Sevdalinkas while the old sound and musical elements have been retained, in content a strong influence of Islamic and Turkish culture is visible.

A. Jumaturdu

A general survey on Epic Manas study in China

Today the Kirghiz Manas is one of the celebrated heroic epic in the world. At the turn point of the new millennium it was appointed a UNESCO "Masterpiece in the Oral and Intangible Heritage of humanity" signaling its global significance.

In China, with the thorough fieldwork carried out since late 1950s, scholars found tens of epic singers (manaschi) in parts of Kirghiz region in Xinjiang and recorded their variants of epic Manas. As a matter of fact, their artistic oral creative talent and epic performing level are different. 95 years old Jüsüp Mamay, undoubtedly, is the greatest and world famous manaschi, nowadays. Jusup Mamay was born in April 1918 Qoñur-ölöj in the Qara-bulak town Akchi county, in Kizil-suu, the Kirghiz autonomous prefecture of Xinjiang. His version consists eight parts (or branches) of the epic Manas, and his version continues the epic into eight generations, Manas, Semetey, Seytek, Kenenim, Seyt, Asilbacha-Bekbacha, Sombilek and Qigtey, but the two great manaschis from Kyrgyzstan, Saginbay Orozbek (1867–1930) and Sayakbai Karalaev(1894–1971), their versions consist only first three parts. The Manas version written down from Jusup Mamay is as long as 232,600 poetic lines and include the story of eight genera-

tions of hero Manas's family. Beside Jusup Mamay, there are about 80 records of variants kept in the archives in the Institute of ethnic Literature of CASS and in Xinjiang Folklorist Society.

There appeared some specialists on epic Manas in China from second half of the last century. Prof. Lang Ying, Prof. Huzhenhua and some accomplished Kirghiz scholars are undoubtedly make up the chief part of the team.

Today, episodes from the Manas feature at private and public celebrations, and where once bards performed for villagers or khans, they now appear on national and international stages and on TV. The Manas, then, overflows with iconicity; episodes provide storylines for theatrical production and for children's books, and images feature on billboards and in adverts.

N. Kalkan

Başkurt Türkçesinde Mental Fiiller

Mental verbs in Bashkir Turkish

Duygular, düşünceler, algılarla ilgili fiiller genel olarak mental fiiller (zihin fiilleri) diye adlandırılmıştır. Bu fiiller, birçok bilişsel süreci içerir. Mental fiiller, genel olarak idrak fiilleri, duygu fiilleri ve algılama fiilleri olmak üzere üç grupta ele alınmaktadır.

İngilizcede "cognition verb" terimiyle ifade edilen idrak fiilleri anlama, düşünme, istek, hayal, tahmin, unutma ve hatırlama ifade eden fiiller olarak sınıflandırılır.

Mental etkinliğin ikinci aşamasını oluşturduğu belirtilen duygu fiilleri, mental fiillerin bir başka grubunu oluşturmaktadır. Dünyadaki bütün dillerde duyguları ifade eden fiiller bulunmaktadır. Kuşku, korku, endişe, sevinme, üzüntü, pişmanlık gibi mental sürecin zihinde meydana getirdiği hislerden oluşan çıktılar duygu fiilleri olarak kabul edilir.

Algılama fiilleri de mental sürecin duygularla ilgili bölümünü oluşturur. İşitme, dokunma, koklama, tatma, görme ifade eden fiiller algılama duyu fiilleridir.

Başkurt Türkçesi gramerlerinde fiiller, bilişsel süreç dikkate alınarak sınıflandırılmamıştır. Fiiller; Başkurt Türkçesinde hareket (bar-, atla-, yügir- vb), iş (işlä-, tüz-, uqı-, yaha- vb.), durum (yäşä-, ultır-, yat-), psikolojik ve fizyolojik durumu ifade etme (arı-, awır- vb.), düşünme (uyla-, anla-, tüşün- vb), duygu ve sezgi (ila-, yarat-, hiz-), anlatma hüylä-, äyt-, ündäş- vb.), taklidî fiiller (qañqılda- vb) olarak anlam özelliklerine göre ele alınmıştır. Bu çalışmada, Başkurt Türkçesindeki mental fiiller tespit edilerek Başkurt Türklerinin düşünce dünyaları belirlenmeye çalışılmıştır.

Verbs related to feelings, thoughts and perceptions have generally been called mental verbs (mind verbs). These verbs include many cognitive processes. Mental verbs; generally cognitive verbs, are dealt with in three groups which are emotion verbs and perception verbs.

In English cognitive verbs which are expressed by the term “cognition verb” are classified as understanding, thinking, wishing, imagining, estimating, forgetting and remembering.

Sense verbs which consist the second stage of mental activity constitute another group of mental verbs. There are many verbs in the languages of all over the world which express emotions. Doubtfulness, fear, anxiety, jubilation, sadness, regretting which are feelings that come out during the mental processes are considered emotion verbs.

Detection verbs also constitute mental process which are related the part of senses. Hearing, touching, smelling, tasting, seeing verbs are sensory perception verbs.

In Bashkir Turkish grammar, the verbs aren't classified according to considering the cognitive process. Verbs are studied by meaning properties in Bashkir Turkish like movement (bar-, atla-, yügir- etc.), work (işlä-, tüz-, uqı-, yaha- etc.), manner (yäşä-, ultır-, yat- etc), expressing psychologic and physiologic manner (arı-, awır- etc.), thinking (uyla-, anla-, tüşün- etc.), emotion and intuition (ila-, yarat-, hiz- etc.), expressing (hüylä-, äyt-, ündäş- etc.), imitation verbs (qañqılda- etc.). In this study was tried to determine the intellectual world of the Bashkir Turks by determining the mental verbs in Bashkir Turkish.

**Опыт сопоставительного анализа моделей
субстантивных определительных конструкций
в языке ДТРП в современных огузских языках**

S.N. Kamalova

**The experience of benchmarking models of substantive
attributive constructions in the language of ATRI
in modern Oguz languages**

В настоящей работе язык древнетюркских рунических памятников (VII–IX вв.) трактуется как один из промежуточных этапов диахронического процесса формирования огузских языков, в частности азербайджанского и турецкого. Автором ставится задача проследить особенности развития субстантивных определительных конструкций формально-морфологической точки зрения.

Изучение древних текстов свидетельствует о менее производительном употреблении их носителями морфологических категорий (множественности, склонения), вследствие чего преобладают конструкции, в которых коммуникант опирается на соположение неаффигированных компонентов «существительное + существительное» (изафет I): *türk qayan* (КТМ 3) «тюркский каган»; *ötükän jış* (КТМ 3) «Отюкенская чернь»; *türk sir budun* (Тоньюкук 3) «народ тюроксиров». Реже, чем в современных языках, употребляются конструкция с аффиксом принадлежности у определяемого (изафет II): *budun boyaz+у* (Т 8) «Горло народа»; *körüg sab+у* (Т 9) «Слова лазутчика» (Изафет II вместо изафета III). Конструкции с определением в форме родительного падежа и определяемым с аффиксом принадлежности 3-го лица (изафет III) используются сравнительно редко: *adıууу qarnу* «брюхо медведя», *тогузуи азууу* «клыки кабана».

Функционирование изафетных конструкций в древних текстах подтверждает идею проф. С.Н. Иванова о том, что именно их коммуникативными функциями объясняется отсутствие в тюркских языках собственных относительных прилагательных.

An online database of Turkic runiform inscriptions

The Turkic peoples of the Eurasian steppe zone have developed their own runiform writing system for different purposes such as religious needs and official communication. Although the script was deciphered already in 1893 by Vilhelm Thomsen and since then thousands of scientific publications have been devoted to runiform studies, there have remained many fundamental matters which are still much debated or even have been neglected. Moreover, a significant number of inscriptions have not yet been deciphered.

Therefore we aim at establishing an on-line digital database of all the hitherto discovered runiform inscriptions. The database will present the sources in a systematic fashion and provide a featureful interface for scientific analysis and comparison. By means of further extensions a special emphasis will be put on the not completely deciphered inscriptions because it is hoped that a computer based analysis of systematically stored and organized information can yield new research results.

In the first part of the presentation the state of the art in runiform studies will be considered whereby an overview of the still open and debated issues is given. It will be followed by various turcological matters concerning questions of epigraphy, philology and linguistics. The second part of the talk will be devoted to the technical issues such as the software environment, the extensions and their functionality, the ontology of the database...

Y. Kasai

The Old Uyghur Buddhist texts with Brāhmī elements preserved in Berlin Turfan Collection

Amongst the Old Uyghur Buddhist texts there are a certain number of the fragments which partly contain the sentences and words written in Brāhmī script. In those fragments the text was mainly

written in Uyghur script, but it was changed in the middle of the line to the Brāhmī one only for writing several chosen sentences or terminologies. Those fragments preserved in the Berlin Turfan Collection are the objects of my current work and the complete edition of them is going to be published very soon. In the lecture, the contents of those texts and the different uses of the Brāhmī script in the texts are presented and the meaning of using the Brāhmī script, the introduction of this script into the Uyghur Buddhists, and the background of the scribes of those texts will be discussed.

Д.Ф. Каюмова

**Исследование национальной специфики концепта
«дом - жилье» на примере турецкого и татарского
языков**

D.F. Kayumova

**The study of national specificity of the concept “home - house”
on the example of Turkish and Tatar languages**

Для обозначения всего, созданного человеком, в противоположность природному существованию, как известно, было принято название «артефакт», которым обозначается любой процесс или объект искусственного происхождения. Организация быта, уклад жизни и семейно-родственные отношения представляют первостепенный интерес для исследования языковой картины мира. Предметы быта получают отражение не только в лексике, но и во фразеологическом фонде языка. Именно они являются носителями национального колорита, присущего фразеологии в значительно большей степени, чем лексике. В связи с этим рассматриваются такие лексемы, входящие в концептуальное фразеологическое поле «дом-жилье», как дом — ой, йорт; окно — тэрэзэ; дверь — ишек; порог — бусага; ворота — капка; хлев — абзар. Тюркские селения обычно характеризовались тесными кровно-родственными связями в отличие от европейских. По причине недостатка усадебной земли нередко отделившиеся женатые сыновья ставили новый дом на отцовской

усадьбе. Бывало, таким образом, не оставалось места для огорода и надворных построек.

Концепт «дом» в тюркской лингвокультуре среди других концептов материального мира занимает совершенно особое место, причем русскому слову «дом» в сравниваемых языках соответствуют слова *ой*, *йорт*, *ев*, *uyurt*, каждый из которых имеет свою специфику, в них по-разному разворачивается как денотативное, так и сигнификативное значение и разные коннотативные семы.

M. Kaplan

Sâbit Divanı'nda Sosyal Eleştiri

Social criticism in the Divan of Sâbit

İsmi Alaeddin olup Bosna Öziçe'de doğan Sâbit, 1712'de vefat etmiş olup kendine özgü şiir tarzı ile dikkat çeker. Şairin Divan'ı dışında Dere-nâme, Berber-nâme, Zafer-nâme, ve Edhem ü Hümâ adlı eserleri vardır. Taklitten kaçınmış, dikkatini topluma çevirmiştir. Divan'ında aşk ve sevdâ konularından çok topluma yönelmiş, dünyanın geçiciliğini göz önüne alarak toplumdaki olumsuzluklara dikkat çekmiştir. Bu sebeple şiirlerinde atasözü ve deyimlere sık yermiştir. Sâbit toplumu kemiren rüşvete karşı eleştî yolunu seçmiştir. Bunun dışında toplumda gördüğü aksaklıkları dile getirmekten geri durmamıştır. Sâbit'in şiirlerinde hakiki ve batıl inançlar, örf adet ve gelenekler, ticaret, alışveriş, giyim kuşam konusunda zengin malzemeye rastlamak mümkündür. Bu çalışmada şairin divan'ı incelenerek bu eserde sosyal hayata ve kişilere yönelen eleştirileri tespit edilecektir. Osmanlı Devleti'nin çeşitli iç ve dış sorunlarla uğraştığı, zirveden aşağı hızla indiği bir yüzyılın insanı olarak şairin yaptığı eleştiriler dikkat çekicidir. Hayattan ve talihten şikâyet eden Sâbit, içinde bulunduğu çağın etkisi ve mizacından dolayı eleştirel bir bakış açısına sahiptir.

Sâbit, who was named Alaeddin, was born Öziçe in Bosnia and died in 1712, draw attention with its particular style of poetry. Besides his Divan, he wrote Dere-nâme, Berber-nâme, Zafer-nâme and

Edhem ü Hümâ. He refrained from imitating others and focused on the society. In his Divan, he focused on the society rather than on love and stressed the negativities in the society considering the temporariness of the world. Therefore, he often used proverbs and idioms in his poems. Sâbit criticized bribery which corrupted the society. Besides, he did not refrain from pointing to the problems of the society. Sâbit wrote extensively about real and superstitious beliefs, traditions and customs, trade, shopping, clothing in his poems. In this study, I will dwell on his Divan and look into his criticisms on the social life and people. His criticisms are remarkable in that as a poet, he witnessed the century of the Ottoman State in which it was struggling with various internal and external problems and was collapsing in a rapid manner. Sâbit complained about life and fate and had a critical perspective due to his character and the age in which he lived.

Л.А. Хачатрян

Названия домашних животных в тюркских языках

L.A. Khachatryan

The names of domestic animals in Turkic languages

Данный доклад посвящен изучению названий домашних животных в тюркских языках, представляющих хозяйственную ценность. Семантико-морфологическое изучение отдельных лексем данной тематической группы, охватывающей как древний слой лексики, так и инновации более позднего времени, позволяют проследить внутренние закономерности развития тюркских языков, которые прошли сложный путь взаимодействий между собой и с другими языковыми семьями. Большинство названий, засвидетельствованных в письменных источниках древнетюркского и караханидского периодов, носит общетюркский характер, что отражает, по всей вероятности, общность лексики тюркских языков и диалектов в древнюю эпоху, в которую формировалась скотоводческая терминология. В средневековый период уже четко выявляются огузо-туркменские, кыпчакские и карлукские лингвистические особенности, которые

также видны в изучаемой нами тематической группе лексики. Однако характерные названия животных в разных тюркских диалектах все еще параллельно засвидетельствованы в некоторых письменных памятниках (қон/қой/қоч/қойун/гойун-овца). В средневековую эпоху так же наблюдаются семантические сдвиги в значениях разных слов. В раннем средневековье, при наличии некоторых заимствований, все же большинство названий домашних животных имеют исконно тюркское происхождение. Однако в более поздний период, когда в результате культурно-исторических и социальных изменений усиливается арабо-персидское влияние, эти заимствования существенно увеличиваются.

В тюркских языках термины, обозначающие различные виды животных по полу, возрасту и по другим характерным признакам, многочисленны. Среди них выделяются несколько групп слов по степени распространения. Устойчивость или неустойчивость значения общего слова, так же, как и определенных лексико-семантических групп тесно связаны с историческими и социальными условиями жизни народов-носителей этих языков. В ходе этимологических исследований была сделана попытка определить насколько сохранился древнетюркский слой в современных тюркских языках, наличие, сфера и степень употребления заимствований. Исконно тюркские названия составляют подавляющее большинство в данной тематико-лексической группе. Надо отметить, что многие засвидетельствованные в ранних и средневековых памятниках лексемы сохранились до наших дней.

Г.И. Халлиева

Научное изучение и популяризация творческого наследия туркменских классиков в России

G.I. Khallieva

The scientific study and promotion of the heritage of Turkmen classics in Russia

Рукописное наследие туркменского народа бесценное достояние человечества. Содействие дальнейшей популяризации литератур-

ного наследия туркменских классиков, углубление научных исследований в этой области, привлечение внимания международной научно-литературной общественности к их поэтическому и философскому миру было и остается актуальной задачей литературоведения.

Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) первый русский исследователь туркменского языка и литературы. За короткое время он собрал большое количество языкового и фольклорного материала, для основы своей дипломной работы «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта». Позже он создал «Краткий текинско-русский словарь».

В 1914 г. издается монография А.Н. Самойловича по произведению туркменского поэта Абдусеттара Казы «Книга рассказов о битвах текинцев». В истории науки это был первым опытом систематизации данных грамматических, словарных, историко-литературных, извлеченных из стихотворного памятника XIX века туркменской литературы.

Одной из лучших работ А.Н. Самойловича явилась «Очерки по истории туркменской литературы», где глубоко научно и теоретически обосновано духовное наследие туркменского народа. Объем изданных и неизданных статей академика по туркменской литературе свидетельствуют о сборе и анализе ценных сведений, имеющих важное значение для науки.

Яркая творческая жизнь А.Н. Самойловича беспощадно была оборвана 13 февраля 1938 г. Остались не реализованными перспективные, актуальные и в наши дни планы ученого. В Санкт-Петербурге в архиве востоковеда имеются неопубликованные труды по туркменской литературе, которые ждут своих исследователей.

В наше время продолжается изучение туркменской классической литературы. 1 марта 2014 г. была учреждена медаль Туркменистана «Махтумкули Фраги». Заместитель директора Института истории материальной культуры РАН Наталья Соловьева и главный редактор газеты «Московский литератор» Иван Голубничий были награждены медалью. Это награда явилась гордостью востоковедов и рассматривается как высокая оценка вклада российских ученых в дело изучения культурного наследия Туркменистана.

В России юбилей поэта-философа отметили изданием сборника «Махтумкули. Избранное». Он включает в себя около 400 стихотворений, большинство из которых впервые зазвучало на русском языке. Были организованы выставки авторских подлинников из фондов Института восточных рукописей РАН и библиотеки Санкт-Петербургского университета. Конференции с участием туркменской диаспоры состоялись в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Ставрополе и Астрахани.

Каждая заслуга российских тюркологов, которая стала объектом научного анализа для наших исследований заслуживает большего. Познать и осознать истинное значение каждого произведения, каждой поэтической строки, каждого слова великих туркменских мыслителей честь и долг современной интеллигенции.

Г.С. Хазиева-Демирбаш

**Личные имена татар в XIX века
(по материалам «Ревизских сказок»)**

G.S. Khaziyeva-Demirbash

**The personal names Tatars in 19th century
(according to the materials of “Revizskaya skazka”)**

XIX век характеризуется различными изменениями в общественно-политической, культурной жизни татарского народа и лидирующим положением татарского духовенства среди мусульман. Уже в конце XVIII века ученые муллы стали идеологами формирующейся «мусульманской» нации и заметно воздействовали на историческое самосознание, в свою очередь, и на антропонилическую систему народа. Как известно, в середине XIX в. муллами издаются различные карманные словари личных имен религиозного характера, пропагандирующие мусульманские личные имена («Исме Аллаһе Тəгал эл-Хəsəни» (1848), «Авраде Фэтхия» (1865) и др.). 13 марта 1894 г. Оренбургским Духовным Собранием издается специальный циркуляр личных имен и для реализации

направляется имамам. В данном циркуляре даются специальные указания, какими именами нужно называть новорожденных. В результате воздействия мулл на духовную культуру народа, в том числе доминирующую роль в процессе обряда имя наречения, произошли заметные изменения в антропонимической системе татар в XIX веке, о чем свидетельствуют материалы «Ревизских сказок».

В данной статье на материале «Ревизских сказок» предпринимается попытка реконструкции антропонимической картины татар XIX в. Материалы «Ревизских сказок» отражают антропонимическую картину татарского народа и представляют важную роль в изучении исторической антропонимики. В материалах «Ревизских сказок» Казанского уезда 1816–1825 гг., 1870–1879 гг. было проанализировано 2078 антропонимических единиц. В материалах Мамадышского уезда 1870–1879 гг. — 534 единиц. По нашим наблюдениям, на территориях, отличающихся количеством населения, отличается и именной состав. Это связано, прежде всего, с различными общественно-политическими и религиозными условиями. С другой стороны, в малонаселенных территориях прослеживается стабильность состава и количества личных имён и в сохранении традиционности обрядов и обычаев, уклада жизни и устоев.

А.Б. Хертек

Определение статуса неопределенного падежа в тувинском языке

А.В. Khertek

Determining the status of indefinite case in the Tuvan language

В данной статье ставится вопрос об определении статуса неопределенного падежа, анализируются его функции в тувинском языке. В тюркологической литературе первый падеж склонения обозначается разными терминами «основной падеж», «именительный падеж» и «неопределенный падеж».

С точки зрения многих тюркологов определение неопределенного падежа является наиболее корректным, так как данный падеж выражает не только значение субъекта, которое выражается именительным падежом, но и параллельно употребляется при выражении значений других падежей. Основной падеж «ассоциируется с представлением об основе слова, в то время как падежная форма, даже если она характеризуется нулевым показателем падежа, есть словоформа, а не основа, не часть слова».

Термин «неопределенный падеж» определяется как с внешней стороны, так и с внутренней стороны: внешне он материально не выражен, а в плане содержания он указывает на категорию неопределенности.

На материале тувинского языка хорошо видно, что употребление неопределенного падежа в различных его функциях строго обусловлено характером синтаксических отношений предложения, семантикой слов, с которыми он связан, и общим значением контекста.

Ф.Г. Хисамитдинова

**Термины со значениями «мать» и «отец»
в мифологической лексике тюркских языков**

F.G. Khisamitdinova

**The terms meaning “Mother” and “Father”
in the mythological lexicon of the Turkic languages**

В мифологической лексике тюркских языков значительное место занимают термины родства. Судя по данным словарей и ряда работ по тюркской мифологии, в мифологической лексике тюркских языков нашли отражение следующие термины родства: ана ~ инэ ~ ене ~ эне ~ ама, эсэ ~ ече ~ еже ‘мать’; ата ~ ада ~ атай, баба ~ бобо ~ бабай ~ паба, олатай ‘отец, дед, дядя’; аба ~ абу ~ апа ~ абый ~ эби ~ эбей ‘брат, сестра, тетя, дядя, бабушка’ и др. Ср.: *башкирские мифонимы*: Ағас анаһы ‘дух, покровитель дерева’, досл. ‘мать дерева’,

Ер эсэ 'дух, божество земли', досл. 'мать-земля', Зэнге бабай 'дух, хозяин домашнего скота', досл. 'дед Занги', Ыу инэһе 'дух, божество воды', досл. 'мать воды' и др. Для сравнения приведем ряд примеров из мифологической лексики других тюркских языков. Ср.: *татарские*: Су бабасы 'дух, хозяин воды', досл. 'дед воды', Су анасы 'дух, хозяйка воды', досл. 'мать воды', Йорт анасы 'домовой (дворовой)', досл. 'мать дома (двора)'; *казахские*: Умай-ене 'богиня Умай', 'покровительница детей', досл. 'мать Умай', Кыдыр-ата 'пророк Кыдыр (Хызыр)', досл. 'отец Кыдыр'; *узбекские*: Амбар-она 'покровительница женщин', досл. 'мать Амбар', Бобо-дехкон 'покровитель земледелия', досл. 'отец дехкон'; *киргизские*: Умай-эне 'божество', покровительница женщин и детей, досл. 'мать Умай', Чолпон-ата 'покровитель овец', досл. 'отец Чолпон'; *туркменские*: Буркут-баба 'дух, хозяин дождя', досл. 'отец Буркут', Хайдар-баба 'дух, хозяин ветра', досл. 'отец Хайдар'; *чувашские*: Вут ама 'божество огня', досл. 'мать огня', Ҫер амаше 'божество земли', досл. 'мать земли' и др.

Судя по имеющимся материалам, не все термины родства одинаково представлены в составе мифологической лексики. Наиболее популярными, на наш взгляд, являются термины со значениями «мать» и «отец». Так, например, в словаре мифологической лексики башкирского языка из более 5000 слов и словосочетаний 238 имеют в своем составе термины родства, а из них 59 названий связаны с терминами *ана, инэ, эсэ* 'мать', 34 — с *ата, атай* 'отец' а остальная мифологическая лексика образована от других терминов родства. Приведенный статистический материал показывает, что в мифологической лексике башкирского языка наиболее многочисленной является группа названий, включающих в свой состав термины со значениями «мать» и «отец».

В связи с отсутствием полных словарей по мифологической лексике других тюркских языков, привести статистику по ним не представляется возможным. Однако имеющийся материал по мифологии и мифологической лексике ряда тюркских языков позволяет нам говорить о том, что в словообразовании мифологической лексики тюркских языков наиболее активное участие приняли термины со значениями «мать» и «отец». Причина преобладания в составе мифологической лексики терминов родства со значениями «мать» и «отец», по-видимому, кроется в архаичности данной груп-

пы терминов, особенно терминов со значениями «мать» и связана с древними тотемистическими представлениями тюркоязычных народов.

M. Kılıçarslan

Grek Harfli ve Arap Harfli Türkçe İncil Tercümelerindeki Nazal «N» Sesi

The nasal «n» sound in the translations of the Bible into Turkish with Greek and Arabic letters

Bütün dünya dillerine çevirisi yapılan İncil'in tarih boyunca Türkçe'ye de diğer diller kadar çevirisi yapılmıştır. Özellikle Arap harfli İncil tercümeleri ve daha az bilinen Grek harfli İncil tercümeleri çeşitli yönleriyle karşılaştırılarak incelenmesi önem arz eden eserlerdir. Arap harfli imlada gösterilmeyen seslerin Grek harfli metinlerde gösterilmesi bu ilgiyi daha da arttırmaktadır. Grek harfleriyle Türkçe yazan ve konuşmalarında da bu dili kullanan Ortodoks Hıristiyanlar Karamanlı, konuştuıkları dil de Karamanlıca olarak adlandırılmıştır. Karamanlıca eserler, kendi arasında farklı imla özellikleri gösterse de dini metinlerde ve özellikle de İncillerde daha ince ve ayrıntılı bir imla kullanılmıştır. Bunun yanında bu eserlerin birçok ağız özelliği taşıdığı da muhakkaktır. Bu çalışmamızda Arap harfli ve Grek harfli İncil tercümelerindeki Türkçeye has seslerden biri olan nazal n sesinin gösterimi üzerinde durulmaya çalışılacak ve Grek harfli metinlere ilgi çekilmesi amaçlanmaktadır.

The Bible, which was translated into all languages, was translated into Turkish as much as it was done into other languages. It is important that its translations in Arabic letters and the lesser known ones in Greek letters in particular are comparatively studied. The fact that sounds which are not shown in Arabic letters are illustrated in texts with Greek letters. The Orthodox Christians who wrote Turkish with Greek letters and spoke Greek as well were from Karaman and their language was called Karamanli Turkish. The works in Karamanli

Turkish had different spelling rules but a more nuanced and detailed spelling was used in religious texts, especially in Bibles. Besides, these works definitely carried many properties of local dialects. In our work, we will dwell on the nasal “n” sound, which is one of the sounds particular to Turkish, in translations of the Bible into Turkish with Arabic and Greek letters and draw attention to the texts with Greek letters.

S.K. Koca

Makedonya Türk Folklorunda Geçiş Dönemi Uygulamaları

Transitional implementation of Turkish folklore in Macedonia

Makedonya, Türk kültür ve tarihinin ayrılmaz bir parçasıdır. Makedonya’da MS IV. yy’a dayanan Türk varlığı günümüze kadar devam etmiştir. Günümüzde Türkler Makedonya’nın bütün bölgelerinde dağınık bir halde yaşamaktadır. Türklerin çoğunlukla yaşadıkları yerler Makedonya’nın batısında Gostivar, Kalkandelen, Ohri, Struga, Kırçova, Debre, Üsküp ve Makedonya’nın doğusunda Köprülü, Valandova, Usturumca, Radoviş ve İştıp belediyeleridir.

Bugün Türklerin yaşadığı bütün bölgelerde Türk kültürü her alanda canlılığını korumaktadır. Bu alanlardan birisi de hayatın dönüm noktaları, geçiş dönemleri olarak adlandırılan doğum, evlenme ve ölüm dönemlerindeki uygulama ve inanışlardır. Her bir geçiş dönemi kendi içerisinde binlerce yıllık bir geleneksel birikimi ve bu birikimin günümüze yansıyan uygulamalarını barındırmaktadır. Makedonya Türk kültürünün tespiti dün olduğu gibi bu günde bu topraklarda Türk varlığının delillerinin gözler önüne serilmesi adına önem taşımaktadır.

Geçiş dönemleri ile ilgili kültür unsurları bir bölgenin geleneksel kültürel dokusunun tespiti adına önem taşımaktadır. Yapılacak tespitler bu anlamda hem maddi hem de manevi kültürün geleneksel doku içerisinde yerini de belirtecektir. Makedonya Türk kültürü geleneksel Türk kültürünün günümüzde Balkanlarda devam eden bir kolu gibidir. Bu sebeple de Türk kültürünün devam ettiği farklı coğrafyalardaki uygulamalarla da benzerlikler göstermektedir.

Macedonia is unseparated part of Turkish culture. Existence of Turkish culture in Macedonia has been spreading since 4th century AC till nowadays. Nowadays Turkish people live scattered in every region of Macedonia. The most of Turkish people live in the west part of Macedonia in such towns as Gostivar, Kalkandelen, Ohri, Struga, Kirchova, Dere, Uskup and in the east part in such towns as Koprulu, Valandova, Usturumca, Radovish and Islip.

Nowadays every part of Turkish culture is saved in all regions where Turkish people live. The turning points of Turkish culture are old style based baby born, weddings and death ceremonies' implementation and belief. The aim is to save traditions of past which lasted for thousands of years and to hut these savings to nowadays practices. Macedonia plays an important role in revealing of Turkish culture existence on the present land today as it was in previous centuries.

Cultural elements of past times play an important role in the evaluation of region's traditional culture's texture. Future evaluations will indicate the place of physical and moral cultures in traditional texture. Nowadays Macedonia is kind of hand that helps to continue the spread of Turkish traditional culture in Balkans. That is why implementation of Turkish culture in different regions has similarities.

H. Kohrs Kegel

Theory and practice translating the works of the great Turkmen poet Magtymguly Pyragy into Spanish and German

The great Turkmen poet Magtymguly Pyragy is highly appreciated in Central Asian and Oriental countries, especially with Turkic languages speaking populations. On the other hand, we must take into account the role of Magtymguly in Russia and other countries of slavonic languages and culture. Unfortunately, very little is known about the Turkmen poet in Western Europe, and we found only very few and some dispersed translations into Western languages. That is the reason why we tried about more than ten years ago first to study and later begin-

ning to translate the poems of Magtymguly step by step into Spanish. Finally, our translation has been published by the National Institute of Manuscript and the Academy of Science of Turkmenistan and presented during the International Scientific Conference on Magtymguly held in Ashgabat in May 2014 celebrating the 290 anniversary of the birth of the poet. Now our next challenge is to finish our translation of the poems of Magtymguly into German, a language which is also our mother tongue.

Much research is done and many articles are published on literary translation by scholars and experts of different countries in the frame of "Translation Studies" in order to establish an adequate theory for this subject area. This intention is extremely difficult as literary and especially poetic translation normally use to be a personal and individual challenge for any translator since in poetic translation we must decide between prose translation or rhymed version into our target language.

On the other hand, we must consider the multiple difficulties which must overcome even experts aiming to translate the beautiful poems of Magtymguly full of rich legendary metaphors, mythological images, religious and philosophical allegories and understand the ancient language of the poet using also vocabulary of Arabic and Persian origins based in former times of different linguistic, cultural and historical environment. The literary translators venturing to translate the poems of Magtymguly into foreign languages will need an ample preparation acquiring adequate background knowledge in order to present an appropriate version of the works of the great Turkmen poet in their target language which normally used to be their mother tongue.

Y. Köktan

Kosova Türk Folklorunda Geçiş Dönemleri

The transition periods (the birth, the marriage, the death) in folklore of Kosova Turks

Bu çalışma, Kosova'nın Prizren ve Gilan kentinde yaşayan Türklerin geçiş dönemi inanmalarını ve uygulamalarını ele almaktadır.

İnsan hayatının en önemli geçiş dönemleri; doğum, evlenme ve ölümdür. Geçiş dönemlerinde birey, çeşitli adet ve inanmalarla yeni hayatına, hayatındaki yeni döneme hazırlanır.

Sosyal normlar olarak adlandırılan töre, gelenek, görenek, örf, adet, teamül ve moda toplumun halk kültürünü oluşturur. Halk kültürü, bireyin toplum içerisindeki yaşantısında, düzeni ve uyumu sağlar. Ayrıca toplumların geçmişi ve geleceği arasında bir köprü vazifesi görmekte, milletlerin varlıklarını ve birliklerini korumalarına büyük ölçüde yardımcı olmaktadır.

Alan araştırmasına dayanan bu çalışmanın birinci bölümünde, araştırma alanı olarak seçilen Kosova, Prizren ve Gilan tanıtılmış; bölgede yaşayan Türklerin durumuna değinilmiştir. İkinci bölümde ise ana konumuz olan doğum, evlenme, ölüm ile ilgili hem teorik, hem de alan araştırmasına dayalı bilgiler verilmiştir.

Bu bölüm üç ana başlık altında ele alınmıştır. Bölümün ilk alt başlığı “doğum” olarak belirlenmiştir. Doğumla ilgili âdet ve inanmalar, doğum öncesi, doğum sırası ve doğum sonrası olarak ele alınmıştır. Bölümün ikinci alt başlığı olarak belirlenen “evlenme” bölümünde, evlilik biçimleri, evlilik aşamaları, düğün öncesi, düğün ve düğün sonrası olarak verilmiştir. Geçiş dönemlerinin üçüncüsü olan “ölüm”, üçüncü alt başlıkta ele alınmıştır. Ölümlle ilgili âdet ve inanmalar, ölüm öncesi, ölüm sırası, ölüm sonrası sıralamasıyla anlatılmıştır. Sonuç bölümünde, çalışmanın genel bir değerlendirilmesi yapılmıştır.

This study focuses on beliefs and traditions of transition periods of Turks who live in Prizren and Gilan in Kosova. The most important transition periods of human life are birth, marriage and death. In these periods any individual is prepared for new life, new period in life with various practices and beliefs.

Custom and usages, rules, traditions, practices and fashion named as social norms constitute the public culture. The public culture provides order and harmony in the social life of individual. Furthermore, it functions as a bridge between the past and future of societies and helps to protect nation's wealth and unity on large scale.

In the first chapter based on area research, Kosova, Prizren and Gilan chosen as research field are portrayed; the situation of Turks who live in there is mentioned. In the second chapter, informations about

the main subject; birth, marriage and death based on both theoretic and area research are given.

This part is studied in three phases. The first sub-title of the chapter is “birth”. Practices and beliefs related to birth are discussed as pre-birth, birth and past-birth. In the “marriage” section chosen as second sub-title the marriage ways and phases are given as pre-marriage, marriage ceremony and past-marriage. The last transition period “death” is the third sub-title. The traditions and beliefs about the death are also studied in phases pre-death, death and past death. Last chapter is devoted to a general evaluation of the research.

И.В. Кормушин

Форма-призрак на *ağan/ägän в чигильско-тюркском языке «Дивана» Махмуда Кашгари

I.V. Kormushin

Grammatical form-ghost in the -ağan/-ägän in Chigil-Turkic Language described by Mahmud al-Kashgari

Во вводной части «Дивана» в особом параграфе Кашгари перечисляет ряд причастий, которые он “не включает, — как он говорит, — в Словарь”. Среди них два примера, которые вошли в прежние издания «Дивана», а из них в грамматики как формы на *ağan/ägän: ol är ol ävkä baragan ‘это тот мужчина, который часто ходит к нему домой’; ol är ol bizkâ kälägän ‘это тот мужчина, который часто приходит к нам’. Р. Данков подверг сомнению эти формы, предположив, что фатхи над вторым корневым согласным в причастиях от глаголов bar- и käl- проставлены «поздней рукой». Обращение к новому факсимильному изданию рукописи «Дивана» подтверждает правоту американского издателя: Рукопись 1711 г., в написанном здесь слове kälägän фатха над лямом, дающая чтение второго слога как lä, совершенно отчетливо переправлена из сукуна, предполагавшего чтение буквы лям (ﻻ) без

сопровождающего гласного, т.е. все слово до этого вмешательства явно было *kälgän. В первом из рассматриваемых двух примеров — baragan, сукуна над ра, очевидно, не было, т.е. зачеркивания не требовалось, но подставленная над буквой ра фатха отличается от соседних аналогичных харакятов (над первым и вторым кяфами), что также свидетельствует о верности предположения Р. Данкова.

Ö. Kul

The resources about Osman Batur movement

In this paper it is aimed to evaluate the resources that provide information about Osman Batur who is called Golden Legend in National Independence Movements in East Turkistan. Also the truth or falsity of the resources which give information about Osman Batur's services will be revealed. In this context, we seek to evaluate the resources in different languages. At the same time, oral history sources will be mentioned. In this work, we referred to not only primary but also secondary sources.

The resources which are evaluated in this paper are for examples, M. Cable-F. French, (The Gobi Desert: A Desert Journal London 1943) ve Through Jade Gate and Central Asia (London 1950), A. Barmine (One Who Survived, New York 1945), W. Skrede (Across the Roof of the World, London 1954), G. Lias (Kazak Exodus, London 1956), B. Davidson (Turkestan Alive: New Travels in Chinese Central Asia, London 1957), Le Févre (An Eastern Odysses, London 1962), A.D. Barnett (China on the Eve of the Communist Takeover London 1963), Zhan Da-jun'un Xin-jiang fen bao qi shi nian, (Tai-bei 1980), A History of Migration of Xin-jiang Kazak People (Xin-jiang Üniv. Yay, Urumçi 1993), V.I. Petrov (Myatejnoe serdtse Azii, sintszyan kratkaya istoriya narodnih dvijeniy i vospominaniya Moskova 2003), G. Çandarlıoğlu (Özgürlük Yolu, Nurgocay Bahadır'ın Anılarıyla Osman Batur, İstanbul 2006) etc.

И.В. Кульганек, Д.М. Насилов

**Тюркские параллели в первых российских
грамматиках монгольских языков**

I.V.Kulganek, D.M.Nasilov

**Turkic parallels in the first Russian
grammars of Mongolian**

Первые российские научные грамматики монгольских языков появились в Казани в середине XIX в., когда Казанский университет и Казанская духовная академия были (до открытия в 1854/1855 гг. Факультета восточных языков в Петербургском университете) центрами российского востоковедения.

Именно в этих учебных заведениях, в которых преподавали востоковеды с мировым именем — Х.М. Френ, О.М. Ковалевский, А.В. Попов, А.К. Казембек, В.П. Васильев, Н.И. Ильминский, начали функционировать первые в России кафедры монгольской словесности (1833, 1845 и 1846 гг.).

Ученик О.М. Ковалевского, Александр Васильевич Попов, автор «Грамматики калмыцкого языка» (1847), являлся на время создания этого труда, как написано на титуле книги, «ординарным профессором монгольского языка при императорском Казанском университете, статским советником и кавалером орденов Св. Анны 3-й степени и Св. Станислава 3-й степени, членом Казанского общества любителей отечественной словесности». Впоследствии, с открытием в Петербурге на Факультете восточных языков кафедры монгольской и калмыцкой словесности, он стал первым ее заведующим. Его грамматика вместе с изданной им десятилетием ранее «Монгольской хрестоматией для начинающих обучаться монгольскому языку» стала основным учебником для петербургских студентов, используемым при изучении не только калмыцкого языка, но и монгольского.

Ученик О.М. Ковалевского и А.В. Попова, Алексей Александрович Бобровников, автор известной «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» (1849), был на время написания учебника двадца-

тивосьмилетним бакалавром по монгольскому языку и математике Казанской духовной академии. Его труд высоко оценили О.М. Ковалевский, Д. Банзаров, Н.И. Ильминский, П. Савельев, Г. Гомбоев.

Оба монголиста несколько по-разному подходили к проблеме описания монгольских языков. Если Бобровников, считал, что нет особой разницы между монгольским и калмыцким языками, и именно поэтому он написал единую грамматику для обоих языков, то Попов признавал необходимым создать специальную грамматику калмыцкого языка.

Грамматика Бобровникова ставила своей задачей сблизить книжный калмыцкий язык с живым разговорным. В ней содержалось больше рассуждений теоретического характера, чем в Грамматике Попова, которая подавала материал весьма доступно, но довольно сжато. И тот и другой ученый, характеризуя способы образования разных частей речи, и, как они писали, «наращений», т.е. словообразовательных или словоизменительных аффиксов, обращались в ряде случаев к грамматике тюркских языках. Они сравнивали образование глаголов, деепричастий, причастий, частиц. Всего у каждого автора нами было обнаружено в не менее десяти тюркских параллелей.

В докладе проводится анализ этих сопоставлений и дается оценка выводам ученых, касающихся их наблюдений над строем монгольских и тюркских языков.

Э.Е. Лебедев

О значении функционально-семантического подхода к изучению глагольной морфологии в чувашском языке

E.Y. Lebedev

About the importance of the functional and semantic approach to the research of verbal morphology in the Chuvash language

В докладе предпринимается попытка обоснования необходимости применения функционально-семантического подхода

к анализу фактов, относящихся к системе глагольных словоизменительных форм и категорий в чувашском языке. Представляется, что подобный подход, основанный на выявлении, прежде всего, внутренней, семантической стороны языковых знаков поможет вскрыть их основные функциональные особенности и создать такое описание грамматической системы чувашского глагола, которая бы наиболее точно отражала реально существующие отношения между отдельными компонентами этой системы.

В частности, рассматриваются следующие спорные вопросы, существующие в современном чувашском языкознании:

1) грамматический статус форм залога в чувашском языке. Традиционно во всех современных справочниках и учебниках по грамматике чувашского языка формы с подобными значениями относятся к разделу словообразования. Однако анализ функционирования этих форм подтверждает их словоизменительную сущность;

2) отсутствие словоизменительной категории аспектуальности. Учитывая, что аналитические формы с акциосартовыми значениями весьма продуктивны в чувашском языке и представляют собой механизм словоизменения, справедливым было бы выделять отдельную глагольную категорию аспектуальности;

3) «причастия» в чувашском языке. Формы, традиционно обозначаемые в чувашских грамматиках как причастия, в действительности несут гораздо большую функциональную нагрузку, их функционально-семантическая сущность значительно превышает рамки понятия, обычно обозначаемого термином «причастие»;

4) состав категории наклонения. По причине не включения в систему глагольных наклонений форм аналитического типа, их состав в современных описаниях чувашской грамматики не отражает объективную реальность.

Turkish literary pieces translated in Korean and reflection in the Korean mass media

Recently the exchanging of government, economy, culture and arts have been expanding between Korean and Turkey. With these reasons, the Korean's believe it is very important for Turkish literary pieces to be presented to Koreans for us to understand about Turkey.

It is clear that the Turkish literature has been introduced to Korea later than others. However if we compare it with other third world country literature pieces that have been introduced to Koreans over the past 10 years, the Turkish literary pieces are definitely getting a much vivacious reaction from Korean readers. Furthermore this positive outcome is a result from the leading Korean publishers who are actively introducing Turkish literature. High standard works from Turkey has been introduced to the Korean readers and we look forward for these two countries to mutually understand and be closer through literature. We consider that more support and strenuous effort is required in order to introduce the Turkish literature to other countries.

Y.-S. Li

On KIzLKNM:twktI:KRAtm:yWgrtI in the 52th line of the Tuñuquq inscription

The letter groups twktI and yWgrtI of iKIzLKNM:twktI:KRAtm:yWgrtI in the 52th line of the Tuñuquq inscription have been regarded as converbs. The letter group twktI has been read as tökti, tökti (tökä-ti?), töküti, or tükäti. The letter group yWgrtI has been read as yügürti, yügürü, or yegirti.

Tekin listed 9 spelling errors or insufficient spellings in the Tuñuquq Inscription. One of them is k(ä)lti instead of k(ä)lürti. This k(ä)lürti is written as k(ä)lüti in the northeast side of the Kül Tegin Inscription.

Tök- (or tükät-) is a transitive verb whereas yügür- is an intransitive verb. The causative form of tök- is found later for the first time as töktür-, not töküt- in Dīwān Luyāt at-Turk. Therefore, the form töküt- is problematic.

If tök- (töküt-, or tükät-) and yügürt- were right, then their objects would have the accusative suffix -n. But, qanīm and tärīm do not have this suffix.

The positive aorist form yügürt- is found as yügürtür in Dīwān Luyāt at-Turk. Therefore, the converb of this verb would be yügürtü, not yügürti.

Considering these points, the author regards the third letter group iTQT as a misspelling of iTLQT, i.e. tök(ü)lti “it was shed (or poured out)”. The letter groups in question can be now read as qizil qanīm tök<ül>ti qara tärīm yügürti “My red blood was shed (and) my black sweat flowed” and they are parenthetical clauses within the sentence tün udimati күntüz olormati işig küçüg bertim ök “Without sleeping by night or getting rest by day, I gave my services”.

A.B. Махмудова

Отношение к творчеству Фузули в XXI веке

A.V. Mahmudova

Attitude toward Fuzuli 's creativity in the XXI century

Тихий, проникновенный голос звучащий сквозь века создает некое противоречие с веком скорости и информации. Существование такого противоречия с временем предупреждает о наличии сложных и интересных формах отношений к творчеству Фузули в наши дни. Веками отношение к творчеству Фузули в разных эпохах возникала в разной и порой противоречивой формах и по силе и по содержанию. В азербайджанской литературе и эсте-

тической мысли определяются этапы отношения к творчеству Фузули:

– этап движения азербайджанской литературы в «орбите» Фузули;

– этап обвинения реалистической эстетики Фузули в «погрешениях» его последователей;

– этап возвращения к могуществу Фузули, как возвращение к совершенству мастерства Фузули в совершенно новом содержании, в новом соотношении и качестве. Этап вливания и синтеза с Фузули.

Хотя в XXI веке отношение к творчеству Фузули опирается на эти же корни, но оно имеет специфические, отличающиеся стороны. Новая эпоха требует новое отношение к творчеству Фузули.

Существование каждой нации зависит от его национальной личности и его духовности. Веками творчество Фузули был и остается незаменимой духовной ценностью тюркских народов. Тюркские народы с помощью духовного наследия Фузули и других таких же культурно-духовных ценностей смогут сохранить своеобразие лица, свою личность и свой духовный мир в XXI веке — в веке глобализации и интеграции культур.

Для тюркских народов Фузули больше, чем поэт — это единство. И в XXI веке он будет организовывать, и поддерживать единство тюркских народов как это он делал веками.

В нашей статье мы рассмотрим отношение к творческому, духовному наследию Фузули в XXI веке у тюркских народов в общих чертах, и детально изучим этот вопрос в азербайджанской эстетической мысли и литературе.

P. Mammadova (Mammedli)

Research on Iranian Turks' folklore

The academic and scientist Ali Kemali who lived in Azerbaijani border provinces (Eastern Azerbaijan and Western Azerbaijan) throughout the years have been collecting the masterpieces and

works of Turkish poets; and the samples of people's folklores leaving within these areas. After thorough research, he concluded that the population of 5 million people located at the center of Iran such as Hamadan, Zaranda, Savada, and their geography has entirely Turkish origins. He notes that the literature and language of Sava region is closely linked to Turkey, Azerbaijan, Iraqi Turkmen, Turkmen and Xorasan Turks, which acts as a bridge between these nations. His numerous articles contain historic facts, ethnographic boards, and travel records. The prominent academic and scientist had dedicated most of his life to collecting more than sixty master works and had established more than seventy folk materials.

D. Matsui

Uigur-Turkic influence as seen in the Qara-Qota mongolian documents

In the field of the philological study on the Pre-Classical Mongolian materials brought from Central Asia, the comparative analysis with the contemporary Old Uigur materials has been well established. For the most noteworthy example, we can remind the pioneering work on a Qara-Qota Mongolian contract document by Francis Woodman Cleaves (1955), which accelerated the philological and historical analysis on the Old Uigur contracts.

Recently, a large number of the Qara-Qota Mongolian materials preserved in the United Kingdom, Russia, and China (Inner Mongolia) have been provided for academic circles, though philological analyses on them are still on progress. In this presentation, I would like to investigate the Uigur-Turkic influence on a couple of the Qara-Qota Mongolian documents and present the better interpretation for the letters.

**К вопросу о функциональных особенностях тюркских
деепричастий (на материале якутского языка)**

N.A. Matushkina

**On the issue of the functional characteristics of adverbial
participles in Turkic languages (based on the Yakut language)**

Вопрос о составе категории деепричастий в якутском языке долгое время был и остается дискуссионным. Традиционно выделяют следующие формы: 1) –ан; 2) –а (-ыы); 3) –ымына; 4) –бакка; 5) –аары; 6) –ымаары; 7) –аат; 8) –бытынан; 9) –бычча. Если рассматривать деепричастие с функционально-семантической точки зрения, а именно: как такую форму, значением которой является представление действия в виде обстоятельства, нельзя не отнести к деепричастным формам якутского языка также формы –даһына и –дар, обладающие значением условия.

Обстоятельственными значениями обладают также получившие широкое распространение, как в якутском языке, так и в других тюркских языках сложные лексико-морфологические формы, так называемые обстоятельственные конструкции — субстантивно-адъективных формы с показателями падежей в сочетании с послелогом (например, форма -бытын кэннэ, обладающая временным значением действия, предшествующего какому-либо другому действию или событию). Их также необходимо включать в состав деепричастий.

Тюркские деепричастия обладают следующими свойствами.

1. Деепричастия, так же, как и субстантивно-адъективные формы не содержат в своем значении информации о производителе действия (не имеют агентивного значения), а потому могут выступать в качестве вершины абсолютных деепричастных оборотов.

2. В значении некоторых деепричастий имеется указание на время протекания действия-обстоятельства, однако деепричастия не обладают независимой категорией времени: временное значение деепричастных форм указывает на соотношение времени протека-

ния действия-обстоятельства со временем совершения уточняемого действия.

3. В состав деепричастий могут входить финитные формы, обладающие обстоятельственным значением, в якутском языке это форма со значением условия –дар.

4. Деепричастные формы, обладающие самым широким значением образа действия, имеют тенденцию входить в состав аналитических образований с акционсартовыми значениями, так называемых, аналитических конструкций.

5. Некоторые деепричастия употребляются в удвоенном или парном виде, в этом случае они чаще всего передают информацию об образе действия.

6. В якутском языке, и в некоторых других тюркских языках, присутствуют деепричастные формы, способные употребляться с показателем падежа в сочетании с послелогом (форма –аат в сочетании с послелогом кытта).

7. Отличительной особенностью деепричастий якутского языка считается их способность принимать личные показатели.

8. Собственно деепричастные формы зачастую обладают достаточно широким значением, позволяющим передавать большой спектр смыслов, тогда как обстоятельственные конструкции способны передавать более узкие, специфицированные обстоятельственные значения относительного времени, цели, причины и др.

Ж.А. Меерманова

Турецкий язык в дискурсах глобализации

J.A. Meermanova

Turkish language in discourses of globalization

В конце 1990-х гг. в социологический оборот вошло понятие глобализация, которое, безусловно, является важнейшим признаком нашего времени. Процесс глобализации охватил экономическую, политическую и культурную сферы жизни общества. Расширение и

открытие границ, как в прямом, так и в переносном смысле, повлекло за собой значительные изменения в культурной жизни народов, привело к увеличению межкультурных связей.

Язык как средство коммуникации, традиционно считается одним из основных индикаторов состояния общества в целом, поэтому любые преобразования общественных отношений в первую очередь проявляются в языковой среде страны. В современных условиях глобализации язык подвергается постоянному изменению, и в первую очередь это касается лексической сферы языка, непосредственно связанной с отображением в языке внутреннего и внешнего мира человека.

Процессы глобализации, несомненно, имеют воздействие как на Турцию в целом, так и на турецкий язык в частности. Широкое распространение слов, заимствованных из западных языков, связано с попытками осовременить язык, сделать его выразительным. Кроме этого, под культурным и образовательным влиянием использование иностранных слов стало считаться модным.

В данном докладе мы попытаемся проанализировать новые лексические единицы в современном турецком языке, заимствованные в период процесса глобализации, пути их распространения и сферу использования.

At the end of the 1990s, it came into use in the sociological concept of globalization, which, of course, is an important sign of our times. The process of globalization embraced the economic, political and cultural aspects of society. Expansion and opening of borders, both literally and figuratively, has caused significant changes in the cultural life of the people, it has led to an increase in cross-cultural communication.

Language as a means of communication, traditionally considered one of the main indicators of the state of society as a whole, so any conversion of public relations is primarily manifested in the language environment of the country. In today's globalized language is subject to constant change, and in particular this applies to the lexical scope of the language directly related to the display in the language of the inner and outer world of man.

The processes of globalization, of course, have an impact on Turkey as a whole, and the Turkish language in particular. Widespread words

borrowed from Western languages, linked to attempts to modernize the language to make it impressive. In addition, under the influence of cultural and educational use of foreign words was considered fashionable.

In this article we try to analyze the new lexical units in modern Turkish language, taken in the period of globalization, how they spread and scope of use.

Ф.Х. Миннуллина

Особенности жанра трагедии в татарской драматургии конца XX – начала XXI века

F.Kh. Minnullina

Features of genre of tragedy in Tatar dramaturgy the end of XX – beginning of XXI century

Начавшиеся в конце 1980-х гг., демократические процессы повлияли на культурную ситуацию в обществе. Демократические явления, определяющие основу современных общественных изменений, ставят на повестку дня необходимость решения важных проблем.

Эти изменения проявились, в изображении и преобразований связанные с общественной жизнью и их влияния на человека, где раскрываются его внутреннее, психологическое состояние. Данное исследование посвящено анализу особенностей жанра трагедии в татарской драматургии конца XX – начала XXI века. Объектом исследования являются трагедии, как «Три аршина земли» (1987) А. Гилязова, «Страна Белых корней» (1990), «Дочь хана» (1995) Р. Хамида, «Идегей» (1994), «Перстень и кинжал» (1998) Ю. Сафиуллиной, «Чертов омут» (1999) З. Хакима и др. Особое внимание акцентируется на жестокость повседневности, на отчуждение личности от мира. Надо отметить и тот факт, что в связи с изменениями в обществе усиливаются изображения темных сторон жизни. Социальные, нравственные аспекты всегда были основным моментом трагических конфликтов. Трагический конфликт в пьесах возника-

ет в связи несогласия героя с существующими порядками, в которых раскрывается трагедия личности. Проблема противостояния героев трагическим обстоятельствам в безвыходной ситуации является основополагающей и решается по-разному. Например, в пьесе А. Гилязова «Три аршина земли» на первый план выходит трагические обстоятельства и мотив страдания, показывающий трагическое состояние героев. Через личную человеческую судьбу А. Гилязов отразил социально-историческую сущность эпохи.

Г.А. Мишкинене

**Значение материалов проф. А. Мухлинского
для развития татаристики в Литве. Коллекция
арабографических славяноязычных рукописей
Санкт-Петербургского университета**

G. Miskiniene

**The impact of prof. A. Muchlinski Works' to the development
of the Tatar studies in Lithuania. The collection of the
manuscripts written in Slavic languages but in Arabic script
kept at the University of Saint-Petersburg**

Первым ученым, описавшим хамаил литовских татар, был немецкий востоковед Х.О. Флейшер (1938). Однако, судя по описанию, Х.О. Флейшер ничего не знал ни о литовских татарах, ни об их письменности. Поэтому первооткрывателем письменности литовских татар принято считать профессора кафедры восточных языков Петербургского университета Антона Мухлинского, в работах которого приводятся отрывки польских и белорусских текстов, писанных арабским письмом (1858).

Письменная традиция литовских татар сформировалась еще в XV–XVI вв., но до наших дней дошли лишь поздние списки (XVII–XX вв.) более ранних памятников. Первая попытка учесть имеющиеся арабографические славяноязычные рукописи была сделана Леоном Кричинским в подготовленной им «Библиографии

к истории польских татар» (1935). Библиография содержала 1957 названий, в том числе упоминания о 72 рукописях. Коллекции рукописей, хранящиеся в государственных хранилищах и в частных коллекциях Беларуси, Литвы и Польши описаны в четырех каталогах, изданных в 1997, 2000, 2003, 2005 и 2011 годах. Кроме того, рукописи литовских татар хранятся в библиотеках и музеях разных стран – Англии (Лондон), Германии (Лейпциг), Латвии (Рига), России (Казань, Санкт-Петербург, Псков), Украине (Львов).

С 2008 г. автор доклада работает над созданием Сводного каталога арабографичных славяноязычных рукописей литовских татар. В Сводном каталоге будут описаны и рукописи, хранящиеся на Восточном отделении Санкт-Петербургского государственного университета из коллекции А. Мухлинского.

А.Х. Мухаметзянова

Книжный эпос «Кахарман Катил»: генезис, главные мотивы, роль в духовно-культурной жизни татар

L.Kh. Mukhametzynova

Book epos «Kakharman Katil»: genesis, the main motives, a role in spiritual and cultural life of Tatars

“Кахарман Катил” — героический книжный эпос, созданный путем переработки персоязычного средневекового эпоса. Своими генетическими корнями восходит известному с древних времен персидскому источнику “Кахарманнаме” (“Повествование о Кахармане”). Дастан “Кахарман Катил” описывает приключенческую героическую судьбу героев, в особенности главного героя, увлекает читателя своим полуреальным, полумифологическим сюжетом.

В нем нашли отражение древнетюркские и древнеиранские компоненты идейно-структурного характера, пронизанные мусульманской идеологией и более поздними инновациями. Дастан представляет собой своеобразный сплав тюркских и иранских фольклорных традиций, а также традиций индивидуального письменного твор-

чества. Дастан охватывает древнюю мифологию, историческое прошлое народа, его светские, религиозные и литературные традиции, имеет свое достойное место и обладает определенными функциями в духовной жизни татарского народа. Его сюжет и ведущие образы, которые идут от персидских письменных памятников, несмотря на переплетение с мифологическими мотивами, чрезвычайно близки жизни тюрков и тюркскому героическому эпосу. Он — неоценимый богатый источник для выяснения древних тюрко-иранских межэтносвязей и взаимовлияния в фольклоре и литературе этих народов, один из видных и ценных книжных дастанов религиозно-героического характера.

Д.М. Насилов

**Одно-однозначность/одно-многозначность/
кумулятивность аффиксов в турецком языке**

D.M. Nasilov

**One-unambiguity/one-polysemy/cumulativity of affixes
in Turkish language**

Важнейшей типологической особенностью агглютинативных языков считаются три свойства используемых в них грамматических показателей — аффиксов: однозначность, стандартность и четкость морфемных границ. По Касевичу, «агглютинативные аффиксы стандартны: для выражения данного грамматического значения всегда употребляется данный аффикс...». А.А. Бурыкин и В.Г. Гузев подчеркивают, что исходя из этих признаков наиболее агглютинативным является монгольский язык, поскольку в нем отсутствует личное спряжение глагола, в то время как в этой парадигме лицо и число (т.е. две разные категории) «как в флективных, так и в агглютинативных языках почти всегда выражаются едиными показателями». Таким образом поведение показателей лица-числа в глагольной парадигме, например, турецкого языка как бы не соотносится с указанным основным свойством агглютинативного аффикса.

Более того, В.С. Люсина, характеризуя спряжение в турецком языке и приводя примеры *yazar-ım / yazar-sın / yazar-ø / ...*, с одной стороны, и *yazardı-m / yazardı-n / yazardı-ø / ...*, с другой, указывает, что турецкий язык имеет «два набора лично-числовых флексий: один употребляется в претерите и кондиционалисе, другой — во всех остальных случаях. Тем самым здесь имеет место одно-многозначность на парадигматическом уровне. В дополнение к этому в данном формоизменении турецкого глагола можно увидеть и «кумулятивность» показателя, поскольку по личному показателю можно заключить и о видовременной характеристике / наклонению конкретной временной формы. С общетеоретической точки зрения подобные факты, возможно интерпретировать как «контекстную алломорфию». Развивая эти идеи, можно сказать, что турецкий личный показатель кумулятивно выражает «лицо + число + видовременные свойства».

В докладе излагаются возможные подходы к решению возникающих теоретических противоречий в отношении свойств агглютинативных аффиксов.

А.П. Нахмедов

Об историческом развитии гендиадиса в тюркских языках

A.P. Nahmedov

Türk Lehçelerinde Hendiadyoinlerin Tarihi Gelişimi Üzerine

В современных тюркских языках гендиадисы, образованные путем повтора (*yavaş yavaş* медленно, *güzel güzel* красиво), синонимов или близких по значению слов (*delik deşik* дырявый, продырявленный, *bitip tükenmek* иссякать, кончаться), антонимов (*az çok* немного, более менее, *acı tatlı* досл. горький сладкий, всякий) и добавлением узуальной основе унирадиксоидов (*ayak mayak* нога и пр., *kap tap* посуда и пр.) называются в основном термином “*ikileme*” (досл. *redoublement, reduplication*). Эти фигуры речи используются в предложении или речи для усиления выразитель-

ности высказывания, обогащения выражения и с помощью аллитерации обеспечить продолжительность и множественность.

При рассмотрении исторического развития тюркского языка становится более менее ясным, что использование двух (*böğü bilge* знаток, ученый; *bul- tap-* найти; *buşuş gadgu* печаль; *kizle-yaşur-* скрывать, прятать), трех (*kü çav at* слава, известность; *yuñla- tit- idala-* удалять, отдалять) и даже четырех (*aya- ağırta- tapın- udun-* уважать, оказать почесть; *yaşur- batur- ört- kizle-* скрывать, прятать) синонимичных или близких по значению слов в одном предложении возникло по другой причине.

Первые примеры похожих фигур речи встречаются в орхоненейских памятниках, а в старо-уйгурских текстах их число сильно увеличивается и в ряду тюркских слов появляются, хотя и редко, слова из китайского (*çın bütün / çın kertü / çın köni / çın kertü köni* <по-китайски ? *çjen, çin* правда, *tsuy yazuq / tsuy erinçü / tsuy ayıq qılınç / tsuy erinçü ayıq qılınç* <по-китайски *tszuy, dzuai* грех), и санскрита (*Bursañ quvraq* <санскрит *buddha sangha* общество буддийских монахов).

В карахандидском, хорезмско-кыпчакском, чагатайском и старо-анатолийском письменных памятниках в ряд тюркских слов входят слова по-арабски и по-персидски (*güç kuvvet* сила, *us akıl* ум, *arzu dilek* мечта), под влиянием этих языков между словами появляются союзы (*ve, takı/dakı* и, также).

Причиной появления подобных фигур, по-нашему мнению, стал тот факт, что тюркские племена, имеющие разные диалектические особенности, после образования единого государства и письменного языка, для обеспечения взаимопонимания, стали использовать в письменном языке как разные грамматические формы, так и слова из разных диалектов вместе. К примеру, первый компонент гендиадиса *bul- tap-* (найти) сегодня употребляется только в огузской группе, а *tap-* в карлукской и кыпчакской группах. Второй компонент гендиадиса *ev bark* (дом, жилище), имеющийся в современном турецком языке, отдельно не употребляется в этом языке, но имеется в современных карлукских языках. Можно сказать, что с образованием современных письменных тюркских языков, некоторая часть подобных форм сохранились, а большая часть вышла из употребления из-за ненужности.

Günümüz Türkçesinde aynı kelimenin tekrarı (*yavaş yavaş, güzel güzel*), yakın veya eş anlamlı (*delik deşik, bitip tükenmek*), zıt anlamlı (*az çok, acı tatlı*), bazen biri anlamlı diğeri anlamsız (*ayak mayak, kap map*) iki kelimenin arka arkaya kullanılarak bir tek kelime gibi anlam ifade etmesiyle ortaya çıkan yapılar genelde “ikileme” (redoublement, reduplication) terimi ile karşılanmaktadır. Bunların cümlede veya konuşmada görevi anlamı güçlendirmek, ifadeye zenginlik katmak, ses ahenginden faydalanarak devamlılık ve çokluk ifadesi sağlamaktır.

Oysa Türkçenin tarihi gelişimine baktığımızda iki (*böğü bilge; bul- tap-; buşuş gadgu; kizle- yaşur-*), üç (*kü çav at; yuñla- tit- idala-*) ve hatta dört (*aya- ağırla- tapın- udun-; yaşur- batur- ört- kizle-*) eş veya yakın anlamlı kelimenin arka arkaya kullanıldığı yapıların farklı bir sebepten ortaya çıktığı anlaşılmaktadır. İlk örnekleri Orhun abidelerinde görülen bu yapılar Eski Uygur metinlerinden itibaren sayıca çoğalmış, Türkçe kelimelerin sırasına az da olsa Çince (*çın bütün / çın kertü / çın köni / çın kertü köni* <Çince ? *çjen, çin*”doğru”, *tsuy yazuq / tsuy erinçü / tsuy ayıq qılınç / tsuy erinçü ayıq qılınç* < Çince *tsuy, dzuai* “günah”), Sanskritçe (*Bursañ quvraq* < Sanskritçe *buddha sangha* “budist rahip cemaati”) kelimeler de girmiştir. Karahanlı, Harezmi-Kıpçak, Çağatay, Eski Anadolu Türkçelerinde ise Türkçe kelimelerin yanı sıra Arapça ve Farsça kelimeler de bu yapının içine girmiş (*güç kuvvet, us akıl, arzu dilek*), bağlaçlı (*ve, takı/dakı*) şekilleri ortaya çıkmıştır.

Bu yapıların ortaya çıkış sebebi, fikrimizce, farklı lehçe özelliklerine sahip olan Türk boylarının bir araya gelerek bir devlet sınırları içerisinde birleştikten sonra oluşan yazı dilinde ortak anlaşmayı sağlamak için gerek farklı gramer şekillerinin gerekse de farklı kelimelerin bir arada kullanılmasıdır. Örneğin, *bul- tap-* yapısını oluşturan *bul-* fiili bugün sadece Oğuz grubunda, *tap-* ise Karluk ve Kıpçak gruplarında kullanılmaktadır. Günümüz Türkçesinde bulunan *ev bark* ikilemesindeki *bark* kelimesi tek başına Türkçede kullanılsa da çağdaş Karluk lehçelerinde kullanılmaktadır. Çağdaş lehçelerin yazı dillerinin oluşmasıyla bu yapılardan bazıları kalıplaşarak korunmuş, büyük bir kısmı ise artık bunlara gerek kalmadığı için yok olmuştur.

**К термину «смешанный язык» в изучении
тюркоязычных письменных памятников
Средневековья**

F.S. Nurieva

**The term of “mixed language” in the Medieval Turkic-written
monuments studying**

В работе представлены результаты исследования по изучению начального этапа становления татарского литературного языка, являющегося изводом поволжско-тюркского литературного языка. Широкий круг письменных памятников золотоордынского периода (XIII – нач. XV вв.), оценивается на основе расслоения языка литературного текста и выделения его базисной системы, как это было апробировано Г.Ф. Благовой на материале «Бабур-наме».

В глоссариях того периода как, например, «Codex cumanicus» зафиксировано городское культурное койне. Лингвистические признаки этого койне в «Codex cumanicus» являются базисной формой, а большое сходство параметров свидетельствует о том, что эта базовая система воспринималась как норма. На основе обследования художественных текстов показано, что экспансия кыпчакского слоя, начиная с XIV века, в традиционные литературные варианты тюркских литературных языков средневековья привела к формированию на его основе базисной формы письменного языка, который стал фундаментом для развития регионального литературного языка кыпчакского типа — старотатарского литературного языка. В памятниках сохраняется караханидско-уйгурская традиция, параллельно с которой, именно в Поволжье, формируется новый вариант регионального литературного языка. Караханидско-уйгурская языковая традиция проявляется в: сохранение губной гармонии, употребление графем -δ, глухого -q- в интервокальной позиции, сохранение сочетаний типа -aуи-, ауслатного -у. Из фонетических признаков менее устойчивым является [ä], который последовательно

уступает позиции [i], что определяется графически, а также смена признаком -j, -δ, язык памятников отражает то состояние, когда j — графема проникает в язык текстов. Последовательность реализации этих признаков в конкретных текстах колеблется от максимального проявления до ниспадающей линии.

Достоверность выводов подтверждает, использованная в работе методика сплошного фонетико-морфологического анализа всех привлеченных памятников и статистическая обработка материала.

Е.А. Оганова

Из опыта преподавания турецкого глагольного имени -mA русскоязычным студентам

Е.А. Oganova

From the experience of teaching Turkish verbal noun -mA to Russian speaking students

Одной из сложных грамматических тем в курсе турецкой грамматики является изучение значения и функций глагольного имени на -mA, поскольку они тесно связаны с функционированием в турецком языке других глагольных имен, членов грамматической категории «глагольные имена»: имен на -mAk, на -(y)İş, а также с использованием конструкций с -DIğI.

Соотношением указанных форм специально занимались многие тюркологи (С.А. Соколов, С.Н. Иванов, В.Г. Гузев, О. Дениз-Йылмаз, Ш. Текин и др.), и многие особенности их функционирования в разных контекстах подробно ими рассмотрены. Между тем, не все результаты этих работ уже вошли в распространенные учебники турецкого языка. Действительно, употребление глагольного имени на -mA в современном турецком литературном языке студентами осваивается с трудом, и поэтому требуется целая система упражнений и заданий, чтобы закрепить навыки выбора правильного использования глагольного имени на -mA.

В связи с этим представляется целесообразным еще раз сфокусироваться на следующих вопросах:

1) как глагольное имя на -mA соотносится с именем на -mAk — в функции определения, прямого и косвенного дополнения;

2) как глагольное имя на -mA соотносится с глагольным именем на -(y)Iş — во всех возможных синтаксических функциях;

3) как глагольное имя на -mA соотносится с конструкциями с -DIğİ в функции прямого и косвенного дополнения, подлежащего и сказуемого.

Отдельно заслуживает рассмотрения функционирование глагольного имени на -mA в составе двухаффиксных изафетов («масдарных изафетов» — С. Майзель):

1) в функции определения: здесь особое внимание уделено разграничению конструкций, в которых имя на -mA, употребленное в родительном падеже, оформляется аффиксом принадлежности (типа *eve gelmemesinin sebebi*) или не оформляется им (типа *tüm gün gezmenin yorgunluğu*);

2) в функции определяемого: здесь отдельно рассматривается вопрос о соотношении имени на -mA без аффикса принадлежности (типа *kitap okuma*) с глагольным именем на -mA с аффиксом притяжательности (типа *kitabın okunması*)

Автор доклада представит также методические рекомендации по преподаванию глагольного имени на -mA русскоязычным студентам, разработанные на основе своей педагогической практики.

M. Ölmez

Lexical situation of Old Turkic (from 8th till 13th century)

VIII–XIII. yüzyıllar arasında yazılmış olan Eski Türkçe belgelerin ilk kapsamlı sözlüğü St. Petersburg’da hazırlanmış ve yayımlanmıştır. Eski Türkçe Sözlük (Drevnetyurkskiy slovar’) adını taşıyan eser her Türkologun eli altında bulundurduğu bir kaç temel kaynaktan biridir. Konuyla ilgili ikinci eser Sir Gerard Clauson’un 1972’de yayımlanan ünlü sözlüğüdür. Her iki abidevi eseri Uigurisches Wörterbuch ile Old Turkic Word Formation çeşitli yönlerden tamamlar. Ancak Her iki çalışma da Eski Türkçenin sözcük varlığını tam olarak ortaya koya-

maz; çünkü Uigurisches Wörterbuch hala devam etmekte olup henüz iki harfi tamamlanmıştır; Old Turkic Word Formation ise yalnızca türemiş sözlüklere yer vermekte olup alınma sözlüklere (ki bunların sayısı bir kaç bini geçmektedir) yer vermez. Ancak her iki eser de Eski Türkçenin sözvarlığı ile ilgili çalışmalarda birinci sırada müracaat kaynağıdır. En başta saydığımız Rusça ve İngilizce sözlüklerimiz ise 1970 sonrası yayımlanan muazzam Eski Uygurca edebiyatın söz hazinesinden habersizdir. Eğer bugün sadece Eski Uygurcanın söz hazinesini ele alacak olursak, söz varlığı (alıntı sözlerle birlikte) 11 000'i bulmaktadır. Bildirimde konuyla ilgili hazırlamış olduğum çalışmamdan ve kaynaklardan bahsedeceğim.

Б.Ч. Ооржак

**Вопрос о выделении желательного-сослагательного
наклонения в тувинском языке**

B.Ch. Oorzhak

**The question of the allocation of the optative-subjunctive mood
in the Tuvan language**

В докладе будет поставлен вопрос о выделении желательного-сослагательного наклонения (форма на *-ca*) в тувинском языке. Отмечается, что традиционно форма на *-ca/-ce/-za/-ze* в тувинском языке как и в других тюркских языках определяется как форма условного наклонения. Указанное значение проявляется в сложном предложении, когда форма на *-ca* оформляет зависимый предикат и выступает в инфинитной функции. В ее же финитной функции репрезентируется семантика объективно нереализуемого (ирреального) желания (пожелания) говорящего.

(1) *Кыш дүрген төнзе!*

кыш=Ø	дүрген	төн=зе
зима=NOM	быстро	заканчиваться=CONJ/3SG

‘Скорее бы закончилась зима!’

(2) *Молдургамны маңаа салыпкаш, чадаг маңнапсымза!*

given fatwas in favour of these attacks as well. The Ottoman wanted to conquer the Western Iran before Afghanistan. Indeed, during these attacks, such Iranian cities as Kermanshah and Khoyn were seized.

These developments in Iran motivated the Sunnis in Shirvan as well. They conquered cities such as Shemah, Shabran and Eresh. They called out for help from the Ottoman State. They had been complaining about the Safavid who would turn their mosques into barns, burn their books and murder their scholars. The Ottoman state declared Davud Han as the han of the Shirvan and notified Moscow in that regard.

It was not long before the developments in Iran motivated the Russian. They wanted to make use of that opportunity as well. Peter the Great proceeded to the coasts of the Caspian Sea and conquered Baku. The Ottoman State and Russia signed another treaty on 24 June 1724 as these developments unfolded. The reason is that the Russian Tsar who took Tahmasb, the son of Husayn, under his protection had taken from him the cities of Gilan, Mazandaran and Esterabad.

Upon these developments, the Ottoman State and Russia signed a protocol of division. Accordingly, Russia would not interfere with the Iranian lands conquered by the Ottoman and the Ottoman would not interfere with the Iranian lands conquered by Russia.

In the presentation, I will dwell on the developments preceding the treaty signed between Russian and the Ottoman Empire, the protocol of division and the following events.

XVIII. asrın ilk çeyreğinde Safevi hanedanının inkırızı üzerine İran'da bazı siyasi gelişmeler oldu. Doğu'da Afganlar Kandehar'ı zapt ettiler ve orada bir hükümet kurdular. Ardından Herat, Kirman, Yezd, Meşhed ve Safevi devletinin merkezi İsfahan'ı da zapt ederek yaklaşık otuz yıldır tahtta bulunan Şah Hüseyin'i esir aldılar. Bazı Safevi ileri gelenleri şahın oğlu Tahmasb'ı Kazvin'e kaçırdılar. Daha sonra Tebriz'e gelen Tahmasb burada şahlığını ilan etti.

Merkezde yapılan toplantıda güya komşu İran topraklarını Afganlardan koruma kararı çıktı. Osmanlı hükümeti Safevi hanedanının yıkılması ile Kasrışirin Antlaşması'nın hükümlerinin kendiliğinden kalktığı kanaatinde idi. Sınır valilerinden İran'a savaş açılması yolunda mektuplar da gelmekteydi. Bu fırsattan yararlanmak isteyen Osmanlı hükümeti Kafkas, Azerbaycan ve Irak cephelerinde hücumlar

başlattı. Bu hususta şeyhülislamdan da fetva alınmıştı. Osmanlı hükümetinin hedefi Afganlardan önce Batı İran'ı işgal etmektir. Nitekim bu hücumlar sırasında Kirmanşah, Hoy gibi İran şehirleri zapt edildi.

İran'daki bu gelişmeler Şirvan Sünnilerini de harekete geçirmişti. Onlar da Şemahı, Şabran, Ereş gibi şehirleri ele geçirdiler. Bu arada Osmanlı Devleti'nden yardım istediler. Zira uzun süredir camilerini ahıra çeviren, kitaplarını yakan ve âlimlerini katl eden Safevilerden şikâyetçi idiler. Osmanlı hükümeti Davud Han'ı Şirvan hanı yaptı ve durumu Moskova'ya bildirdi.

İran'daki gelişmeler Ruslar'ı da harekete geçirmekte gecikmedi. Onlar da bu fırsattan yararlanmak istiyorlardı. Büyük Petro Hazar Denizi sahillerine ilerleyerek Bakü'yü ele geçirdi. Bu gelişmeler yaşanırken 24 Haziran 1724 tarihinde Osmanlı Devleti ile Rusya arasında bir anlaşma yapıldı. Zira Şah Hüseyin'in oğlu Tahmasb'ı himayesine alan Rus çarı ondan Gilan, Mazenderan ve Esterabad şehirlerini teslim almıştı. Bu gelişme üzerine Osmanlı Devleti ile Rusya arasında bir mukasemename yani paylaşım protokolü yapıldı. Buna göre Rusya Osmanlıların, Osmanlı Devleti de Rusya'nın İran'dan aldığı yerlere karışmayacaktı.

Sunulan bildiride Osmanlı-Rus anlaşması öncesi gelişmeler ile paylaşım protokolü ve sonrasındaki hadiseler üzerinde durulacaktır.

F. Öztürk

Atabetü'l-Hakayık ve Kutadgu Bilig'in Bilgi ve Dile Bakışı ve Bilgi-Dil İlişkisi

Vecizelerle, öğütlerle süslenmiş mısralara sahip olan, halka ve yöneticilere adalet, ilim öğrenme, doğruluk ve iyiliği öğütleyen birer rehber hükmünde olan Atabetü'l-Hakayık ve Kutadgu Bilig, bilgi ve dil ana ekseninde mukayeseli olarak incelenmiştir. Bu iki eserde bilgi ve dilin birbiriyle olan ilişkisi, içeriği, kullanım özellikleri ve anlamları bakımından incelenmiştir. Geçen yıllar, gelişen dünya ve değişen mekân çerçevesinde düşünülecek olursa insan hayatında bazı sosyal kurumlar ve teknolojik değişimler haricinde farklılaşmanın anlayış

ve duygusal planda olmadığı anlaşılmaktadır. Günümüzden yaklaşık bin sene evvel akıl sahibi insanların herhangi bir konuda endişeleri ve sıkıntıları ne ise günümüzde de aynı tasa ve şikâyetlerin geçerliliğini koruduğunu görmekteyiz.

Atabetül-Hakayık ve Kutadgu Bilig’de dil genellikle kendi başına buyruk hareket edebilen, insandan bağımsız bir canlıymış gibi ele alınmaktadır. Dil hâkim olunması gereken, insanı vezir de rezil de edebilen bir güç olarak görülür. Dil, sözün yaratıcısıdır ve dili ve sözü birbirinden ayrı tutmamak gerekmektedir. İncelenen iki eserde de dil mevzu bahis olduğunda aynı zamanda sözden de bahsedilmiş olur. Bilgiyi dışa saçan ve adeta bir mum görevini üstlenen dildir. Bilgili, bilgisini diliyle dışarıya çıkarmazsa halkı aydınlatamaz.

Atabetül-Hakayık ve Kutadgu Bilig kitaplarında ele aldığımız ikinci konu bilgidir. İnsanı insan yapan en önemli değer bilgi olduğu konusunda iki kitap da aynı çizgidedir. Bilgi huzurun yoludur, insanın ziyetidir, bilgiye sahip olan kişi bulunduğu yere değer katar. İki kitapta da bilgili insan ve bilgisiz insan üzerinden okuyucuya mesaj verilir. Bilgili kişi övgülerin en yücesiyle daima göklere çıkarılırken bilgisiz kişiye sürekli olumsuz sıfatlarla hitap edilir.

Sonuç olarak, araştırmam yukarıda kısaca anlattığım temel eksenler üzerine oturmaktadır. Bilgi-dil, dil-bilgi ve dil-söz bağlantısı iki kitaba göre benzerlikleriyle ve farklılıklarıyla irdelenmiştir.

A.D. Perednya

**Some materials from the archive of academician
V. Alexeev in the collection of the State Museum
of the History of religion**

The Uyghur belongs to the Karluk branch of the Turkic languages. It is primarily spoken by the Uyghur people the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of Western China. The modern literary language began to form in mid 1930’s. Due to the fragmentation of communities and geographical specificity it was a collection of individual dialects, with no single standard.

The studied materials are various newspaper clippings of 1935–1937 issues. Most of the clippings have the date and the issue number marked with a pencil by hand, presumably, personally by V. Alexeev. The marks are mainly in Russian. All fragments contain the Uighur language printed in the modified Arabic script with Chinese text on reverse. The newspaper was most likely to be published in two languages.

Most of the clippings are announcements of the organization of various schools, courses, or openings of libraries, theaters and cinemas in various parts the Xinjiang. There is also a document, which describes the material support schools, teachers and students of that period.

The archive of academician V. Alexeev is of particular interest because it contains materials in the Uighur language, related to the less-studied historical period.

Е.В. Посохова

**Авторская дистанция в романе Орхана Памука
«Белая крепость» с позиций эстетики диалогизма**

E.V.Posokhova

**Author's Distance in Orhan Pamuk's Novel White Castle through
the Prism of Dialogism Aesthetics**

В эстетике диалогизма, у истоков которого стоял М.М. Бахтин, центральное место занимает понятие авторской дистанции. Оно предполагает, что в литературном произведении герой выступает не выразителем авторской позиции, а независимым идеологом.

«Белая крепость» Орхана Памука — роман диалогический, где авторская дистанция входит в замысел его создателя. В данном произведении особая авторская позиция неучастия в конфликте достигается рядом способов.

Первым из них является так называемая ненадежность повествования. Роман представляет собой псевдомемуары, якобы найденную средневековую историческую рукопись, которая принадлежит перу европейца. Эту рукопись переводит на современный турецкий язык другой персонаж, отчасти изменяя ее содержание. По ходу развития сюжета вопрос об авторстве рукописи становится все более непростым: ее с высокой долей вероятности мог написать не европеец, а турок — его двойник. Таким образом Орхан Памук снимает с себя ответственность за «достоверность» описанных событий и прячется за множеством авторских масок.

Сама форма повествования в романе — от первого лица — также служит формированию авторской дистанции. Герой предстает носителем собственной идеологической позиции и полноправным ее выразителем.

Ключевую роль в создании авторской дистанции играют нерешенность идейного конфликта и неоднозначность финала. Орхан Памук не только освобождает героев от своего «идеологического давления», но и оставляет конфликт романа нерешенным, а поставленные в нем вопросы — без ответа. Поиск ответов, как и интерпретация финала остаются за читателем.

И.В. Прушковская

Особенности драматического творчества Тунджера Джюдженоглу: украинская рецепция

I.V. Prushkovskaya

Features of dramatic work of Tuncer Cücenoglu: Ukrainian reception

Ориенталистические студии шаг за шагом расширяют украинский научный и общественный дискурсы благодаря работе многих поколений ученых. На фоне интеллектуальных достижений Украины востоковедческие работы конца XX – начала XXI века

представлены недостаточно обширно. Поэтому объектом детального исследования была выбрана турецкая современная драматургия, интерес к которой растет с каждым годом в формате динамичных процессов, происходящих в широком социально-историческом контексте.

Тунджер Джюдженоглу (1944) — турецкий драматург конца XX – начала XXI вв., творчество которого известно в сорока странах мира. Признанными во всем мире являются такие его пьесы, как «Шапка», «Посетитель», «Вертолет», «Баллада о речке Кизилрмак», «Лавина», «Че Гевара», «Ночной клуб», «Пристанище для женщин». На сегодня Т. Джюдженоглу создал около двадцати пьес в разных жанрах: трагедии, комедии, трагикомедии, мюзиклы, политические драмы и др. В Украине Т. Джюдженоглу известен благодаря переводам А. Кучмы, Д. Пасечник («Лавина», «Матрешка», «Че Гевара», «Безысходность»).

Новая эпоха в турецкой литературе породила систему поведенческих правил, примеров, моделей поведения, приемлемых для мужчин и женщин. Последствиями этого стало принятие гендерной культуры как системы стандартов, нормативного поведения. Примером может послужить пьеса Тунджера Джюдженоглу «Матрешка».

Т. Джюдженоглу пьесе «Безысходность» создает атмосферу, которая господствовала в турецком обществе после сентябрьских событий, касаясь такого болезненного вопроса, как насилие над людьми под влиянием тоталитарного режима власти. Автор прибегает к приему завуалированности, маскируя настоящие события военного заговора в Турции под события 1967 г. в Греции.

Пьеса «Лавина» стала своеобразным политическим гимном борьбы против тоталитарности во многих странах, в которых на сценах театров она была представлена с большим успехом.

Т. Джюдженоглу с симпатией относится к украинцам, выражает желание познакомиться с украинской литературой, драматургией. Надеемся, что вечные, универсальные темы, которые поднимает Т. Джюдженоглу, станут частичкой и украинского достоинства. Учитывая позитивное восприятие его пьес во многих странах мира, украинский читатель и зритель обязательно найдет и для себя то, что берedit душу и дает надежду на лучшее.

**О рациональном и мистическом началах в поэме
«Кутадгу Билиг» (XI века): спор правителя Кюнтогды
и Отшельника Одгурмыша**

A. I. Pylev

**On rational and mystical concepts in the poem “Kutadgu bilig”
(11th century): the dispute between king Küntoğdy and hermit
Odğurmyş**

В поэме «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание») тюркского поэта эпохи Караханидов Йусуфа Баласагуни (XI в.) одно из центральных мест (главы 70–71) занимает встреча и беседа двух основных героев произведения — элика (правителя) Кюнтогды и суфийского подвижника, отшельника Одгурмыша. Жизненные позиции героев, их взгляды на общество и месте человека в нём, на взаимоотношение людей приобретают общефилософское звучание. По сути, их переписка, а затем и личная беседа — это спор о назначении человека, о смысле его существования.

Правитель Кюнтогды является воплощением качества «справедливости» (ар. 'адл), он утверждает, что обрести счастье в земном и загробном мире возможно только через активное служение близким людям и всему обществу, исполнение своего долга перед государством. Отшельник Одгурмыш, воплощающий собой качества «непритязательности», «отрешённости» от всего мирского (ар. кана'ат), напротив, отвергает служение земным правителям, участие в общественной жизни, брак и семью, проповедует суровый аскетизм и подвижническое служение Богу. Именно такое служение, по его мысли, приведет к познанию Истины и обретению внутреннего спокойствия, счастья.

Автор поэмы не даёт предпочтение ни одному из указанных путей достижения совершенства, Божественной милости и человеческого счастья. Однако в целом, по производимому ими художественному впечатлению, читателю кажутся более убедительными аргументы в споре с отшельником и наставления элика Кюнтогды.

Отношение же автора, стремившегося своей поэмой способствовать укреплению нормативного ислама как идеологической основы государства, к проповедям и личности отшельника Одгурмышша весьма неоднозначное, но в целом — уважительное.

Проповеди Одгурмышша, их содержание и образность, а также полемика с ним правителя Кюнтогды превосхищают мистические мотивы в более поздних, классических произведениях тюркской литературы Средней и Малой Азии; в частности, в стихах Ходжи Ахмада Йасави (ум. 1166), тюркско-сельджукских стихах Мухаммада Бахааддина Султана Веледа (1226–1312), сына Джалаладдина Руми (ум. 1273), Алишера Навои (1441–1501) и Бабарахима Машраба (1640–1711), особенно стихотворную полемику двух последних поэтов с «лицемерными шейхами».

S.-C. Raschmann

The Old Uyghur material in the Arat estate, Istanbul

Within the framework of the project 'Union catalogue of Oriental manuscripts' I was able to complete the catalogue volume of the Old Uyghur materials preserved in the Arat estate, Istanbul only in summer this year.

356 single fragments are described in the 336 entries of this catalogue volume. The originals of 205 described documents or fragments of them are not preserved any more in the Berlin Turfan collection because they were lost or destroyed during World War II.

Photographs and/or transcripts of these documents are preserved in the Arat estate in Istanbul. Today Osman Fikri Sertkaya is in charge of this material and he fortunately offered the chance for a cooperative project of cataloguing this estate to me.

In my paper I will give an overview of this material and present some interesting details. The Old Uyghur documents in question are in a fairly good state of preservation and they have a broad variety in their content. Some of them are quite unique. They provide an insight into up-to-now unknown details of the economic conditions, the legal

relationships and the daily life of the Old Uyghurs during the West Uyghur Kingdom and under Mongol rule.

Furthermore, some of the documents provide us with new details concerning life within the Manichaean, Christian and Buddhist communities.

Studying this material we will be able to improve our knowledge concerning the structure of the Old Uyghur society.

В.И. Рассадин

**О категории сказуемости как признака предиката
простого предложения тофаларского языка**

V.I. Rassadin

**On the category of predication as a sign of the predicate
of simple sentence in Tofalar language**

Хотя фонетика, лексика и морфология современного тофаларского языка достаточно подробно изучены и имеется соответствующая научная литература, его синтаксический строй остается вне внимания исследователей. Не спасает положения и пара статей, опубликованных автором в последнее время по теме синтаксиса. Здесь, восполняя наметившийся пробел, хотелось бы рассмотреть, хотя бы в общем плане и в первом приближении, предикат как один из главных членов простого предложения тофаларского языка. Предикат охватывает сразу несколько переплетающихся языковых категорий тофаларского языка: категорию сказуемости, категорию времени, категорию наклонения и категорию модальности. Разберем их подробнее.

В тофаларском языке категория сказуемости четко выражена и оформлена специальными показателями, внешне совпадающими с личными местоимениями. По функции это уже не личные местоимения, а служебные лично-предикативные частицы, так называемые показатели сказуемого. Присоединяясь в постпозиции к именным частям речи, местоимениям, а также к причастиям и наречиям

места эти частицы придают им статус сказуемого и одновременно коррелируют с подлежащим. Так, например, на вопрос «Кумыл ында?» («Кто там?») следует ответ «Бо мен мен!» («Это я!»). Слово «аңшы» («охотник») просто имя существительное, но во фразе Сен эки аңшы сен «Ты хороший охотник» это уже сказуемое. Это же происходит и с прилагательными, например, Мен иъһи эки боолуг мен «У меня два хороших ружья» (здесь боолуг прилагательное), с наречиями места, например, Бис мында бис «Мы здесь», с падежными формами в обстоятельственной функции, например, Бис өгдә бис «Мы дома». Категория сказуемости тесно связана и с категорией времени, проявляющейся в категории изъявительного наклонения. Так, все формы настоящего, прошедшего и будущего времени, за исключением формы категорического прошедшего времени на -ды, представляют собой соответствующие причастия, снабженные лично-предикативными частицами, но лишь для первого и второго лиц единственного и множественного чисел, третье лицо остается без оформления. Сравни, например, различные формы изъявительного наклонения различных времен: Мен алдыры мен «Я беру», Сен барып туру сен «Ты уходишь», Бис ол тайгада аңнавышаанга бис «Мы все еще охотимся в той тайге», Сен қайда олыры сен? «Где ты сидишь?», Сілер мону алған сілер «Вы это брали», Мен мону алчық мен «Я это взял», Бис мону алыр бис «Мы это возьмем», Сен биске келбес сен «Ты к нам не придешь». Особо следует сказать о лично-предикативной частице для третьего лица, которая по происхождению внешне совпадает с местоимением ол «тот, та, то», но в реальном произношении сливается с тем словом, к которому относится. В тофаларском языке эта частица имеет ограниченное употребление, сочетаясь лишь с вопросительными местоимениями и некоторыми иными. Сравни, например, Қаъшыл һире? (< қаъш ол) «Сколько времени?», Бо чүме кандыгыл? (< кандыг ол) «Какова эта вещь?», Чүл бо? (< чү ол) «Что это?», Бо чүме ындыгыл (< ындыг ол) «Эта вещь такова».

Таким образом, приведенный выше краткий обзор категории сказуемости тофаларского языка показывает ее тесную генетическую связь с личными местоимениями. Показатели сказуемости в тофаларском языке пока еще внешне совпадают с таковыми личными местоимениями.

М.М. Репенкова

**Псевдоисторический роман Искендера Пала
«Шах и султан» (2010)**

М.М. Репенкова

Iskender Pala's pseudo-historic novel "Shah & Sultan", 2010

Псевдоисторический роман более полувека остается одним из самых популярных жанров турецкой массовой литературы. В 1990–2000-е гг. этот жанр представлен в творчестве Искендера Пала. В романе И.Пала «Шах и Султан» (Şah & Sultan, 2010) в качестве исторического фона избираются события конца XV–XVII вв. – периода борьбы османского султана Селима I и иранского шаха Исмаила за территории Восточной Анатолии и Азербайджана. Пространственно-временная организация произведения выстраивается из рассказов главных героев — братьев-близнецов Ака Хасана и Джан Хусейна, а также юноши-евнуха Камбер-джана. Перемещения в пространстве персонажей-рассказчиков формируют образ пути, проходящего сквозной линией через их судьбы. На этом пути подчеркивается власть случайностей и тайн.

В рассказах действующих лиц представлена их собственная интерпретация исторических событий, часто не связанная с реальными фактами прошлого. Историческое время остаётся условным. Временная определенность связывается с событиями частной жизни героев и актуализируется лексическими сигналами изображаемой эпохи (исторические должности, одежда, оружие).

Речь персонажей слабо индивидуализирована. Ее лишь условно можно отнести к речи людей XV–XVI вв., это речь современных людей. Образы героев — реальных исторических лиц и вымышленных — однобоки и схематичны. Рамки жесткой оппозиции «положительные – отрицательные» персонажи строго сохраняются. Для обеих групп характерны устойчивые доминантные признаки, которые часто гиперболизируются.

К положительным героям относятся султан Селим и его окружение. Им присущи ум, смелость, сила воли, преданность, внешняя и

внутренняя красота. Если они влюбляются, то обязательно с первого взгляда. Если любят, то до самой смерти. Если сражаются на поле боя, то до последней капли крови. Штампованные формулы сопровождают и отрицательных персонажей — шаха Исмаила и его воинство. Их характеризуют коварство, жестокость, трусость, слабость воли и корыстолюбие.

И.И. Сабитова

О некоторых микропонимах-сомонимах татарского языка

I.I. Sabitova

Microtoponyms-somonyms in the Tatar language

Названия частей тела считается древнейшим пластом лексики. Такая лексика называется соматической, является одной из интересных лексико-семантических групп татарского языка. Для соматизмов характерна сложная система переносных значений и повышенная продуктивность в сфере словообразования. Этому процессу чаще всего подвергаются соматизмы, представляющие собой названия наружных частей человеческого тела, т.е. сомонимы. Сомонимия является самым крупным разделом соматической лексики.

В обозначении особенностей рельефа и других географических объектов, микропонимы с сомоническими компонентами в татарском языке встречаются довольно часто.

Сомоним *авыз* 'рот' в татарском языке образует такие микропонимы, как *урман авызы*, *эрамлек авызы*, *янартау авызы*, *елга авызы*, *кое авызы* и т.д. и употребляется в значении опушки (леса), жерла (вулкана, большой воронки, ямы), устья (печи, скважины, оврага, ложбины). Термин баш 'голова' употребляется для обозначения горных вершин, выдающихся скал, утесов, истоков, часто источников, дающих начало ручьям, рекам: тау башы, елга башы и т.п. Название бит 'лицо' в топонимии применяется в значении склона горы, холма, скалы, опушки леса и образует такие микропо-

нимы, как *тау бите*, *урман бите*, *калкулык бите*. Соматический термин *маңгай* ‘лоб’ в топонимии обозначает открытый склон горы: *тау маңгае*. Лексема *каш* ‘бровь’ употребляется в значении бровки, холма, возвышенности, берега, опушки леса и образует микро-топонимы типа: *тау кашы*, *яр кашы*. Сомоним *борын* ‘нос, клюв’ в топонимии — мыс, горный выступ, отрог горы, вершина горы, предгорья: *тау борыны*. Названия *арка* ‘спина’, *сырт* ‘спинной хребет’ в географической терминологии имеют много значений: удлинённая возвышенность неширокого хребта, водораздел, горный хребет, холм, задний склон горы, теневой склон горы. В татарском языке часто встречаются микро-топонимы-сомонимы *тау сырты*, *калкулык сырты*.

В образовании микро-топонимов в татарском языке сомонимическая лексика играет важную роль. По частоте употребления ведущее место занимают топотермины со значением *баши*, *куз*, *борын*, *авыз*, *арка*, *кабырга*, *маңгай*, *каш*, *арка* др.

А. Саргсян

Новый модус портрета возлюбленной в диване Баки (по материалам рукописи)

A. Sargsyan

The new modus of the portrait of beloved in the Divan of Baqi

Данный доклад посвящается исследованию дивана одного из известнейших авторов османской поэзии XVI века Баки (1525/26–1600), в частности анализу его нового модуса портрета возлюбленной. В докладе впервые представляется рукопись №321 из араб-графической коллекции Института древних рукописей — Матенадарана. Представлены также переводы с османского оригинала на русский язык соответствующие бейты из дивана Баки.

Нужно отметить, что только ему удалось, не ломая традиционного содержания стихов, еще более усовершенствовать их форму. Баки часто использует гиперболу для передачи образа ее внешней

красоты. Он описывает отношения влюбленного и возлюбленной, сравнивая их с султаном и слугой, с больным и врачом и т.д. Недостигаемая возлюбленная иногда уступает свое место земной женщине: любовные мотивы выражают то абстрагированно-божественный, то конкретный смысл. Баки также пытается сломать стереотипы: недостижимая возлюбленная перевоплощается в вольнодумную женщину.

О.В. Сарыгёз

Понятийно-терминологический аппарат турецкой фразеологии: история становления, проблемы

O.V. Sarigöz

The conceptual-terminological apparatus of the Turkish phraseology: history of development, challenges

Отечественная фразеологическая наука, возникнув в сороковых годах XX века, представлена именами таких великих ученых и исследователей как В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, Б.А. Ларина, А.М. Бабкина, В.Н. Телия, Н.М. Шанский, С.И. Ожегов, М.М. Копыленко, В.П. Жуков, А.В. Кунин, Е.А. Иванниковой, В.Н. Гришановой.

Вопросам фразеологии турецкого языка посвящены труды отечественных лингвистов: А.Н. Кононов, Э.В. Севортыян, Л.Н. Долганов, Э.В. Мамулия, Д.М. Марданова Г.М. Сафина, Н.Д. Пименова. Но следует отметить, что на современном этапе как на постсоветском пространстве, так и в Турции интерес исследователей ограничивается работами по пословицам, соматической, зоонимической и глагольной фразеологии, кораническим устойчивым выражениям.

Исследователи Турции, несмотря на то, что работы по фразеологии первых из них датируются XVII веком, не смогли за долгие годы заложить основы турецкой фразеологии. Мы наблюдаем неразработанность теоретической основы лексикографии — лексикологии, которая в турецком языкознании нацелена в основном на решение социолингвистических проблем.

Первым языковедом, применившим научный подход в конце 70г. прошлого века, к классификации пословиц и фразеологизмов и очертившим их смысловые особенности, стал О.А. Аксой. В турецкой лингвистике сам термин «фразеология» имеет два названия: собственно «frazoloji» и его калькированный перевод «sözcük bilimi»; слова, именуемые в отечественном языкознании фразеологизмами, обозначаются термином *deyimler* (выражения, идиомы), который, используется не только для идиом (т.е. оборотов речи), но и для поговорок и даже отдельных образных слов: существительных, прилагательных, а также глаголов.

Турецкие лингвисты, не имея материала наблюдений над конкретными примерами других фразеологических образований и их функционированием, не выделяют такие явления как поговорки, штампы, крылатые слова, цитации, разговорные формулы, клише. Лишь для последних существует собственно турецкий термин.

Актуальность исследования на названную тему определяется необходимостью получения знаний о принципах квалификации турецких фразеологизмов, которые (принципы) в настоящее время не отличаются единством и логичностью вследствие не только различного понимания сущности фразеологизма, но и несформированности фразеологии как раздела, в котором отсутствует не только полный понятийно-терминологический аппарат, а, как следствие и внутренняя согласованность в классификации фразеологических единиц, что препятствует исследованию их глубинных свойств.

Д. Сарышахин

К вопросу о теоретическом значении звукоизобразительной лексики

D. Sarışahin

On the question of the theoretical value onomatopoeia vocabulary

Одним из проблемных вопросов лингвистики справедливо считается вопрос о наличии/отсутствии связи между звуковой фор-

мой и значением лексических единиц и этот вопрос (в числе других проблем) в течение последних десятилетий разрабатывается сравнительно молодой отраслью языкознания — фоносемантикой, объектом изучения которой являются звукоподражательные и звуко-символические средства языка, объединяемые общим понятием «эвукоизобразительные средства», или «ономатопись».

Объектом исследования фоносемантики выступают все звукоизобразительные лексемы, т.е. как звукоподражательные, так и звуко-символические. Последние (например: *bel bel bakmak* «бессмысленно, неподвижно смотреть»; *par par parlamak* («ярко сиять»); *yalar şalar yapmak* («делать что-либо в спешке, невнимательно»); *vidi vidi etmek* («говорить нелепые, неуместные вещи»); *tiril tiril* («развевающийся, колышющийся» (о ткани)) не имеют отношения к звукоподражанию.

По мнению С.В. Воронина, для классификации звукоизобразительных лексем могут быть применены два подхода — по принципу их соотносимости с денотатом и с человеческими эмоциями.

Важно отметить, что при использовании ономатопов в речи именно свойства их экспонентов, т.е. знаков в речи, а не представляемые ими значения, несут основную коммуникативную нагрузку.

Особый интерес представляют турецкие знаменательные лексемы, ведущие своё происхождение от эвукоизобразительных средств (*cıvıdamak* «чирикать», *fısıdamak* «шептать», *gıcırdamak* «скрипеть», *gürlemek* «шуметь», *gümbürtü* «грохот» и т.п.). Их многообразие может служить доводом в пользу гипотезы о звукоизобразительном происхождении языка.

G. Sazak

Oghuz tribes and the metaphysical background of the tree of life motif

Tree is sacred to Turks. The sacred tree is symbolized through the Tree of Life motif in legends, works of arts (objects) and even in Divan literature. The Tree of Life represents every one of the 24 tribes that

have continued the bloodline of Oghuz Khan, also known as the ancestor of Turks. In our opinion, the branches of the Tree of Life, which constitutes the secrets of the creation of Turks overlap with the concept of water. In the epic of creation, water is first seen in the sea, lake and river, and then it infiltrates into soil. Animating the roots of the Tree of Life, water is embodied and finds voice in the branches of the same tree.

This paper examines tree of life and water, the two most important motifs which symbolize the secrets of the creation of Turks and Oghuz Turks. It is an attempt to understand how these two motifs overlap with each other in the metaphysical background, and it shows how this metaphysical meaning is symbolized with concrete examples related to Oghuz Turks.

И.Я. Селютина

**Специфика консонантных артикуляций
в территориальных говорах диалекта алтай-кижи
как отражение языковых взаимодействий**

I.Y. Selyutina

**The specificity of consonant articulations in the territorial
sub-dialects of the Altai-Kizhi dialect as a reflection
of language interactions**

Инструментальные исследования артикуляционно-акустических баз (ААБ) онгудайского и усть-канского территориальных говоров диалекта алтай-кижи проводились с использованием методов магнитно-резонансного томографирования и дигитального рентгенографирования.

Сопоставительный анализ соматических данных свидетельствует о значительном отличии консонантных настроек в рассматриваемых идиомах. Усть-канские согласные — твердорядные, и в ещё большей степени — мягкорядные, характеризуются значительно

более задней и напряженной резонаторной настройкой по сравнению с онгудайскими.

При артикулировании онгудайских переднеязычных согласных тело языка, поднятого к верхним зубам и альвеолам, отодвигается от задней стенки глотки, вследствие чего за корнем языка образуется объёмный носо-глоточный резонатор, обуславливающий акустический эффект относительной мягкости. Усть-канские же звуки продуцируются при сильной оттянутости нижней трети корня языка к задней границе фаринкса, что приводит к существенному сокращению объема гортанно-глоточного резонаторного отдела по сравнению с онгудайскими соответствиями. Аналогичным образом при настройке усть-канских гуттуральных консонантов корень языка сильно оттягивается к задней стенке носоглотки, сводя к минимуму объем гортанно-глоточного отдела.

Следствием указанной артикуляторной специфики усть-канского говора является ослабление оппозиции фонем по признакам мягкорядности / твёрдорядности, нарушение алгоритмов реализации тюркского палатального сингармонизма, последовательно проявляющегося в онгудайском говоре. Причины таких расхождений следует искать в истории формирования этнических групп и их языков.

Л.А. Шамина

**Модальные значения как результат
грамматикализации конструкций с глаголами
движения в тувинском языке**

L.A. Shamina

**Modal meanings as a result of grammaticalization
of constructions with verbs of movement in Tuvan**

Важным моментом при определении семантики, передаваемой аналитической конструкцией, является фигура говорящего, организующая семантическое пространство высказывания.

В тувинском языке есть такие глагольные формы, которые употребляются только тогда, когда говорящий был непосредственным наблюдателем или участником действия (в качестве субъекта возможны все 3 лица обоих чисел). Такими формами являются форма определенного прошедшего на =ды, настоящего времени =а-дыр и форма на =п-тыр. Все эти формы маркируют эвиденциальную семантику.

К формам, выражающим действия, которые говорящий сам не наблюдал (неочевидные действия) – относится форма на =ган, которая может употребляться как в сочетании с формой на =п-тыр, так и без нее.

В докладе будет рассмотрена семантика, выражаемая аналитической конструкцией (АК) Тv=прч. V чор=ду. В роли первого (знаменательного) компонента этой АК выступают причастия настоящего-будущего времени на =ар и прошедшего времени на =ган. Второй компонент АК – глагол движения чор='идти' в форме на =ды.

Грамматикализованная АК (Тv=прч. чорду) используется в тувинском языке для выражения регулярно повторяющейся на протяжении некоторого периода времени ситуации

(2) *Чагааларны барык хуннуң чыгыгы бижиир чордум.*

'Я писал письма почти каждый день'.

Форма на =ды приобрела статус маркера прямой засвидетельствованности, а форма прошедшего неопределенного на =ган представляет немаркированное прошедшее, одним из значений которого является косвенная засвидетельствованность. АК Тv=прч. чорду также может выражать неожиданное действие, или действие, совершаемое помимо собственной воли говорящего.

В результате грамматикализации для передачи определенного смысла возникло новое средство. Это средство, как правило, является более выразительным и экспрессивным, нежели прежняя форма. Грамматикализованные АК позволяют языковой единице быть использованной для описания более широкого круга явлений, чем тот, который соответствует ее основному значению.

А.Т. Сибгатуллина

**Особенности развития татарской поэзии в контексте
арабо-мусульманской системы белягат**

А.Т. Sibgatullina

**Features of development of Tatar poetry
in the context of Arab-Muslim system of belyagat**

Татарская литература веками развивалась в орбите мусульманской культуры Востока: исламские этические ценности и арабо-персидская поэтологическая традиция стали основополагающими факторами при определении ее идейно-содержательной и эстетической составляющих. Хронологические рамки анализа творчества татарских поэтов и писателей в контексте восточного мировоззрения традиционно распространяются на период Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и время от завоевания в 1552 г. Казани Иваном Грозным вплоть до революции 1917 г. Татарская письменная литература, более десяти веков впитывавшая в себя дух арабо-мусульманской цивилизации, с одной стороны, находилась в географическом отдалении от арабских стран и Ирана, с другой стороны, следуя арабской и персидской литературным традициям, она сохранила и собственную самобытность. Возможно, что именно сочетание традиций восточной классики и стремлений местных авторов к уникальным приемам самовыражения придает татарской литературе особый колорит и оригинальность.

Обращаясь к вопросу определения особенностей влияния арабо-мусульманской классики на тюрко-татарскую литературу, хотим обозначить одну ранее неизученную тему, а именно проблему перенесения восточной системы белягат (риторики и красноречия) на художественное пространство татарской поэзии. Тюрки познакомились с традицией белягат после принятия ислама: когда арабский язык стал для них языком науки, освоение правил красноречия происходило через труды Секкаки, Казвини, Рашидеддина Ватвата и др. Ученые считают, что еще великий филолог Махмуд Кашгари (XI в.) во введении к «Словарю тюркских наречий» («Диван-и люгат ат-тюрк») демонстрировал блестящее знание белягата.

Татарские авторы, хотя сами и не принимали активного участия в процессе развития белягата как науки, без сомнения, были знакомы с его теоретическими постулатами. В татарской поэзии XVI–XIX вв., в отличие, скажем, от османской диванной поэзии, не копируются пышность и витееватость стиля, чопорность и искусность языка; ее можно охарактеризовать как более спокойную и скромную. Тем не менее на примере письменной религиозно-дидактической и любовной поэзии XVIII–XIX вв. несложно обнаружить наличие почти всех элементов системы белягат в татарской литературе. Можно предположить, что именно в этот период проявляет себя тенденция к формализации содержательных элементов в фольклорно-поэтической системе, к их застыванию и превращению в штампы, которых мастерски использовал поэт Габдельджаббар Кандалий (1797–1860).

Tatar literature had been developing in the orbit of Eastern Muslim culture for centuries: Islamic ethical values and Arab-Persian poetry tradition became fundamental factors that determined its ideological content and aesthetic components. The framework of analysis includes works written in Volga Bulgaria, the Golden Horde and the Kazan Khanate; the poetry created in the period from the conquest of Kazan in 1552 by Ivan the Terrible up to the revolution in 1917 makes up another important part of the data. Tatar written literature had been absorbing the spirit of the Arab-Muslim civilization for more than ten centuries. Despite being geographically remote from the Arab countries and Iran, it succeeded in following Arabic and Persian literary tradition and managed to preserve its peculiarity. We argue that it is a combination of classical oriental traditions and aspirations of local authors to develop unique methods of self-expression that makes Tatar literature original and distinctive.

To determine the characteristics of Arab-Muslim influence on classical Turkic-Tatar literature we delve into a previously unexplored topic, namely the process of transfer of the eastern belyagat system (rhetoric and oratory) into the domain of Tatar poetry. The Turks encountered the tradition of belyagat after their conversion to Islam: through works of Sekkaki, Qazvini, Rashideddin Vatvat and others Arabic became for the Turks the language of science and the rules of rhetoric. Scholars consider the introduction to the “Dictionary of Turkic Dialects” (“Divan-

Lyugati al-Turk”) by great philologist Mahmud Kashgar (11th c.) an excellent example of belyagat in Turkic literature.

Although Tatar authors did not actively participate in the development of belyagat as a science, they were undoubtedly familiar with its theoretical postulates. In contrast to, say, Ottoman Divan poetry authors, Tatar writers of the 16–19th centuries were not keen to show eloquence and mastery of language. Their style can be characterized as more modest and tranquil. However, the religious didactic and love poetry of the 18–19th centuries show abundance of belyagat system elements in Tatar literature. We can assume that during that period the tendency towards formalization of content elements in the folk-poetic system and their transformation into clichés became apparent, which was skilfully used by poet Gabdeldzhabbar Kandal (1797–1860).

Л.В. Софронова

**Историческая тема в современной турецкой прозе:
традиция и новаторство**

L.V. Sofronova

History in Turkish modern prose: tradition and innovation

Интерес к истории всегда был свойственен турецкой литературе и претерпевал периодические обострения, когда возникала потребность в осмыслении происходящего путем проведения аналогий с прошлым. В начале двадцать первого века мы наблюдаем новый всплеск литературных интерпретаций исторического прошлого. Наряду со ставшими традиционными темами из османской истории, трактуемой как история султанов, для современного этапа характерно обращение к эпохе зарождения суфизма, к биографиям таких личностей, как: Джалаледдин Руми, Шемс-и Тебризи, Юнус Эмре. Биография, будучи популярной в наши дни, занимает доминирующее положение и в историческом повествовании. Преобладание реальных исторических лиц в художественной системе образов характерно не только для историко-биографических романов, но и для других жанровых форм, широкий спектр которых представляет

историческую романистику XXI века. Это и историко-авантюрный (Искендер Пала «Шах и Султан»), и историко-бытовой (Реха Чамуроглу «Последний янычар»), и историко-биографический (Айше Кулин «Прощание», Искендер Пала «Месть»), и историко-документальный романы («Эти безумные турки» Тургутта Озакмана).

В то же время при актуальности такого композиционного приема как «роман в романе» история помимо исторического романа часто присутствует и в произведениях о современности. Весьма примечательно многообразие способов и приемов включения исторической темы в канву романа о современности: «роман в романе» (Элиф Шафак «Любовь»), введение исторической сюжетной линии в видениях и снах героя (Элиф Шафак «Отец и ублюдок», Ахмед Умит «Тайные врата»), в воспоминаниях героя и дневниковых записях (Инджи Арал «Когда ты пела свою песню», Зюлфю Ливанели «Серенада»), как сюжетообразующий компонент псевдоконспирологического или детективного романа (Ахмед Умит «Воспоминания о Стамбуле», «Убить султана») и др.

Одной из отличительных черт современного этапа развития исторической романистики является ее психологическая составляющая, пристальное внимание к внутреннему миру исторического персонажа.

Наблюдаемое многообразие жанровых форм, композиционных приемов, сюжетных линий очевидным образом обусловлено влиянием на литературную интерпретацию истории мобильности и вариативности современного мира, его высокой способности к мимикрии, порождающей потребность в исторических примерах достойного противостояния вызовам.

А.С. Сулейманова

Ферзан Озпетек: нарративизация визуального

A.S. Suleimanova

Ferzan Özpetek: in search for a new way of telling a stor

Творческая деятельность (искусство, гуманитарные науки) человека в XXI в. развивается, все еще находясь в условиях домини-

рования «лингвистического» представления о мире как о бесконечном, безграничном Тексте. Творческий акт рассматривается через нарративизацию, т. е. способность человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связанного повествования, выстроенного по законам организации художественного текста. «Интертекстуальность», «метатекстуальность», «гипертекст», «авторская маска» — эти явления помогают современному автору создать (авто)биографию, которая, в свою очередь, помогает ему стать частью «живого», но, самом деле, симулятивного Текста в традициях «новой искренности».

По этому пути пошел и Ферзан Озпетек (Ferzan Özpetek, род. 1959, Стамбул), итальянский режиссер турецкого происхождения. Дебютный фильм «Турецкая баня» (Hamam, 1997) об итальянце, чье знакомство со Стамбулом радикально изменяет его жизнь, вошёл в программу Каннского кинофестиваля, где был встречен с большим интересом. Этот и последующие фильмы Озпетека, а их всего десять, сделали ему имя в Европе, «Турецкая баня» и «Окно напротив» (Karşı Pencere, 2003) отмечены международными кинонаградами. На итальянском языке опубликованы три книги об Озпетеке. Есть официальный сайт, который не обновлялся с выхода его фильма «Идеальный день» (Un giorno perfetto, 2008), впрочем, Озпетек — активный пользователь социальных сетей. И в своих работах, и в интервью режиссер заявляет, что он бисексуал. В целом, этими сведениями ограничивается информация о жизни и творчестве Ферзана Озпетека. Однако в 2014 г., одновременно на итальянском и на турецком языках, появляется его литературный дебют «Стамбульский красный» (İstanbul Kırmızısı, 2014). Одна из двух историй, переплетающихся в романе, рассказывается, якобы, самим режиссёром будто бы о самом себе. Именно эта линия наиболее автобиографична (детские воспоминания, семья), но и именно она является «объяснительным ключом» кинематографического творчества Озпетека. Здесь и полное совпадение зачина романа и фильма «Турецкая баня» (приезд главного героя в Стамбул по делам наследования недвижимости), и автобиографические мотивы вроде эпизода с тётушкой из фильма «Холостые выстрелы» (Mine vaganti, 2010). Вторая линия – героини Анны, скорее всего, призвана раскрыть тему Запад – Восток, через традиционное противо-

стояние рациональности и чувственности. Так же, как и в первом своем фильме, Озпетек с позиции «восточного» человека показывает, что Запад просто «забыл», что такое чувственность, турецкая баня помогает герою фильма Франческо и Анне вспомнить/найти в себе страсть, любовь. Стремление Озпетека рассказать о себе кино- и литературным языком укладывается в мейнстрим современной культуры и было напророчено им самим в другом своем турецком фильме «Последний гарем» (Harem suare: 1999).

Şenol Ali Osman

Türk Edebiyat Eleştirisinde “Anna Karenina” ve “Savaş Ve Barış”

Critiques of “Anna Karenina” and “The War and Peace” in Turkish literature

Lev Nikolaeviç Tolstoy, Rus edebiyatı'nın dünyaca tanınmış en önemli yazarlarından biridir. Tolstoy hakkında Türkiye'de ilk defa 1891 yılında “Tercüman-i Hakikat” gazetesinde “Rus edebiyatı ve Avrupa, edebiyatçı Tolstoy'un düşünceleri” adlı makalenin yayınlanmasıyla bilindi. Bu makalenin yazarı Türkiye'de Madam Gülnar takma adıyla Olga Sergejevna Lebedeva idi.

Bu çalışmamda Türk eleştirisinde Lev Nikolaeviç'in en önemli romanlarından olan Anna Karenina ile Savaş ve Barış romanları hakkında yazılan en önemli dört makaleyle ilgili bilgilendirmeler yapıldı. Lev Nikolayeviç Tostoy'un Anna Karenina ile Savaş ve Barış romanlarıyla ilgili yazan en önemli araştırmacılar Ömer Aydın Süer ve Ataol Behramoğlu'dur.

Ömer Aydın Süer romanları çok geniş olarak incelemiş ve kendi görüş ve düşüncelerine sıkça başvurmuştur. Ünlü edebiyatçı Ataol Behramoğlu da romanları genişçe incelemiş ve romanlardaki konu çeşitlilikleriyle ilgili tesbitlerde bulunmuştur.

**Изучение словообразовательных гнезд
в туркменском языке**

М.А. Taganova

Learning derivational word family in Turkmen language

Одними из актуальных вопросов в туркменском языкознании были и остаются вопросы словообразования. Как и во всей тюркологии, так и в туркменской лингвистике словообразование рассматривалось в составе морфологии. Только в 90-е годы начали появляться работы, в которых словообразование выделяется как отдельный раздел языкознания. Важным в этой сфере является изучение словообразовательных гнезд.

Следует отметить, что в туркменском языке изучение словообразовательных гнезд – явление новое. В этой связи в работах, посвященных данной тематике, в первую очередь, определена система терминов.

Сам термин «словообразовательное гнездо» в туркменском языке можно передать как «söz ýasalýş öýjügi», где «söz ýasalýş» — словообразование, а «öýjük» — «гнездо». Вот некоторые другие термины: словообразовательная пара — söz ýasalýş jübüdi, словообразовательная цепочка — söz ýasalýş zynjuru, звено — halka, структура словообразовательного гнезда — söz ýasalýş öýjüginin gurluşy, цепи слов — söz zynjurlary, разветвленные словообразовательные гнезда — şahalanan söz ýasaýjy öýjükler, сложные словообразовательные гнезда — çylşyrymly söz ýasaýjy öýjükler, простые словообразовательные гнезда — sada söz ýasalýş öýjükleri, словообразовательные гнезда сложной структуры — çylşyrymly gurluşly söz ýasalýş öýjükleri, уровень производности — ýasaýjylyk derejesi, структурные разновидности словообразовательных гнезд — söz ýasalýş öýjükleriniň gurluş görnüşleri, ядро словообразовательного гнезда — söz ýasalýş öýjüginin merkezi и т.д.

В докладе будут проанализированы словообразовательные гнезда туркменского языка на *et* и *at*.

Ruslara Türkçe Dil Bilgisi Öğretiminde Metin Seçimi

Gelişen teknoloji ile dünyanın bir köy haline gelmesi, sınırların önemini yitirmesi, ticari ve kültürel gelişmeler yeni bir dil öğrenmeyi gerekli kılmaktadır. Bu bağlamda yabancılara Türkçe öğretimi öne çıkan bir alan olmaktadır. Türkiye'nin ticari ve kültürel ilişkilerini geliştirmesi, ekonomik gelişmeler, eğitim ve turizm alanındaki faaliyetler Türkçeye olan ilgiyi artırmaktadır.

Yabancı dil olarak Türkçe öğretimi Kaşgarlı Mahmut'un 1072–1074 yılları arasında yazdığı *Divanü Lugati't-Türk* adlı başyapıttan başlayarak günümüze kadar uzan büyük bir serüveni kapsamaktadır. Günümüzde yabancılara Türkçe öğretimi devlet kurumları ve özel kurumlar olmak üzere birçok alanda devam etmektedir. Üniversitelerde, okullarda ve özel kurslarda Türkçe öğretimi her geçen gün katlanan öğrenen sayısı ile devam etmektedir. Bu durum Türkçe adına sevindiricidir.

Yurt içinde ve yurt dışında Türkçeye olan bu ilgi, kullanılan ders kitaplarının içeriğini ve kalitesini sorgulamaya yöneltmiştir. Yabancılara Türkçe öğretimi, ana dil öğretiminde kullanılan kitaplarla yapılamaz. Ana dile sahip bir öğrenci okula gelene kadar birtakım bilgi ve becerilerle donanmıştır. Türkçe öğrencinin bilinçaltına işlemiştir. Buna karşılık Türkçeyi yabancı dil olarak öğrenen kişinin bilinçaltında Türkçeyle ilgili hiçbir şey bulunmamaktadır. Bundan dolayıdır ki yabancı dil olarak Türkçe öğretim kitapları ve diğer malzemeler bu bilgiler ışığında hazırlanmalıdır. Bunun yanında Türkçe hangi ülkede ve kimlere öğretiliyorsa oranın ve o kitlenin hassasiyetleri göz önünde bulundurularak ders kitapları hazırlanmalıdır.

Çalışmanın konusunu Ruslara Türkçe dil bilgisi öğretiminde metin seçimi oluşturmaktadır. Slav dillerinden olan Rusça ile Türkçe arasında cümle yapısı ve söz dizimi olarak büyük farklılıklar vardır. Sözgelimi '*Ali okula gitti*' (özne+ tümleç+ yüklem) cümlesini Rusçaya çevirirsek '*Али пошел в школу*' (özne + yüklem + yönelme eki + tümleç + belirtme eki) şeklinde olmaktadır. Türkçede yüklem cümle sonundayken, Rusçada yüklem cümle ortasındadır. Aynı şekilde yönelme hali Türkçede '-a,-e' şeklinde isme gelirken Rusçada 'в' şeklinde isimden önce

gelmektedir. Bu kısa örnek Türkçe ve Rusça arasındaki gramer farklılıklarını göstermek içindi. Burada söylenmek istenen Ruslara Türkçe öğretimi zor bir alandır. Bundan dolayıdır ki Ruslara Türkçe dil bilgisi öğretiminde kolaylaştırıcı birtakım yeniliklere ihtiyaç vardır.

Ruslara Türkçe dil bilgisi öğretiminde metin seçiminden kasıt öğretilen gramer konusuna uygun ve içerisinde öğretilmemiş herhangi bir gramer konusunun bulunmamasıdır. Dil bilgisi öğretiminde metinler büyük öneme sahiptirler. Metinler dil bilgisi kurallarının kullanım alanlarıdır. Öğrencinin öğrendiği dil bilgisi kuralını metin içinde görmesi kalıcı öğrenmeyi sağlayacaktır. Bu çalışmada yabancılar için hazırlanmış dil bilgisi kitapları incelenerek metinlerin uygunluğuna bakılmıştır. Buna ek olarak örnek metin önerileri sunulmuştur.

M. Тектели

Образцы культуры, сохраняемые у народов восточных славян под названием турецких народов

M. Tekleli

Samples of the culture stored among the peoples of the Eastern Slavs under the name of Turkish people

Проблема изучения культурных связей восточных славян, в том числе и России, с Тюркским миром, открыто дает о себе знать в наши дни в то же время как одна из актуальных проблем в изучении турецкого языка, культуры и истории. Наличие на русском языке принадлежащих турецким народам в большом количестве турецких словарей, относящихся к культурным сферам, наряду с утверждением значимости Турецко-Российских связей, того факта, что они являются необходимым историческим показателем турецких слов, хранящихся народами восточных славян, в то же время показывает настоящую сущность этих связей.

Становится ясно, что самые крепкие и действующие связи между народами — это связи, рождающиеся из языковых, культурных отношений. Основное внимание в отчете будет направлено на факт использования в русском языке под именем слов турецких наро-

дов — татар, турков, казахов, киргизов, ногаев и прочих этнонимов ряда слов турецкого происхождения. Различные этнонимы, используемые со многими турецкими словами в русском художественно-литературном языке, в том числе в пословицах и поговорках, помогли в правильном определении этимологии этих слов. Это качество, наряду с точным определением этимологии турецких слов в русском языке, также помогает изучению того, откуда, как и когда пришло явление, выраженное этими словами и определенное под именем турецких народов.

Обнаруженное нами в ряде наблюдений по языковому материалу русских писателей: турецкая рубаша, турецкий диван, оттоманка, турецкая шаль, турецкая феска, турецкие узоры, турецкие букеты, турецкий барабан, татарский халат, татарский тулуп, татарские башмаки, татарский столик, казакин, казахский жупан, киргизская шапка, сибирка, нагайка и другие образцы продолжают заявлять о сильном влиянии в художественных примерах образа жизни и быта, примеров культуры турецких народов. В отчете также предусмотрен показ картин, связанных с культурными образцами, носящими этнографические особенности турецких народов.

Н.Н. Телицин

Условное деепричастие в древнетюркских языках

N.N. Telitsin

Conditional gerund in Old Turkic

При рассмотрении категории именных форм глагола в отечественной тюркологии принято определять форму *-sar* как «условное деепричастие» (А.Н. Кононов).

Применительно к древнейшим тюркским языкам следует особо отметить, что форма *-sar* трактуется как «деепричастие» лишь на материале памятников древнетюркского рунического письма (VII–IX вв.). Такой же подход к интерпретации формы *-sar* в древних и средневековых тюркских языках можно наблюдать и в настоящее время. Основным признаком отнесения к деепричастиям

или наклонению является отсутствие или наличие «личных» форм, т.е. иными словами, деепричастие традиционно трактуется как «неличная» форма.

С другой стороны, если какое-либо действие воспринимается как условие другого действия, то речь идет об отношении элементов объективной реальности, а само условие представляет собой разновидность обстоятельства. Под «обстоятельством» чаще всего понимают «Второстепенный член предложения со значением характеристики действия, способа действия и *условий*, сопровождающих действие, синтаксически вводимый посредством атрибутивной связи (при имени и при соотнесении с предложением в целом) или комплетивной связи (при глаголе)».

Форма *-sar*, представляя действие как одну из разновидностей обстоятельств — условие, является адвербиальной (обстоятельственной) формой глагола и входит в категорию инфинитивных форм глагола, наряду с другими адвербиальными (деепричастиями), адъективными (причастиями), субстантивными (имена-действия) и субстантивно-адъективными формами.

О.Н. Терентьева

Благопожелания и проклятия в чувашских преданиях о возникновении деревень

O.N. Terentyeva

Wish of welfare and curse in the Chuvash legendry about the origin of villages

Работа посвящена исследованию благопожеланий (*пил*) и проклятий (*ылхан*), отраженных в чувашских преданиях о возникновении деревень. Данный жанр народного творчества в чувашской фольклористике до сих пор является малоизученным. Из исторических преданий об основании деревень выделяется ряд текстов, в которых благопожелания и проклятия имеют определенное влияние на продолжение рода (*ййх ёрчени*), рост деревни (*ял хунани*).

В ходе анализа преданий выявлены разные формулы (тексты)

с благопожеланиями и проклятиями, в магическую силу которых народ безусловно верил. В них благопожелания в основном направлены на приумножение деревни, продолжение и увеличение рода, проклятия, напротив, ориентированы на то, чтобы жизнь рода угасала, а деревня вымирала. В некоторых текстах отражаются случаи, когда с помощью проклятий основатели деревень воздействовали на определенное количество дворов. Кроме них, проклятие насылалось также обезьяной (*унӑте, маймӑл, шуӑттан*), которую ловили, смазав спину лошади смолой, а затем избивали и отпускали или сжигали.

Первопоселенцами те или иные пожелания произносились главным образом в момент зарождения деревни: при первом замере земли, рубке сруба, изготовлении пасеки и т.д. Продолжение рода, рост деревни, по традиционным представлениям чувашей, олицетворял огонь. В одном предании отмечается, что в тот день, когда в деревне появлялся новопоселенец, сельчане намеренно не зажигали огонь, предусматривая этим не допустить продолжения рода чужака в этом поселении.

Исследование показало, что борьба за существование рода, за владение землей имела место во все времена. Согласно чувашским преданиям, произношение слов с определенной установкой на добро и зло в момент основания деревни оказывало влияние на его дальнейшее развитие.

Z. Tieshan

Overview on the classics of Old Uighur in China (1975–2015)

China is the country that excavates and collects the most Old Uighur classics. Especially in the 40 years from 1975 to 2015, a mass of Old Uighur materials have been discovered in Dunhuang and Turpan. Chinese scholars contribute many quality findings to this field. This paper introduces the following three research phases in China: preparation before 1975, primary research from 1975 to 1985 and overall research from 1985 to 2015.

Some aspects of Uyghur family of Turfan area around 13th century

The characteristics of Uyghur society in Turfan basin around 13th century will be: 1) Mongol power was established over the Uyghur Iduq-qut kingdom by the middle of 13th century. 2) It goes without saying that the strongest religious base was Buddhism. 3) Literacy of Uyghur people left many kinds of social, legal and home economics documents other than enormous religious texts.

Here the author concentrates on “inanči / inäči” family together with “ozmīš toyřil / toqıl” family appears in documents originally introduced early by W. W. Radloff. Adding to them, SI Kr. IV/638 will be considered as a document which shows us the family history of that period.

Three generations are recognized in those documents. Five of six brothers of the second generation sold and bought lands each other, and three of them lived in the nearby area. From facts of those documents, we can reconstruct the family ties. Document SI Kr. IV/638 is a long account book concerning weddings and funerals of the family, which shows that most of expenses of those events were procured by debts and those are described as “törülüg” or “according to the custom / as the custom”.

Such custom should be regarded as a mutual aid of Uyghur land-owner class in the local community covered by the complexed political order from Mongolian empire to the Iduq qut and other traditional local powers.

Even though some Mongolian Emperor’s commands describe the very detailed decision about the local popular legal life of Uyghur people, they had already made the forms of contracts on the essential legal deed. It will be concluded that there was a kind of autonomic society on those days.

Р.М. Валеев

**Университетская тюркология в Казани:
традиции и новации (XIX – начало XX века)**

R.M. Valeev

**The University Turcology in Kazan: Traditions and innovations
(19th – the beginning of the 20th centuries)**

Доклад посвящен феномену историко-научного изучения тюркского культурного наследия в России, в особенности в Казанском университете в XIX – нач. XX вв. Освещаются истоки практического и академического преподавания тюркских языков, литературы и истории в российских университетах, выделяются основоположники и направления формирования российской университетской тюркологии в России. Основное внимание уделено разнообразным историографическим и неопубликованным материалам, освещающих события, наследие востоковедов-тюркологов и итоги формирования тюркологии в Казанском университете в XIX – начале XX вв.

Истоки университетского преподавания тюркских языков в Казани, в первую очередь, связаны с Первой Казанской гимназией (образован в 1759 г.), где с 1769 г. началось преподавание татарского языка. Преподавателями татарского языка на протяжении многих лет были известные педагоги-просветители Сагит Хальфин (1732–1785), Исхак Хальфин (?–1800) и Ибрагим Хальфин (1778–1829).

Выявлены научные и просветительские направления деятельности востоковедов университета, связанные с преподаванием арабо-мусульманских языков (арабского, персидского, турецкого), в частности турецко-татарского языка, лингвистическими, литературоведческими, историческими, этнографическими исследованиями в области языков, литературы, истории и культуры тюркоязычных народов Евразии.

Университетское изучение и исследование тюркского социополитического, культурного и этнолингвистического пространства

Евразии является давней и значимой традицией практических, академических и университетских центров России и Европы. Особо важную роль тюркское политическое и культурное наследие играло в истории и культуре народов России и современных тюркских государств.

Известные государства и общества тюркского мира — Волжская Булгария, Улус Джучи, Османская империя и географические и историко-культурные регионы традиционного проживания тюркских народов Российской империи (Поволжье и Приуралье, Сибирь, Кавказ и Средняя Азия, Крым) стали объектом и предметом исследования казанских университетских востоковедов-тюркологов XIX – нач. XX в. — Х.Д. Френа, И. Хальфина, Ф.И. Эрдмана, А.К. Казем-Бега, И.Н. Березина, В.Ф. Диттеля, И.Ф. Готвальда, М.Г. Махмудова, И.Н. Холмогорова, Н.И. Ильминского, В.В. Радлова, Н.Ф. Катанова, С.Е. Малова и др.

Исключительное значение в отечественной тюркологии и истории, и культуре народов России имела деятельность национальных представителей тюркских народов империи в Казани — Х. Амирханов, Ш. Марджани, К.Насыри, Р. Фахретдинов, Х. Фаизханов, Г. Ахмаров, А. Ильясов, Ш. Ахмеров, Г. Губайдуллин, Г. Баттал, А. Курат, З. Валиди, Н. Золотницкий, Н. Никольский, В. Магницкий, Н. Ашмарин и др.

На протяжении XIX – начала XX вв. в России формируется и развивается классическая тюркология — актуальная научная дисциплина мирового востоковедения. Истоки практической и научной тюркологии в России связаны с комплексным исследованием арабомусульманского Востока, тюркского и монгольского миров. Базой развивающейся классической тюркологии в России становится ориентация академических и университетских центров на изучение тюркских языков, исследование памятников классической словесности и материальной культуры тюркской цивилизации. Формирование и развитие российской тюркологии, в том числе казанской научной школы тюркологов XIX – нач. XX в. свидетельствует об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности и комплексности исследований.

*Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, Т.И. Зяппаров,
А.М. Сахавова, М.-Н. Темирбеков*

**Профессор И.Н. Березин и его вклад
в российское востоковедение (XIX век)**

*R.M. Valeev, R.Z.Valeeva, T.I. Zyapparov,
L.M. Sahavova, M.-N. Temirbekov*

**Professor I. N. Berezin and his contribution to the Russian
oriental studies (19th century)**

Тюрколог, иранист, путешественник И. Н. Березин — один из основоположников университетского востоковедения и тюркологии в России известен и во многом забыт в истории российского и европейского востоковедения. В связи со столетием со дня рождения профессора И.Н.Березина выдающийся тюрколог А.Н.Самойлович (1880–1938) в мае 1919 г. писал: «Разносторонне даровитый, предприимчивый, широко любознательный и образованный человек, мастер прозы и стиха, рисовальщик, публицист и администратор, популяризатор знаний, профессор сначала Казанского, затем Петербургского университетов, вообще один из видных русских культурных деятелей, главным образом, середины XIX века...».

И.Н. Березин был воспитан на лучших педагогических и научных традициях отечественного университетского востоковедения 1830–1840-х гг. Он внес неоценимый вклад в развитие российской школы тюркологов и в целом востоковедов второй половины XIX – начала XX вв. Научно-педагогическая и общественная деятельность И. Н. Березина органично связаны с Казанским и Санкт-Петербургским университетами. Трудно переоценить вклад в образование и науку о Востоке, который был внесен этим знаменитым востоковедом. Академик В.В. Бартольд, говоря о вкладе и роли ученого, писал: «Заслуги того поколения ориенталистов, к которому принадлежит Березин, определяются не столько выполнением, сколько постановкой научных задач, и в этом отношении ученый, понявший, что на русских ориенталистах лежит обязанность разъяснения монгольского периода русской истории, и не только сло-

вом, но и делом доказавший сознание этой обязанности, издатель «Библиотеки восточных историков» и труда Рашид ад-дина, имеет полное право на благодарность потомства». Педагогическая, научная и просветительская деятельность и наследие И.Н. Березина — значимый этап в развитии российского и мирового востоковедения и тюркологии XIX в.

Его первыми учителями по восточным языкам стали востоковеды Ф.И. Эрдман (1793–1863) и А.К. Казем-Бек (1802–1870). Магистерская диссертация И. Березина была на тему «Что способствует развитию просвещения и что останавливает ход оного в державах Мухаммеданских?». 5 января 1841 г. он защитил диссертацию и 6 февраля 1841 г. был утвержден в степени магистра восточной словесности. Это событие стало символическим рубежом начала служения российскому университетскому востоковедению и тюркологии.

Насыщенная педагогическая и научная атмосфера и личные качества воспитанника казанской школы востоковедов сыграли ключевую роль в формировании и развитии разносторонних интересов И.Н. Березина в областях тюркологии, иранистики, арабистики, истории и культуры народов Центральной Азии.

Научные путешествия воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета — И. Березина и В. Диттеля на Ближний и Средний Восток (1842–1845) являются замечательными и незабываемыми страницами истории российского и европейского востоковедения. Научное путешествие на мусульманский Восток (Кавказ, Ирак, Персия, Сирия, Палестина, Египет, Турция и Крым) стало важным и определяющим этапом в творческом развитии И.Н. Березина. Это трехлетнее путешествие по Ближнему и Среднему Востоку сформировало базу и направления его научной подготовки и широких научно-исследовательских интересов в дальнейшем в казанский (1846–1855) и санкт-петербургский периоды (1855–1896) научно-педагогической и просветительской работы.

В российскую университетскую аудиторию И.Н. Березиным были привнесены география, история и культура народов мусульманского Востока, основанные на личных наблюдениях и впечатлениях. В его работах и статьях современник находил реальную и подлинную жизнь и культуру народов мусульманского Востока. Педагогическая, научная и просветительская деятельность

И.Н. Березина в Казани и Санкт-Петербурге органично связана с развитием перспективных дисциплин ориенталистики — тюркологии, иранистики, арабистики и исламоведения.

В целом наследие И.Н. Березина группируется по следующим основным направлениям: подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий; комплектация фонда восточных рукописей и книг; сбор, изучение и публикация письменных памятников и источников арабо-мусульманской культуры; переводы арабо-персидских и тюркских авторов; оригинальные филологические, исторические, культурологические, естественно-географические, археологические и этнографические публикации.

К.В. Яданова

Значение термина ак жайык в шаманских обрядовых текстах в записи А.В. Анохина

K.V. Yadanova

Meaning of the word *ak jayik* in shamanic ritual texts recorded by A.V. Anokhin

В рамках проекта РГНФ № 13-04-00128 «Язык фольклора алтайцев: исследование и составление словаря лексики поэтических текстов» нам представилась возможность поработать над составлением словаря лексики алтайских шаманских обрядовых текстов в записи А.В. Анохина. Фольклорные тексты обрядовой поэзии шаманов опубликованы в 1924 г. в научном труде А.В. Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев» на алтайском языке и с переводами на русский язык. Мы попытались описать лексическое значение слов, выявить частотность использования шаманской лексики в обрядовых текстах.

Из всего опубликованного материала нами отобраны для работы 88 шаманских обрядовых текстов. Это в основном: призывания духов-покровителей шамана — *кама*, заклинания, отдельные части поэтических текстов камлания и т.д. В этих фольклорных про-

изведениях лексема *жайык* встречается один раз, словосочетание *ак жайык* — 7 раз.

Жайык (*дъайык* / *яик*) — дух-посредник между высшими светлыми духами и людьми, покровитель семьи и скота. Вместилищем духа-посредника *Жайык*'а служила шкурка зайца, привязанная к белой шерстяной нити, протянутой между двух березовых веток.

В обрядовых текстах в записи А.В. Анохина словосочетание *ак жайык* в значении «священный чистый дъайык» встречается 7 раз; среди них сочетания: «С золотыми краями *Ак Жайык*» — один раз, «С пламенным огнем *Ак Жайык*» — один раз, «С тремя сгибами (трех-составный) *Ак Жайык*» — два раза.

В шаманских обрядовых текстах в записи А.В. Анохина образы духа-хозяина огня и духа посредника *Жайык*'а тесно связаны между собой. Они выступают посредниками между людьми и духами-хозяевами/божествами, покровителями и охранителями семьи.

O. Yeşilot

The Ambassadors' reports: "Stateyny Spisok" in 15–18th centuries

The reports written by the ambassadors sent by the Zsardom of Russia between 15th and 18th centuries to foreign countries are called "Stateyny Spisok" (record of items). In these reports, the ambassadors chronologically detailed their experiences, the information they obtained during their terms of office, their private or official encounters and their replies to the instructions given to them. Such reports used to be kept on daily basis.

As the reports prepared by ambassadors are accepted to be historical and diplomatic texts, they can also be regarded as literary texts. Since they were submitted to the Tsar himself, the language in the reports was lexiphanic and formal. Thus, they are culturally rich. These documents are also the best examples of the writing style of their time.

The ambassadors' reports and the dairies they kept during their voyage as well as the letters they wrote are all important sources that would constitute the basis of research into the content and scope of

political, commercial, cultural, military, social and economic relations among the states. Besides, the rules about the state's protocols are mentioned in these sources.

Artemiy Petrovič Volninskiy (1689–1740), who is the topic of this study, was sent to Iran as the ambassador of Russia by Petro I (1715–1718). Volninskiy prepared a report of 628 pages at the end of his travel. Volninskiy's report covers the political and economic situation of the region as well as information on Shamakhi, Tabriz, Kazvin, Lankeran, Sultaniye, Zencan and other cities. This report includes important information about commercial relations and details the public reaction against the government and revolts.

А.А. Евсева

**Фразеологические единицы с компонентом-
числительным в турецком языке**

А.А. Yevseeva

**Phraseological units with component-numeral
in Turkish language**

Фразеологические единицы (ФЕ) с компонентами-числительными можно отнести к таким речевым образованиям, которые имеют национальную специфику выражения и восприятия картины мира. В работе рассматриваются ФЕ турецкого языка, включающие в себя компонент – числительный от 1 до 10, 40, 1000. Для каждого языка характерна высокая и низкая частотность употребления чисел, например, для турецкого языка с высокой частотностью употребления характерны такие числа, как: 1, 2, 4, 7, 9, 40; с низкой же частотностью употребления: 3, 5, 6, 8, 10, 1000.

В турецком языке высокой частотностью употребления характеризуется цифра 1. Так как она представляет собой в религиозном аспекте число Божественной активности; в человеческом же аспекте единица (1) олицетворяет духовную волю человека. Вторым числом по частотности употребления считается число 2, которое считается началом неравенства и противоречия. Числа 3, 4,

5, 6, 7, 8, 10, 1000 во фразеологических единицах турецкого языка встречаются редко. Число 40 в турецком языке тоже употребляется достаточно часто, из-за того, что это число имеет особое значение в религии и быту. Например: 40-дневный траур по умершему; проведение траурной церемонии по истечении сорока дней со дня смерти; традиция оберегать роженицу и младенца в течение 40 дней.

При переводе фразеологических единиц с турецкого языка на русский язык было выявлено, что многие турецкие фразеологические единицы, содержащие в себе число:

1) могут не встречаться при переводе в эквивалентах:

bir eli yağda bir eli balda — как сыр в масле кататься;

bire bin katmak — преувеличивать, неимоверно преувеличивать;

2) могут передаваться в переводе другим числом:

bir deli kuyuya taş atmış, kırk akıllı çıkaramamış — дурак в воду камень закинет, десятеро умных, не вытащат;

gözünü dört açmak — смотреть в оба, быть очень бдительным.

Было выявлено, что многие фразеологические единицы не переведены на русский, что является большой проблемой и препятствием для переводчика. Фразеология нуждается в постоянном исследовании, так как, изучая ее, мы проникаем глубже в культуру, мировоззрение и в историю народа. Для того чтобы правильно передать значение, смысл фразеологических единиц, переводчику важно знать нюансы культуры и менталитета страны изучаемого языка. Это важно как для языка, так и для межкультурной коммуникации народов.

H. Yıldırım

“-dIK” sıfat-fil eki ~ “+IK” isimden isim yapma eki ve “er-” ~ “bol-” fil ilişkiler

Association between the noun suffix ‘-IK’ and participle suffix ‘-dIK’ with the auxiliary verbs ‘er-’ and ‘bol-’

+IK eki, Eski Türkçeden itibaren kullanımda olup, bugün Türk lehçelerinde isimlerden isim türeten ek olarak çok işlek ve fonksiyonları

kapsamlı bir ektir. Görünüşte isimden isim yapan +IIk eki gibi algılanan bazı +IIk'ların aslında +dIk sıfat-fiil eki olduğu ve dilin zaman süreci ve yayılma alanları esnasında iki ekin birbirine karışarak +IIk eki şeklinde kabul edildiği bir yanlıgısı ortaya çıkmıştır. Bu çalışmada başta oğuz grubu lehçelerinden Türkmen Türkçesi ve Karluk grubu lehçelerinden Özbek Türkçesi esas alınarak bugün Türkiye Türkçesi ve diğer Türk Lehçelerinde kullanımda olan bazı +IIk eklerinin kaynağının +dIk sıfat-fiil eki olduğu ispat edilecektir.

Örneğin Türkmen Türkçesindeki şu iki örnekte yok sözcüğünde geçen +IIk ve +dIk eklerinin kaynağı esas itibariyle bire bir olup ikisi de sıfat-fiil ekidir: Yagmırın yanlarında yokduğımı oñlı ünsem bermeyärdiler. Şu gün onuñ öñküligi yoklugımı bilyärdim ahırın.

Aynı şekilde kim sözcüğünün aldığı Özbek Türkçesindeki “Men özimniñ kimligimni aytdım, endi gäp nävbäti sizgä keldi, - dedi”. örneğinde bulunan +IIk ile; Türkmen Türkçesindeki “Hat yazanıñ kimdigini tandım”. örneğindeki +dIk eki aynı ektir.

Bahsedilen bu yanlıgının esas sebebi Eski Türkçeden beri kullanılan er- yardımcı fiilin zamanla bol- fiili ile yer değiştirmesidir. Bu değişiklik esnasında er- fiili i- şekline bürünmüş ve sonra i- fiili de düşünce fiilin üzerindeki +dık sıfat-fiil eki +lık biçimine dönmüştür (ne idiğü > neliği örneği gibi).

Currently +IIK suffix that has been used from old Turkish as noun suffix has comprehensive using and wide functionalities.

Some +IIK suffixes that perceived as noun suffix are actually derived from participle suffix +dIK. Gradually both suffixes were combined and later took the same form.

This study aims to prove that some +IIk suffixes (which is now in use in Turkey Turkish and other Turkic languages) were actually derived from +dIk participle suffix.

For this purpose, Turkmen-Turkish from Oğuz group and Özbek Turkish from Karluk group has been used as a reference point.

For instance the +IIk and +dIk suffixes that used with the word ‘yok’in the following examples are entirely similar and both of them are participle suffixes: Yagmırın yanlarında yokduğımı oñlı ünsem bermeyärdiler. Şu gün onuñ öñküligi yoklugımı bilyärdim ahırın.

Similarly the +lık suffix that comes with the word ‘kim’ in Özbek

Turkish as in “Men özimniñ kimligimni aytdım, endi gäp nävbäti sizgä keldi, - dedi. carries the same function with the participle +dIk suffix that comes with ‘kim’ in Turkmen Turkish as in “Hat yazanıñ kimdigini tandım”.

The main reason for the mentioned mistake is the using the -bol auxiliary verb instead of –er auxiliary verb which has been used from old Turkish. In the changing period –er was combined with –i form and afterward -i also has been ignored, the dIK participle suffix slowly turned to +Ik form. (ne idiğü > neliği örneği gibi).

E. Yılmaz

Modern Türk Şiirinde Metinlerarası İlişkiler

Intertextual relations in Modern Turkish poetry

Türk şiirinde metinlerarası ilişkiler, 1960’lı yıllarda özellikle Kristeva ve Barthes’ın öncülüğünde yazınsallığın kriteri olarak ortaya konmadan çok önce pratikte var olan bir olgudur. Klasik Türk şiirinin en başat özelliklerinden biri ‘çoksesli’, ‘çokdilli’ ve ‘çokanlamlı’ oluşuydu. Yahya Kemal ve Ahmet Haşim’le başlayan modern Türk şiiri bir yandan klasik şiiri geleneğini yeniden üreterek devam ettirirken bir yandan da klasik şiirle hesaplaşma yoluna gitti. Her iki durumda da ‘metinlerarasılık’ önemli bir araç oldu. Zaman zaman ‘intihal’ tartışmalarını da içeren bu süreç postmodernizm ile yeni bir boyut kazandı. Bugün modern Türk şiirini ‘metinlerarasılık’ kuramından bağımsız değerlendirmek neredeyse imkânsızdır. Kâh kendi geleneğiyle kâh dünya şiir mirasıyla kurduğu ilişki ve bu ilişkilerin biçimleri modern Türk şiirinin en belirleyici yönüne işaret eder. Bu bildiri, metni ‘yazıldıktan sonra bile işlemeye ve bir üretim süreci sürdürmeye’ devam eden bir yapı olarak ele almak suretiyle modern Türk şiirini, ‘yeniden yazma’, ‘metinlerarası yöntemler’, ‘metin-şair-okur’ ilişkisi, ‘metinlerarası imgeler’ gibi hususlar bakımından incelemek amacını taşımaktadır. Böylece hem Türk şiirinin başlangıçtan günümüze nasıl bir yolculuk yaptığına hem de bugün yazılmakta ve gelecekte yazılacak olan şiirin mahiyetine dair önemli tespitler ve çıkarımlar söz konusu olabilecektir.

tir. Ayrıca modern dünyanın şiiri ve şiirin temsil ettiği şeyi itibarsızlaştıran yönüne dikkat çekilmiş olacaktır.

Intertextuality is a phenomenon that is in practice in Turkish poetry long before it is introduced as a criterion of literariness by especially Kristeva and Barthes in 1960s. One of the dominant features of classical Turkish poetry is that it was 'polyphonic', 'polyglot', and 'polysemic'. Modern Turkish poetry pioneered by Yahya Kemal and Ahmet Haşım resorted to challenge classical poetry as well as maintaining classical poetry by regenerating its tradition. 'Intertextuality' became an important instrument in either way. This process which included 'plagiarism' arguments occasionally has acquired new content with postmodernism. Today, it is almost impossible to criticize modern Turkish poetry independently of intertextuality. The relation with its own tradition and the heritage of universal poetry, and the forms of this relation indicate the most distinctive characteristics of modern Turkish poetry. This presentation has an aim to study modern Turkish poetry in points of 'rewriting', 'intertextual techniques', 'text-poet-reader' relation, and 'intertextual figures' by means of handling the text as a form that continues to function and sustain a construction process even after it is written. By this way, important evaluations and deductions about both the journey of Turkish poetry from the beginning to present and the quality of poems which are being written at present and will be written in future can be made. Furthermore, it will be drawn attention to the poetry of modern world and the aspect depreciating what poetry represents.

Ж.М. Юша

Сказительство у тувинцев Китая: традиция и современность

Zh.M. Yusha

Epic tradition Tuvinians of China: tradition and modernity

Тувинцы Китая — малочисленная этнолокальная группа, компактно проживающая в населенных пунктах Алтайского аймака

Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района. В докладе будет освещено современное бытование сказительской традиции у тувинцев Китая, давно утраченного российскими тувинцами. Материалом для исследования послужили полевые записи автора, зафиксированные во время экспедиций 2010–2014 гг. Будут рассмотрены форма исполнения сказаний, народная терминология, репертуар современных сказителей, а также существующие запреты и предписания, характерные для исполнительской традиции китайских тувинцев. В докладе также уделяется внимание ритуальной стороне исполнения эпических произведений. Так, если в пору активного бытования эпоса перед исполнением *узун тоол* сказители обязательно проводили обряд *саң салыр* (разжигания жертвенного костра), посвященного *тоол ээзи* (духу-хозяину сказки), то теперь этого уже не делают. Рассказывание сказаний упрощается, нет интресующихся слушателей. Можно говорить о том, что в последние годы в связи с возрастанием роли телевидения и иных средств культурного досуга (просмотр художественных, научно-популярных, документальных фильмов, мультфильмов, передач для детей на других языках) наблюдается постепенное угасание функционирования жанра героических сказаний. В то же время, как мы заметили, некоторые мотивы и сюжеты героических сказаний трансформируются в сказки.

А.Н. Юзмухаметова

**Постмодернизм в татарской прозе:
национальная специфика**

L.N. Yuzmukhametova

Postmodernism in Tatar prose: national specifics

До недавних пор в татарском литературоведении термин постмодернизм в отношении современного национального литературного процесса употреблялся с крайней осторожностью и порой даже большим недоверием. Это объяснялось приверженностью

татарской литературы к своим глубоким неповторимым традициям и канонам, восточно-мусульманским корням и, как следствие, к дидактике. Однако благодаря последним исследованиям в данной области (труды Д. Загидуллиной, А. Шамсутовой, А. Саттаровой, Л. Юзмухаметовой) сегодня можно утверждать о наличии татарского постмодернизма и говорить о его национальной специфике. Рассматривая проблему постмодернизма в татарской прозе, необходимо выделять такие понятия как соц-арт, концептуализм, психологизм (проблема «бессознательного»), пастиш и игра, особое же место в кругу рассматриваемых вопросов принадлежит «автору». Именно формы выражения авторской позиции в современной татарской прозе определяет национальную специфику татарской постмодернистской прозы. В связи с этим, мы выделяем три типа постмодернистских произведений: тексты, в которых актуализируется концепция «смерти автора», наблюдается полифонизм «историй», «голосов», а также тексты, в которых можно обозначить авторское ироничное обобщение по отношению к заданной картине мира (используется иронический модус художественности как тип художественной целостности) (Юзмухаметова Л.Н. Постмодернизм в татарской прозе: диалог с западными и восточными художественными традициями: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. С. 29).

Кроме того, как и подобает полноценному постмодернистскому тексту, в современных текстах мы можем увидеть такие явления как интертекстуальность, соединение признаков массовой и элитарной литературы, острое ощущение кризиса, фрагментарность. Все это переплетается с масштабной деконструкцией советского мифа, что присуще постсоветской литературе, а также щедро обогащается мифологическими и архетипическими структурами, национальными образами, мотивами, историческими и религиозными фактами, атрибутами прошлого. В результате, мы получаем уникальнейший неповторимый татарский текст с постмодернистской концепцией. Наиболее яркими представителями данного направления являются такие татарские авторы как З. Хаким и М. Кабиров.

**Этнопедагогическое значение запретов и табу
в татарском фольклоре**

I.G. Zakirova

**Ethnopedagogical the value of prohibitions and taboos
in the Tatar folklore**

У каждого народа, этноса есть некий нравственный идеал, с оглядкой на который воспитывается каждое подрастающее поколение. Нравственный идеал человека в татарском варианте сформован на основе общечеловеческих ценностей, но в то же время есть определенные требования в поведении, которые больше свойственны татарскому характеру. Они сформированы на протяжении веков и, можно сказать, доведены до уровня культа. Речь идет о таких чертах, как терпение, даже смирение, гостеприимство, щедрость, старательность, трудолюбие.

В качестве средств воспитания в человеке нужных черт характера народ обращается также к многочисленным запретам и табу. Функционирующие в татарской народной среде и сегодня запреты сформированы еще в эпоху язычества на основе мифологических представлений. Они пережили сильное влияние ислама, но сохранились и продолжают выполнять свою социальную роль.

Большинство запретов и табу связаны с природой, одухотворением ее сил. С одной стороны, эти запреты направлены на сохранение некой гармонии в природе, с другой — имеют вполне четкую цель уберечь ребенка от опасности.

На основе запретов, связанных с природой, лежит убеждение, что природа, ее части есть живое существо (нельзя рвать цветы сирени, черемухи — они «глубоко обидятся»; нельзя ломать ветки рябины, рубить яблоню, тополь — случится несчастье; нельзя ломать гнездо птицы — семью потеряешь и др.).

Еще одна группа запретов связана с представлениями о том, что у каждой природной стихии есть свой дух, хозяин и нельзя его

тревожить. Эти запреты относятся в основном к водоемам, лесам. К примеру, в лесу нельзя разговаривать громко — лесной дух, или Шурале, разозлится; нельзя сорить или брать воду, когда заблагорассудится — Водяная возьмет.

Есть также запреты, относящиеся к сфере межличностных отношений (нельзя обижать мать — будешь несчастным; обида матери не имеет «противоядия»). Эти запреты формулируют уважительное отношение к старшим, родителям.

В основе запретов, сформированных в эпоху язычества, но переживших сильное влияние ислама, лежит стремление к физической и духовной чистоте: например, есть множество запретов, регулирующих сферу личной гигиены (женщина обязана сохранить свои выпавшие при расчесывании волосы и сжечь их, если волосы окажутся под ногами, и саму женщину уважать не будут).

Таким образом, табу и запреты татарского народа направлены на сохранение природных ресурсов; воспитание в детях чистоплотности и аккуратности, трудолюбия; приобщение молодого поколения к народной мудрости; соблюдение правил безопасности и создание установки на самосохранение.

К.А. Жуков

Еще раз об Астраханском манифесте Петра Великого от 15 июля 1722 г.

К.А. Zhukov

Once more about the Manifesto issued by Peter the Great in Astrakhan in July 15, 1722

«Турецкий манифест» Петра I был отпечатан в Астрахани в плывучей типографии светлейшего князя Дмитрия Константиновича Кантемира (1673–1723) наборным арабским шрифтом 15 числа месяца теммуза (июля) 1722 г. перед началом Персидского похода русского царя. В научный оборот этот документ введен достаточно

давно. Фотокопия экземпляра «Турецкого манифеста», хранящегося в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (Р. 1, оп. 7, № 23/1287), была опубликована в 1928 г. Языковая принадлежность данного документа («хороший османский язык»), а также автор турецкого перевода (Д. К. Кантемир) были установлены академиком А. Н. Кононовым (*Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982. Изд. 2-е. С. 40). В 1988 г. был опубликован обнаруженный в Берлине печатный экземпляр «Турецкого манифеста», имеющий ту-гру отличную от той, которой украшен петербургский экземпляр, а в 2010 г. экземпляр манифеста (идентичный берлинскому), обнаруженный в Москве в Российском государственном архиве древних актов, был опубликован в Казани. Все эти публикации были разобраны в моей недавней статье (*Жуков К.А.* Восточная титулатура Петра I в Астраханском манифесте от 15 июля 1722 г. // Тюркологический сборник 2011–2012. М., 2013. С. 138–150). В настоящем сообщении вносятся поправки и дополнения в предложенную мною ранее расшифровку восточной титулатуры русского императора. Для этой цели привлекаются новые материалы, в частности, уникальный печатный экземпляр немецкого перевода «Турецкого манифеста», сохранившийся в коллекции «Россика» (13.П.2.529) Российской национальной библиотеки.

Список участников конференции

Aydın Nurhan	Assist. Prof.	Kafkas University (Turkey)	nayinom@hotmail.de
Aça Mehmet	Prof.	Balikesir Universty (Turkey)	mehmetaca@balikesir.edu.tr
Açık Fatma	Prof.	Gazi University	fatmaacik1@gazi.edu.tr
Ablajan Adalet (Adalaity)	PhD	Minzu University of China, North-West University for Nationalities	adalet@qq.com, adalet@live.cn
Afacan Aydın	PhD	Ministry of National Education (Turkey)	aydinafacan@gmail.com
Aktaşlı Fatih	MA	Turkish-Russian Cultural Foundation	fatihaktasli@yahoo.com
Алиева Минара Инатдиновна (Alieva Minara)	к.ф.н.	Улудагский университет (г. Бурса, Турция)	esenminara@gmail.com
Алиева Фарида (Alyeva Farida)	к.и.н. доц.	Кавказский государственный университет	feliyeva@qu.edu.az
Аликаев Рашид Султанович, (Alikaev Rashid)	д.ф.н.	Кабардино-Балкарский государственный университет	ralikaev@mail.ru
Аmineва Венера Рудалевна (Amineva Venera)	д.ф.н.	Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета	amineva1000@list.ru
Аникеева Татьяна Александровна (Anikeeva Tatyana)	к.ф.н.	Институт востоковедения Российской академии наук	tatiana.anikeeva@gmail.com
Арбачакова Любовь Никитовна (Arbachkova Lyubov)	к.ф.н.	Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук	anzass@mail.ru

Askeroğlu Ayna	Assist. prof.	İstanbul University	ayna12@gmail.com
Аврутина Аполлинария Сергеевна (Avrutina Apollinaria)	к.ф.н.	Санкт-Петербургский государственный универ- ситет (St.Petersburg State University)	apollinaria1@ yandex.ru
Азаркина Милана Александровна (Azarkina Milana)	к.п.н.	Научная библиотека им. М. Горького Санкт- Петербургского государ- ственного университета	
Бавуу-Сюрюн Мира Викто- ровна (Bavuu- Syurun Mira)	к.ф.н.	Тувинский государственный университет	mira.bavuu_ surun@mail.ru
Бадертдинова Ляйсан Шаукатовна (Badertdinova Lyaysan)	к.ф.н.	Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,	nisanbedri@ mail.ru
Байыр-оол Азияна Витальевна (Bayir-ool Asiana)	к.ф.н.	Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук	azikoa@mail.ru
Борисов Андриан Афанасьевич (Borisov Andrian)	д.и.н.	Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук	a_a_borisov@ mail.ru
Букулова Марина Георгиевна, Bukulova Marina	к.ф.н., доц.	Московский государ- ственный гуманитарно- экономический университет	m.bukulova@ gmail.com

Бурькин Алексей Алексеевич (Burykin Alexey)	д.ф.н.	Институт лингвистических исследований Российской академии наук	albury@ram- bler.ru
Çakmak Cengiz	Prof.	İstanbul Universtiy Depart- ment of Philosophy	cenmak@istan- bul.edu.tr
Давлетшина Лейла Хасановна (Davletshina Leyla)	к.ф.н.	Республиканский центр развития традиционной культуры Республики Татарстан	leyla.davletshi- na@yandex.ru
Давлетшина Лилия Шамилевна (Davletshina Lilia)		Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	tafkilevna@ mail.ru
Дмитриева- Салонтай Юдит (Dmitrieva- Salontai Judit)	к.ф.н.	Югорский государственный университет (Ханты- Мансийск)	judit50@list.ru
Дубровина Маргарита Эмильевна (Dubrovina Margarita)	к.ф.н.	Санкт- Петербургский государственный университет	maggydu@ rambler.ru
Durgut Hüseyin	PhD	Balikesir University	hu_durgut@ hotmail.com
Ebata Fuyuki	PhD	Faculty of Humanities, Niigata University Japan	ebata@human. niigata-u.ac.jp
Ergönenç Ak- baba Dilek	PhD	Gazi Üniversitesi	akbaba.dilek@ gmail.com
Eroğlu Türker	Assoc. prof.	Gazi University, Musics Edu- cation Department	turkereroglu@ gmail.com
Евсеева Алена Алексеевна, (Yevseeva Alena)	Assist.	Московский государственный гуманитарно- экономический университет,	misses.dallo- way@mail.ru

Фурат Камиль (Furat Kamil)	аспи- рант	Московский государствен- ный областной универси- тет, Moscow Region State University	furat.kamil@ yandex.ru
Федина Наталья Никитовна (Fedina Natalya)	к.ф.н.	Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук	natfedina@ yandex.ru
Федотова Елена Владимировна (Fedotova Elena)	к.ф.н.	Чувашский государственный институт гуманитарных наук	elena.fedoto- va.73@inbox.ru
Фомин Эдуард Валентинович (Fomin Eduard)	к.ф.н.	Чувашский государственный институт культуры	yeresen@yan- dex.ru
Гайнутдинова Гульнара Рашатовна (Gaynutdinova Gulnara)	к.ф.н.	Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	gayn_gulya@ mail.ru
Галиуллина Гульшат Раисовна (Galiullina Gulshat)	д.ф.н.	Казанский (Приволжский) федеральный университет	caliullina@list. ru
Гениш Эйюп, (Genish Eyup)	д.ф.н.	Московский государ- ственный гуманитарно-эко- номический университет	eyupgenis@ inbox.ru
Гирфанова Альбина Хакимовна (Girfanova Albina)	к.ф.н.	Санкт-Петербургский государственный университет	albigirf@gmail. com
Гузев Виктор Григорьевич (Guzev Victor)	д.ф.н.	Санкт- Петербургский государственный университет	vgguzev@gmail. com

Gümüşkılıç Mehmet	Prof.	Fatih University, Department of Turkish Language and Literature	mgumuskilic@fatih.edu.tr
Güneri Aysun Demirez	Assist. prof.	Gazi University	adguneri@gmail.com
Güngör Gözde	Research assisst.	Ege University	gozdegor@gmail.com
Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна (Habutdinova Mileusha)	к.ф.н.	Казанский федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации	mileuscha@mail.ru
Хаджизаде Наиле Наримановна (Haji Zadeh Naile)	д.ф.н.	Selçuk University	nailehacizade@selcuk.edu.tr
Халлиева Гулноз Искандаровна (Khallieva Gulnoz)	к.ф.н.	Узбекский государственный университет мировых языков	gulnoz7410@mail.ru
Гасанова Лала Тофик кызы (Hasanova Lala)	к.ф.н.	Институт литературы им. Низами Национальной академии наук Азербайджана	hltlala@mail.ru
Хасанова Фарида Фирдавесевна (Hasanova Farida)	к.ф.н.	Институт языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	farida.5656@mail.ru
Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна (Hisamitdinova Firdaus)	д.ф.н.	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук	hisamitdinova@list.ru

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна (Hubbitdinova Nerkes)	д.ф.н.	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук	narkas08@ rambler.ru
Исаева Асель Кенешбековна (Isaeva Asel)	к.ф.н.	Национальная академия наук Кыргызской Республики, Институт языка и литературы им. Ч. Айтматова	asel.isaeva@ gmail.com
Иванова Елена Михайловна (Ivanova Elena)	д.ф.н.	Чувашский государ- ственный университет им. И.Н. Ульянова	amivano@ram- bler.ru
İyiyol Fatih	Assist. Prof.	Süleyman Şah University, Department of Turkish Lan- guage and Literature	fiyiyol@ssu. edu.tr
Johanson Lars	Prof. Dr. Dr. h.c.	Turkic Languages Seminar für Orientkunde Universität Mainz, Germany	johanson@uni- mainz.de
Jumaturdu Adil	Prof.	Institute of Ethnic Literature Chinese Acedamy of Social Sciences	adil@cass.org.cn
Каюмова Диана Фер- динандовна (Kajumova Diana)	д.ф.н.	Казанский (Приволжский) федеральный университет	missdiana7@ mail.ru
Kalkan Nigar	PhD	Gazi University	nkalkan@gazi. edu.tr
Камалова Шахназ Новрузовна (Kamalova Shakhnaz)	аспи- рант	Восточный факультет Санкт- Петербургского государственного университета	kamalo- vashahnaz1@ rambler.ru
Kaplan Mahmut	Prof.	Fatih University, Depart- ment of Turkish Language and Literature	mahmutka- plan@fatih.edu. tr
Károly László	PhD	Johannes Gutenberg-Univer- sität Mainz	karoly@uni- mainz.de

Kasai Yukiyo	Dr.	Akademienvorhaben Turfan- forschung, Berlin-Branden- burgische Akademie der Wissenschaften	kasai@bbaw.de
Хачатрян Лусине Аветиковна (Khachatryan Lusine)	к.ф.н.	Ереванский государственный университет	lusine.erevan@ gmail.com
Мамедова Парвана Гаджи кызы (Mammadova Parvana Haji)	к.ф.н.	Институт Национальной академии наук Азербайджана	mamedli_ph@ yahoo.com
Хертек Аржаана Борисовна (Khertek Arzhaana)	к.ф.н.	Тувинский государственный университет	khertek-ab@ yandex.ru
Хисамов Олег Ришатович (Khisamov Oleg)	к.ф.н.	Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	ohisamov@mail. ru
Kılıçarslan Mustafa	Assist. prof.	Fatih University, Depart- ment of Turkish Language and Literature	mkilicarslan@ fatih.edu.tr
Koca Selçuk Kürşad	Assist. prof.	Sakarya University, Depart- ment of Turkish Language and Literature	skursadkoca@ sakarya.edu.tr
Kohrs Kegel Helga Dorothea	Assoc. prof.	Universidad de Granada (España)	hkohrs@ugr.es
Köktaş Yavuz	Assist. Prof.	Sakarya University State Conservatory	ykoktaş@sa- karya.edu.tr
Кормушин Игорь Валентинович (Kormushin Igor)	д.ф.н.	Институт языкознания Российской академии наук	igorkormushin@ yandex.ru

Küçük Murat	Assist. Prof.	Ankara University	muratkucuk25@gmail.com
Kul Ömer	Assist. Prof.	İstanbul University	kulomer@hotmail.com
Кульганек Ирина Владимировна (Kulganek Irina)	д.ф.н.	Институт восточных рукописей Российской академии наук	kulgan@inbox.ru
Латфуллина Ландыш Гиниятовна (Latfullina Landysh)	к.ф.н.	Московский педагогический государственный университет	landysh2004@bk.ru
Лебедев Эдуард Евгеньевич (Lebedev Edward)	к.ф.н.	Чувашский государственный институт гуманитарных наук	edlebed@gmail.com
Lee Nan A	PhD	Keimyung University	nanalee@gw.kmu.ac.kr, nanaistanbul@hotmail.com
Li Yong-Song	Dr.	Department Asian Languages and Civilizations (Seoul National University)	yongsong-li1964@empas.com
Махмудова Айнура Вагифовна (Mahmudova Ainura)	к.ф.н.	Национальная академия наук Азербайджана	aynuram@rambler.ru
Макарова Венера Файзиевна (Makarova Venera)	д.ф.н.	Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов	ngpi@tatngpi.ru
Матушкина Наталья Александровна (Matushkina Natalya)	к.ф.н.	СПбГУ	mblxa@inbox.ru

Matsui Dai	Dr.	Osaka University	dmatsui@nifty.com
Меерманова Жаннет Амангельдиевна (Meyermanova Jannet)	аспирант	Selçuk University	jannetmeyermanova@selcuk.edu.tr
Meyer Mikhail	Prof.	President of Institute of Asian and African Studies, Moscow State University	
Миннуллина Фатъма Халиулловна (Minnullina Fatyma)	к.ф.н.	Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	minnullina77@mail.ru
Мирхаев Рифат Фирдинатович (Mirhaev Rifat)	к.ф.н.	Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	mirhaev77@mail.ru
Мишкинене Галина Антоновна (Miskiniene Galina)	д-р гуманитарных наук	Вильнюсский университет	galina.miskiniene@flf.vu.lt
Муратова Римма Талгатовна (Muratova Rimma)	к.ф.н.	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук	bairima@yandex.ru
Мухаметзянова Лилия Хатиповна (Mukhametzyanova Lilia)	доцент	Отдел народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	lilmuhat@mail.ru
Насилов Дмитрий Михайлович (Nasilov Dmitry)	д.ф.н.	Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета	kulgan@inbox.ru

Нахмедов Ахмед Пирверди оглы (Nahmedov Ahmet)	PhD	Университет Аднана Мендереса, Филологический факуль- тет, кафедра турецкого языка и литературы	ahmet.bey@ hotmail.com; anahmedov@ adu.edu.tr
Невская Ирина Анатольевна (Nevskaya Irina)	д.ф.н.	Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Institute of Empirical Lin- guistics, Turcology, Univer- sität Frankfurt	nevskaya@ em.uni-frank- furt.de
Нуриева Фануза Шакуровна (Nureyeva Fanuza)	д.ф.н.	Казанский (Приволжский) федеральный университет	fanuzanurieva@ yandex.ru
Nurlu Muammer	Prof.	Gazi University	mnurlu@gazi. edu.tr
Образцов Алексей Васильевич (Obraztsov Alexey)	к.ф.н.	Санкт-Петербургский государственный университет	0708ural@mail. ru
Оганова Елена Александровна (Oganova Elena)	к.ф.н.	Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета	ova8@yandex.ru
Озонова Айяна Алексеевна (Ozonova Ayana)	к.ф.н.	Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук	ajanao@mail.ru
Ооржак Байлак Чаш-ооловна (Oorzhak Baylak)	к.ф.н.	Тувинский государственный университет	oorzhak.bay- lak@mail.ru
Осипчук Инна Игоревна (Osipchuk Inna)	MA	Эстонский гуманитарный институт Таллиннского университета	innao@msn.com

Ölmez Mehmet	PhD	Yıldız Technical University	olmez.mehmet@gmail.com
Özcan Abdülkadir	Prof.	Fatih Sultan Mehmet Vakıf University, Department of History	akozcan@gmail.com
Öztürk Fatih	Assist. prof.	Karamanoğlu Mehmetbey University	efesemm@gmail.com
Передня Александра Дмитриевна (Perednya Alexandra)	аспирант	Санкт-Петербургский государственный университет	alexisse@yandex.ru
Посохова Екатерина Васильевна (Posokhova Ekaterina)	к.ф.н.	Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского	katerinaposohova@gmail.com
Прушковская Ирина Витальевна (Prushkovskaya Irina)	к.ф.н.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко	irademir@mail.ru
Пылев Алексей Игоревич (Pylev Alexey)	к.ф.н.	Санкт-Петербургский государственный университет	pylev_aleksey@mail.ru
Raschmann Simone-Christiane	Dr.	Göttingen Academy of Sciences	raschmann@bbaw.de
Sazak Gözde	Assist. Prof.	İstanbul University	sazakgozde@gmail.com
Рассадин Валентин Иванович (Rassadin Valentin)	д.ф.н.	Калмыцкий государственный университет	rassadin17@mail.ru
Репенкова Мария Михайловна (Repenkova Maria)	д.ф.н.	Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета	mmrepenkova@rambler.ru

Сабитова Ильгамия Исламутди новна (Sabitova Pgamia)	к.ф.н.	Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	sabitova_1965@ mail.ru
Саргсян Ани Гамлетовна (Sargsyan Any)	к.ф.н.	Ереванский государственный Университет	ani_sargsian@ yahoo.com
Сарыгёз Ольга Владимировна (Sarıgöz Olga)	соис- катель	Белорусский государственный университет	Olgasarby@ yandex.ru
Сарышахин Дильбер (Sarışahin Dilber)	аспи- рант	Санкт- Петербургский государственный университет	dlbrcngz@ gmail.com
Селютина Ираида Яковлевна (Selyutina Iraida)	д.ф.н.	Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук	siya_irina@ mail.ru
Şenol Ali Osman	Phd stu- dent	Moscow Region State Uni- versity	aosman2811@ gmail.com
Шагдурова Ольга Юрьевна (Shagdurova Olga)	к.ф.н.	Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук	kokoshnikova@ mail.ru
Шамина Людмила Алексеевна (Shamina Ludmila)	д.ф.н.	Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук	Shamina_la@ mail.ru
Сибгатуллина Альфина Тагировна (Sibgatullina Alfina)	д.ф.н.	Институт Востоковедения Российской академии наук	alfina2003@ yandex.ru

Софронова Лариса Владиславовна (Sofronova Larisa)	к.ф.н.	Дипломатическая академия МИД РФ	lvs877@gmail.com
Сулейманова Алия Сократовна (Suleimanova Alia)	к.ф.н.	Санкт-Петербургский государственный университет	suleymanova2001@mail.ru
Сулейманова Резида Ахметьяновна (Suleimanova Resida)	к.ф.н.	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук	suleimanova-r@mail.ru
Суюнова Насипхан Хусиновна (Suyunova Nasiphan)	д.ф.н.	Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики	soyunen@yandex.r
Таганова Марал Аннаевна (Taganova Maral)	к.ф.н.	Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана	manyeje@mail.ru
Тагирова Фярида Инсановна (Tagirova Farida)	к.ф.н.	Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	feride2412@mail.ru
Taşkaya Yahya	Sen. lect.	Moscow State Humanitarian-Economics University (Московский государственный гуманитарно-экономический университет)	yahyataskaya@gmail.com
Теклели Минаханум (Tekleli Minahanum)	д.ф.н.	Кавказский университет; Институт Кавказских Исследований (Баку, Азербайджан)	mnuriyeva@qu.edu.az

Телицин Николай Николаевич (Telitsin Nikolay)	к.ф.н.	Санкт-Петербургский государственный университет	n.telitsin@spbu. ru
Терентьева Ольга Николаевна (Terentyeva Olga)	к. филос. н.	Чувашский государственный институт гуманитарных наук	oterente- va2005@yan- dex.ru
Tieshan Zhang	Prof.	Institute of Minority Lan- guages and classics of Minzu University of China	zhangtieshan@ sina.com
Тогузаева Миррат Рашидовна (Toguzayeva Myrрад)	к.ф.н.	Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова	
Tunç Yasin	Assist. Prof.	İPEK Üniversitesi	eyvtunc@gmail. com
Umemura Hi- roshi	Prof. PhD	Chuo University, Tokyo	umemura@fps. chuo-u.ac.jp
Uysal İdris Nebi	PhD	Karamanoğlu Mehmetbey Univetsity	uysal_idris@ hotmail.com
Валеев Рамиль Миргасимович (Valeev Ramil)	д.и.н., проф.	Казанский государственный университет	valeev200655@ mail.ru
Яданова Кузелеш Владимировна (Yadanova Ku- zelesh)	к.ф.н.	Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова	kuzesh@mail. ru
Yavuz Rahime İrem	re- search assist.	Başkent University	
Юша Жанна Монгеевна (Yu- sha Zhanna)	к.ф.н.	Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук	zhanna-yusha@ yandex.ru

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна (Yuzmukhame- tova Landysh)	к.ф.н.	Казанский федеральный университет, Институт языка, кафедра английского языка	land_yz@mail. ru
Закирова Ильсеяр Гамиловна (Za- kirova Ilsiyar)	д.ф.н.	Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан	ilzakirova@ mail.ru
Zieme Peter	Prof.	Freie Universität Berlin, Institut für Turkologie	ziemepet@ gmail.com
Жуков Константин Александрович (Zhukov Konstantin)	к.и.н.	Санкт- Петербургский государственный университет	konstantin. zhukov2011@ yandex.ru

**ББК 81.2Тюрк
Я41**

**Я41 Языки и литературы тюркских народов. — СПб.,
2015. — 155 с.**

ISBN 978-5-94396-179-3

В сборнике представлены тезисы выступлений участников международной конференции 2015 г.

Издание предназначено для специалистов в области тюркской филологии.

ББК 81.2Тюрк

Научное издание

*Корректор Е.Л. Белкина
Обложка А.А. Хорошилова*

Подписано в печать с оригинал-макета 20.10.15.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем 9,25 п.л.

Тираж 150 экз. Заказ 106.